РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

3(92)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия: Зарплата и забастовки
Russia: Wages and Strikes

Как преодолеть бедность?
How to Overcome Poverty?

Современный мир: Тенденции и конфликты
The World of Today: Trends and Conflicts

Пакт Молотова–Риббентропа: История заключения
Molotov–Ribbentrop Pact: The History of Negotiations

Китай сегодня: Преобразования и проблемы
China Today: Reforms and Problems

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2016

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2016. – ISSN 1726–5223. – № 3 (92). – 265 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Э.Н. Соболев
Россия: Заработная плата и динамика забастовочной активности 6

О.А. Александрова
Борьба с бедностью и неравенством: Мифы и аксиомы 25

Д.В. Мельник
Модернизация экономики России: В поисках субъекта 40

РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ

А.А. Горелов
Мегатенденция современного мирового развития 56

В.Н. Чернега
«Брексит» и европейские перспективы России 65

В.А. Ковалёв
«Лишние» люди – новые «расколы»: Основа конфликтов в современном мире 76

И.С. Синицина
Некоторые итоги социального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы за годы системной трансформации 88

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

E.N. Sobolev
Russia: Wages and the Dynamics of Strike Activity 6

O.A. Aleksandrova
Overcoming poverty and inequality: Myths and axioms 25

D.V. Melnik
Modernizing the economy of Russia: In search of subject 40

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

A.A. Gorelov
The megatrend of the present-day global development 56

V.N. Chernega
«Brexit» and the European perspectives of Russia 65

V.A. Kovalev
«Unwanted» people – new «schisms»: The foundation of conflicts in today's world 76

I.S. Sinitsina
Some outcomes of the social development in the Central and South-Eastern countries during the years of systemic transformation 88

Т.Э. Валева
Российско-болгарские отношения сегодня 105

T.E. Valeva
The present-day Russia-Bulgaria relations

СЕГОДНЯШНЯЯ УКРАИНА

UKRAINE TODAY

В.Н. Бабенко
«Майданная» Украина (2005–2014): Между Россией и Евросоюзом 115

V.N. Babenko
The «Maidan» Ukraine (2005–2014): Between Russia and the European Union

В.Ю. Даренский
Массовый национализм в современной Украине: Необходимость осмысления 129

V.Yu. Darenskiy
Mass Nationalism in the present-day Ukraine: The need of understanding

В.А. Радзиевский
О современных украинских мифах 141

V.A. Radziyevsky
About the current Ukrainian myths

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

А.Г. Донгаров
Пакт Молотова–Риббентропа: Запланированный экспромт 148

A.G. Dongarov
Molotov–Ribbentrop Pact: A planned impromptu

А.А. Мигранян, М.Ф. Ткаченко
Правовые аспекты гармонизации трудового миграционного законодательства 168

A.A. Migranyan, M.F. Tkachenko
Legal aspects of harmonization of migration legislation

А.В. Гордон
Китай при Си Цзиньпине: Проблемы и перспективы 182

A.V. Gordon
Xi Jinping' China: Problems and Perspectives

Л.С. Дегтярь, Е.Е. Шестакова
Социальное страхование КНР на этапе преобразований 198

L.S. Degtyar', E.E. Shestakova
Social insurance in China during the times of transformation

В.М. Головач
Западнорусизм как концепция белорусского этногенеза 209

С.Я. Левит
Творчество М.О. Гершензона в восприятии современников 217

В.М. Кулькина
Особенности современной прозы: Деконструкция текста у В. Пелевина и П. Остера 229

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Н.А. Комочев
К юбилею Русского исторического общества 236

В.В. Леонидов
«Посольство на Таганском холме». К истории создания Дома русского зарубежья им. А. Солженицына 242

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Экономические санкции и международная торговля 246

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 251

V.M. Golovach
Zapadnorusizm as a theory of Byelorus' ethnic development

S.Ya. Levit
M.O. Gershenzon in the perception of contemporaries

V.M. Kulkina
The peculiarities of modern prose: Deconstruction of texts in V. Pelevin's and P. Auster's

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

N.A. Komochev
The jubilee of the Russian historical society

V.V. Leonidov
«The embassy on the Taganka hill». On the history of the A. Solzhenitsin House of the Russian Abroad

SURVEYS. DIGESTS

Economic sanctions and international trade

SUMMARIES

Э.Н. Соболев

РОССИЯ: ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ДИНАМИКА ЗАБАСТОВОЧНОЙ АКТИВНОСТИ

Соболев Эдуард Неньевич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ФБГУН Институт экономики РАН.

Проблема взаимосвязи заработной платы и забастовочной активности относится к числу дискуссионных. Ряд исследователей исходит из старой марксистской концепции, согласно которой наибольшее число забастовок происходит во время экономического спада, когда происходит падение реальной заработной платы. Существует и противоположная позиция: протестная активность усиливается при экономическом подъеме, когда день простоя для капитала чреват потерей прибыли и работники чувствует себя более уверенно [5; 12]. Наконец, имеется точка зрения, отрицающая однозначную связь оплаты труда и забастовок [19, с. 8–14; 10].

К сожалению, имеющиеся официальные статистические данные не позволяют дать полную картину состояния и динамики забастовочной активности в российской экономике. В статистику Росстата попадают только официально признанные забастовки, а «дикие» в отчетность не включаются. Также в официальную статистику не попадают демонстрационные забастовки длительностью менее одного дня. Дополнительным источником информации служит судебная статистика, которая фиксирует трудовые споры, разбираемые в судах общей юрисдикции с целью признания забастовок незаконными. Важную часть эмпирической базы составляют данные независимых мониторингов, проводимых Российским экономическим барометром (РЭБ), Центром социально-трудовых прав (ЦСТП), а также данные социологических обследований Института экономики РАН.

Имеются проблемы и с выбором показателей забастовочного движения. Росстат фиксирует три основных показателя: число забастовок, численность бастующих и количество времени, неотработанного участниками забастовок. Но эти показатели ничего не говорят о степени распространенности забасто-

вок в российской экономике. Более того, если на них опираться, можно получить искаженное представление об уровне и динамике забастовочной активности. Поэтому в качестве основного предлагается *показатель уровня забастовочной активности, рассчитываемый как число потерянных из-за забастовок рабочих дней на 1 тыс. человек, работающих по найму*. Этот удельный макроэкономический показатель является, с нашей точки зрения, лучшим индикатором интенсивности забастовочного движения. Он дает возможность и для межстрановых сопоставлений.

Что касается статистики оплаты труда, то в большинстве случаев заработная плата отслеживается только по крупным и средним предприятиям. В национальном обследовании населения по проблемам занятости, охватывающем весь массив работающего населения, включая занятых на малых предприятиях, вопросы об оплате труда отсутствуют. Очень мало официальных данных по скрытой (теневой) оплате труда, составляющей, по оценке Росстата, около 25% совокупных доходов населения [14, с. 245–252].

Словом, ограничений и пробелов очень много. Тем не менее даже имеющиеся данные позволяют получить представление о сравнительной динамике заработной платы и забастовочной активности в России (рис. 1).

Годы трансформационного спада. После начала радикальных рыночных преобразований в 1992 г. социально-экономическое положение российских работников серьезно ухудшилось. По официальным оценкам, в период с 1991 по 1998 г. реальная заработная плата сократилась в России примерно втрое. На фоне такого снижения резко усилилась ее дифференциация, массовый характер приняли невыплаты заработной платы.

Большинство забастовок в эти годы происходили на государственных предприятиях и в бюджетных организациях, а также на предприятиях отраслей, получающих государственные дотации. Бастовали прежде всего учителя, врачи, угольщики. Зачастую это были просто стихийные остановки работы, в малой степени зависящие от деятельности профсоюзов. В то же время протестные акции нередко исподволь специально организовывались самой же администрацией («красными директорами») с целью, во-первых, выбивания финансовых ресурсов из центра, а во-вторых, формирования «отводного клапана» в случае накопления недовольства деятельностью администрации со стороны трудового коллектива. В этот период выявилась особенность российских забастовок, заключающаяся в их направленности преимущественно против центральных властей и лишь в незначительной мере непосредственно против руководства предприятий, т.е. доля конфликтов типа «труд – капитал» была существенно ниже по сравнению с конфликтами типа «труд – государственная власть». Только один из восьми конфликтов являлся классовым в традиционном смысле слова.

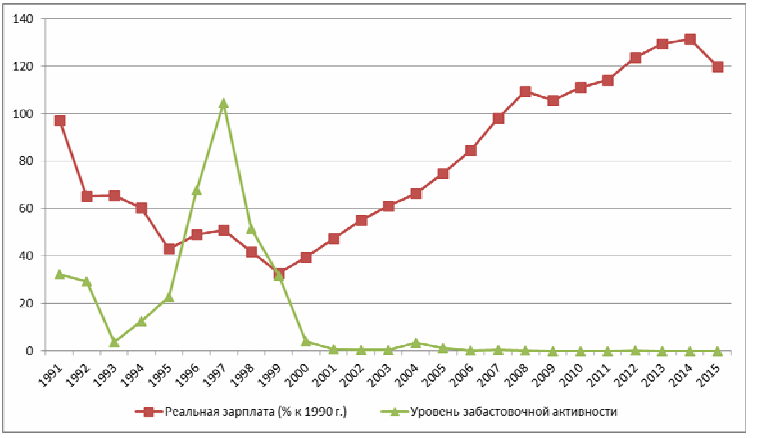

Рис. 1. Индекс реальной заработной платы и забастовочной активности

В этот период наблюдалось два всплеска забастовочной активности. Первый всплеск – в начале 90-х годов – связан **со снижением реальной зарплаты в результате инфляции и «шоковой терапии»** (табл. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН, РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ЗАБАСТОВОЧНОЙ АКТИВНОСТИ

Показатель	*1990*	*1991*	*1992*	*1993*	*1994*	*1995*	*1996*	*1997*
Индекс потребительских цен (в % к предыдущему году)	105,0	260,4	2609,0	939,9	315,1	231,3	121,8	111,0
Индекс реальной зарплаты (в % к 1990 г.)	100	97	65,3	65,6	60,4	43	49	51
Уровень забастовочной активности	3,1	32,3	29,4	3,7	12,5	22,8	67,8	104,5

Составлена на основе данных Росстата.

Второй всплеск забастовочной активности приходится на вторую половину 90-х годов, когда высокими темпами росла **задолженность по зарплате** (рис. 2). Хотя задержки зарплаты появились уже в первые месяцы 1992 г., их

пик пришелся на середину 1998 г. Тогда ими оказались охвачены около 2/3 всех наемных работников. В реальном выражении задолженность по заработной плате увеличилась примерно в 10 раз. Если в 1992–1993 гг. она составляла менее 1/5 месячного фонда оплаты труда предприятий, то к концу 1998 г. – уже свыше 1,5 месячного фонда. Это означало, что в пик кризиса для предприятий затраты на рабочую силу были на 15–20% ниже ее полной «контрактной» стоимости [24, с. 63].

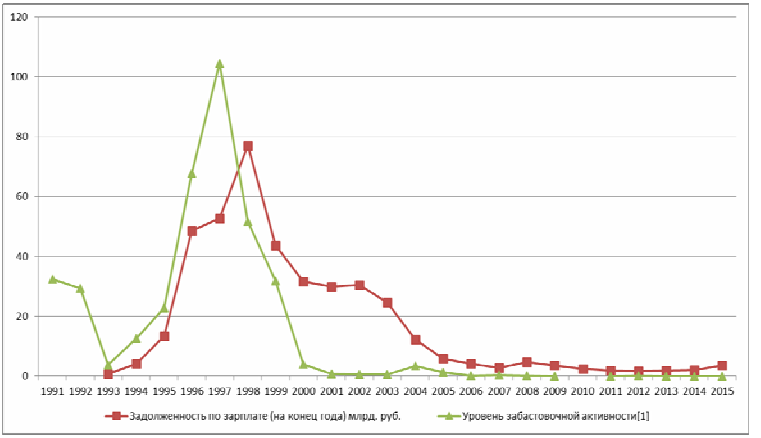

Рис. 2. Динамика задолженности по заработной плате и уровня забастовочной активности

Такое положение дел подтверждают и социологические обследования на микроуровне. По данным Обследования гибкости рынка труда в промышленности (ОГРТ), проведенного ИЭ РАН в 1997 г., невыплаты охватили более 41% предприятий промышленности. Работники не получали в срок до 88% заработной платы, а средний период невыплат составлял в 1997 г. 2,5 месяца.

Основная масса конфликтов концентрировалась вокруг проблем оплаты труда (2/3 от общего числа выявленных конфликтов). Тем не менее прямой связи динамики протестных действий с динамикой оплаты труда не прослеживается. Исключение составляет ситуация с задержками в выплате заработной платы. Если на предприятиях, где не наблюдалось задержек заработной платы, конфликты имели место лишь на трети предприятий, то на предприятиях, где задержки составляли более шести месяцев, уровень конфликт-

ности достигал 100% [22, с. 9]. Для России именно задержки в выплате зарплаты традиционно являются самым мощным конфликтогенным фактором, главным источником социальной напряженности. Динамика задолженности и забастовочной активности практически повторяют друг друга (рис. 2).

В 1997 г. была зафиксирована максимальная забастовочная активность за весь постсоветский период, когда в расчете на 1 тыс. занятых по найму терялось 104,5 дней. Но даже в 1997 г. в забастовках участвовали менее 1,5% работающего населения. По западным понятиям, это весьма умеренный уровень забастовочной активности. Иными словами, глубочайший трансформационный кризис не привел к массовым трудовым конфликтам в России [9, с. 4–5; 3, с. 170–174].

Эффективность забастовок была невысокой. Поэтому не случайно, большинство профсоюзных лидеров – от 70 до 80% – в ходе опросов в 1995, 1998 и 1999 гг. высказали мнение, что забастовка либо «ничего не дает работникам», либо «осложнит положение предприятия» [22, с. 5].

Период восстановительного роста. Уровень забастовочной активности во второй (1999–2008) период определялся последефолтовым ростом экономики, когда ситуация с заработной платой стала быстро улучшаться. Ежегодные темпы ее прироста составляли 10–20%. За период с 1999 по 2008 г. реальная заработная плата возросла более чем втрое. В 2008 г. был достигнут советский уровень оплаты труда [24, с. 62]. Конечно, это был в значительной степени восстановительный рост, компенсирующий спад предыдущих лет.

Было несколько этапов в динамике оплаты труда.

На первом этапе – после 1998 г. – произошел переход от номинального к реальному росту оплаты труда. Но поскольку рост оплаты отставал от роста прибыли корпораций, то происходило падение зарплатоемкости ВВП. На втором (с середины 2001 г.) этапе рост оплаты стал обгонять и рост ВВП, и рост общей массы прибыли корпораций. То есть расходы корпораций на оплату труда наемных работников увеличились, соответственно уменьшилась величина прибыли на 1 руб. оплаты труда. В результате доля оплаты труда в ВВП достигла среднеевропейского уровня (около 50%)[1].

Существенно сократилось зарплатное неравенство: в 2001 г. коэффициент фондов по зарплате составлял почти 40, а в 2009 – около 15. Важнейшим фактором, который способствовал повышению темпов роста заработной платы низкооплачиваемых работников, явилось поэтапное повышение минимального размера оплаты труда (МРОТ) до социально значимой величины, а также мероприятия по повышению оплаты труда бюджетников. В этот

1. Национальные счета России в 2007–2014 годах: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 166.

период потеряла свою актуальность проблема невыплат заработной платы. К середине 2008 г. их объем составлял менее 2% от месячного фонда оплаты труда, а охват работников невыплатами сократился до примерно 1%.

С началом экономического роста протестные действия пошли на убыль. Так, в 2000 г. численность работников, участвующих в забастовках, уменьшилась по сравнению с 1999 г. в 8 раз. Постепенно исчезли забастовки, связанные с невыплатами заработной платы. Положительную роль в этом сыграло и некоторое оживление переговорного процесса в рамках системы социального партнерства.

Единственный для этого периода всплеск забастовок фиксируется в 2004–2005 гг. Основной причиной забастовок были проблемы с заработной платой в связи с устойчивым **повышением тарифов на оплату услуг жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и удорожанием стоимости образования и услуг здравоохранения**. Только за 2004 г. прирост тарифов на услуги ЖКХ превышал общий прирост потребительских цен в 3,23 раза. Основная роль в забастовочной активности в эти годы принадлежала работникам здравоохранения и образования, которые наиболее остро ощутили изменение тарифов.

Однако эти забастовки носили преимущественно демонстрационный характер (не более одного-двух дней) и в полной мере забастовками не являлись. Реального прекращения работы не было. В основном акцент был сделан на митингах, пикетировании зданий городской администрации. Забастовки «бюджетников» были организованы отраслевыми профсоюзами, входящими в систему ФНПР, были согласованы с руководителями «бастующих» учреждений и представляли собой типичные так называемые директорские забастовки [10]. Поэтому, хотя забастовок было много, но из-за малой их продолжительности, уровень забастовочной активности был невысокий.

Период экономической нестабильности (с 2009 г. по настоящее время). По большему счету не изменилась ситуация и в последние годы. Наметилась лишь тенденция к незначительному оживлению забастовочного движения. Все это происходило на фоне усиления нестабильности положения наемных работников в сфере труда, в том числе в области оплаты труда.

Во время кризиса работодатели предпочитают замораживать заработную плату, в результате чего из-за инфляции ее реальный уровень падает. Падение в 2009 г. по сравнению с 2008 г. составило 3,5%. Более глубокому падению в первую волну кризиса препятствовало повышение МРОТ, которое затронуло заработки не менее 6% всех наемных работников, а также 30%-ное повышение оплаты труда работников бюджетного сектора. Правда, в небюджетном секторе «проседание» реальной зарплаты было более значительным. В дальнейшем тенденция к росту возобновилась.

Во вторую волну кризиса замораживание зарплаты или незначительный ее рост в номинальном исчислении происходит при достаточно высокой инфляции (в отличие от кризиса 2008–2009 гг.), что, естественно, сказывается на динамике реальной зарплаты. Среднемесячная реальная зарплата в 2015 г. составляла 91,0% от среднемесячной реальной зарплаты в 2014 г. Столь масштабное падение реальной зарплаты происходит впервые с 1998 г.

Задолженность по зарплате на 1 июля 2016 г. достигла 3,8 млрд руб., а численность работников, имеющих невыплаты, составляла 74 тыс. человек[2]. Однако в относительном выражении это абсолютно незначительные величины: объем просроченной задолженности составляет менее 1% месячного фонда зарплаты работников, а процент работников, кому задолжали, – 0,13% от всех работников. Это даже ниже, чем в 2009 г. в первую волну кризиса, не говоря уже о показателях задолженности конца 90-х годов. В наихудшем положении оказались работники малых предприятий, среди которых почти пятая часть (18,8%) указали на задержку заработной платы[3]. В перспективе некоторый рост задолженности можно ожидать, но существуют большие сомнения, что этот рост будет значительным. Безусловно, сыграет свою роль введение жестких санкций (вплоть до уголовной ответственности) за задержку выплаты зарплаты[4].

По результатам апрельского обследования Росстата, **зарплатное неравенство** в 2015 г. по сравнению с 2013 г. заметно сократилось: с 15,7 до 14,5. Несмотря на некоторое относительное снижение доли прибыли корпораций в ВВП, ее масса остается весьма внушительной. А учитывая, что 2/3 чистой прибыли экономики направляется собственникам капитала и высшим менеджерам в качестве доходов по акциям, облигациям и другим выплатам из прибыли, эта тенденция наряду с более быстрым ростом абсолютного размера заработной платы высокооплачиваемых работников является основой сохранения высокой дифференциации доходов, получаемых отдельными социальными группами населения [17, с. 103].

Произошло некоторое оживление **забастовочного движения**, но о наступлении нового качественного этапа говорить не приходится. Об этом свидетельствуют данные таблицы 2 о числе забастовок в 2008–2015 гг. по различным источникам. Центр социально-трудовых прав фиксирует наиболее высокий, но тоже весьма умеренный уровень забастовочной активности.

2. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/139.htm

3. По данным Обследования социально-экономической защищенности населения столицы, занятого в малом бизнесе, проведенного в 2014–2015 гг. по заказу Уполномоченного по правам человека в г. Москве.

4. При задержке выплаты заработной платы более чем на 15 дней у работников в соответствии со ст. 142 ТК РФ возникает право приостановить работу.

Правда, отметим, что Центр склонен излишне драматизировать ситуацию. Руководители Центра из года в год прогнозируют существенный рост числа протестов с частичной или полной остановкой производства. На наш взгляд, к такому выводу их подталкивает некоторая идеологическая предвзятость, а также излишне вольная трактовка самого понятия забастовок, когда под ними понимаются любые протестные акции, проводимые в рабочее время. Кстати, подспудно понимают это и в самом Центре, когда вместо забастовок используют термин «стоп-акции». Но в действительности, как демонстрируют данные того же Центра, с макроэкономической точки зрения забастовочная активность остается статистически незначительной величиной[5]. Она существенно проигрывает в относительном выражении тому, что было в 90-х годах.

Таблица 2

**ЧИСЛО ЗАБАСТОВОК В 2008–2015 гг.
(ПО ДАННЫМ РОССТАТА, ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ
И СУДЕБНОГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ)**

Год	*Росстат*	*Центр социально-трудовых прав*	*Судебный департамент Верховного Суда РФ*
2008	4	60	40
2009	1	106	64
2010	0	88	34
2011	2	91	41
2012	6	95	46
2013	3	102	...
2014	2	97	…
2015	5	168	…

В то же время за последние год-полтора наметились определенные изменения в характере забастовочной активности. Во-первых, в территориальном разрезе произошло смещение протестов из центра на периферию. Во-вторых, в отраслевом разрезе наметилась тенденция к уменьшению числа протестов в промышленности, хотя резко возросла протестность на транспорте. В-третьих, наблюдается ощутимый рост протестности в бюджетных секторах, прежде всего в образовании и медицине. В-четвертых, возросло число стихийных протестов рабочих, которые организуются без всякого участия профсоюзов. В-пятых, вновь произошел рост протестов по причине невыплаты заработной платы. По данным ЦСТП, 42% протестов связано с этой причиной. Причем среди этих протестов 57% составляют забастовки [1].

5. http://trudprava.ru/monitoring/1694

В известной мере ситуация возвращается к 90-м годам, только с более скромными показателями забастовочной активности.

Оборонительные и наступательные забастовки. Трудность определения зависимости *между социально-экономическим положением работников и забастовочной активностью* связана с тем, что число забастовок может расти как при ухудшении, так и при улучшении этого положения. Это связано с тем, что имеются два принципиально различных типа забастовок – оборонительные и наступательные. Они различны по целям, по составу участников, по тому, какие предприятия охватывают. Оборонительные забастовки имеют целью по возможности сдержать ухудшение положения работников во время кризиса и неблагоприятной конъюнктуры на рынке труда, наступательные – направлены на улучшение условий коллективных и индивидуальных контрактов при экономическом подъеме.

Специфика оборонительных забастовок в России, особенно в 1990-е годы, заключалась в том, что они, по сути, выродились, по меткому выражению Б. Кагарлицкого, в «полуголодные бунты отчаявшихся людей», когда ни о какой организованной и осмысленной защите интересов работников речи не шло [5]. Бастующие требовали заплатить зарплату или выдать хоть какие-то деньги в счет огромного долга, накопившегося у предприятия перед рабочими. Большинство забастовок вспыхивало стихийно. Как правило, профсоюзы имели мало отношения к их организации.

Наступательные забастовки для России – новое явление и в основном происходят на предприятиях транснациональных корпораций и в нефтяной отрасли. Самой известной из наступательных акций стала забастовка 20 ноября – 14 декабря 2007 г. на заводе «Форд» во Всеволожске Ленинградской области. Это был трудовой конфликт нового типа: впервые забастовка произошла не на депрессивном предприятии, а на современном заводе, принадлежащем международной корпорации. Ее участниками стали не доведенные до отчаяния люди, а рабочие, готовые организованно бороться за повышение своего уровня жизни. Итогом забастовки стало повышение зарплаты на 14–20% при инфляции в 2007 г. – 9% и заключение нового коллективного договора.

Пока число забастовок новой волны, протекающих на относительно благополучных предприятиях, в стране мизерное количество, они погоды не делают. Да и эффективность их не очень высока. Тем не менее тенденция наметилась и с ней придется в будущем считаться. Тем более за этими забастовками стоят не ФНПР, лояльная к власти и работодателям, а гораздо более

воинственные альтернативные профсоюзы, к тому же поддерживаемые извне международным профсоюзным движением[6].

Факторы низкой забастовочной активности

Само по себе ухудшение положения работников в сфере трудовых отношений не является конфликтом, а лишь создает социально-экономические предпосылки для его возникновения. В России, в отличие от стран с развитой рыночной экономикой, работники неохотно идут на открытые столкновения с администрацией даже в случае явного ущемления их прав и интересов. Тем самым конфликт остается в потенции, т.е. в подавленном состоянии.

В чем же дело? Почему наблюдается такой парадокс – «когда проблем в социально-трудовой сфере много – а забастовок мало»?

По нашему мнению, здесь действуют три группы факторов: *экономические*, связанные с функционированием российского рынка труда и организационной структурой производства, *институциональные* и *ценностные*.

Рассмотрим подробнее эти группы факторов.

К ***экономическим факторам*** относится прежде всего ситуация на рынке труда. Напряженная ситуация на рынке труда снижает угрозу забастовки. Старая марксистская догма, что ситуация, «когда очень плохо», с необходимостью вызывает забастовки, в действительности фальсифицировала реальную статистику. На практике все с точностью наоборот. В годы спада или депрессии неблагоприятная рыночная конъюнктура нейтрализует действие фактора низкой оплаты труда. Продукцию сбыть трудно, рабочие находятся под угрозой увольнения, бастовать в таких условиях сложно. Забастовки возникают лишь тогда, когда положение работника становится буквально нестерпимым. В какой мере устойчивость положения работников на рынке труда влияет на уровень их реального участия в конфликтах, можно судить по данным социологических обследований. Работники, высоко оценивающие свои шансы на рынке труда, вступают в конфликт почти на 40% чаще, чем работники, считающие, что найти равноценную работу им практически невозможно.

В условиях, когда трудно найти работу, резко возрастает так называемый *порог терпимости*, достижение которого приводит к возникновению реальных конфликтных ситуаций. Гипотеза о возрастании порога терпимости в периоды экономического кризиса и неблагоприятной рыночной конъюнктуры подтверждается эмпирическими исследованиями. К примеру, накоплен-

6. МПРА, которая объединяет рабочих «Форда» (Всеволожск), «АВТОВАЗа» (Тольятти) и др., является членской организацией международного профсоюза IndustriALL.

ная задолженность по зарплате должна достичь почти половины годового фонда, чтобы перспектива забастовки или протеста в иной форме стала реальной[7].

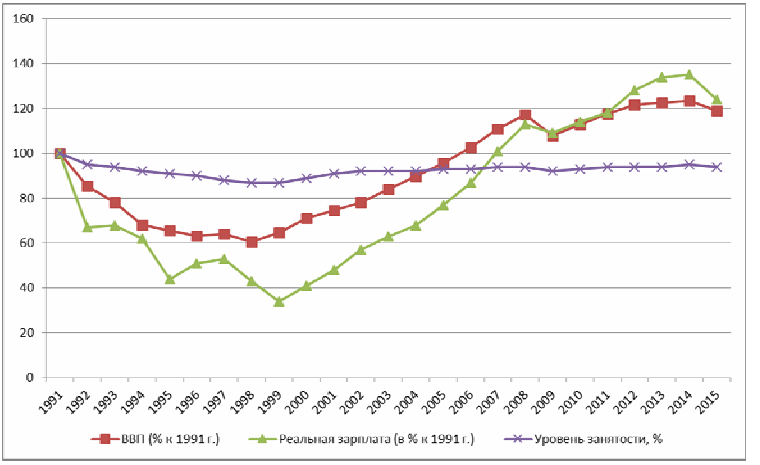

Рис. 3. Динамика ВВП, занятости и реальной заработной платы

В России сложилась такая трудовая модель, которая гасит, амортизирует трудовые конфликты на почве оплаты труда (рис. 3). Занятость (точнее, сохранение рабочего места) есть главный приоритет российской трудовой модели, она ценится работниками выше оплаты. Потери в зарплате рассматриваются как меньшее зло по сравнению с угрозой лишиться рабочего места [7]. Работники нередко сами соглашаются на солидарное снижение заработков в обмен на отказ администрации от сокращений. В этом случае «замораживание» или даже снижение оплаты труда есть следствие согласования интересов, определенных договоренностей профсоюзов с администрацией. Когда Институт экономики РАН проводил обследование гибкости российского рынка труда, то в ответ на вопрос: «Что вы предпочтете, уволить часть работников или снизить зарплату всем», подавляющее число профсоюзных

7. Респонденты РЭБ оценивают предельный срок, в течение которого работники готовы трудиться, не получая никакой оплаты, в пять-шесть месяцев [7, с. 272–274].

лидеров и работников выбирали второе. Да и сегодня в условиях обострившегося кризиса профсоюзы при обсуждении антикризисных мер выступают категорически против увольнения людей и предлагают обсуждать такие меры как сокращение рабочего дня, замораживание зарплаты и т.п.

Большая эластичность заработной платы поддерживается соответствующей организацией оплаты труда (высокая доля переменной части зарплаты, применение теневых схем выплат, распространение задержек зарплаты). Переменная часть оплаты труда (премии и другие поощрительные выплаты), которая традиционно составляет значительную долю в оплате, может колебаться в широких пределах в зависимости от экономического положения предприятий и установок менеджмента. Менеджеры вправе по своему усмотрению полностью или частично лишать таких выплат определенные группы работников или даже весь персонал. При ухудшении экономических условий деятельности предприятий оплата труда сразу устремляется вниз, тогда как при их улучшении – вверх. В кризисном 1998 г. доля переменной части в фонде оплаты труда всех российских предприятий составляла примерно 27%, а в сверхблагополучном 2007 г. – почти 36% [8, с. 50–52]. Подобная зависимость прослеживается не только во времени, но и в пространстве: чем лучше экономическое положение той или иной отрасли, того или иного предприятия, тем выше, как правило, оказывается у них доля поощрительных выплат и более низкая доля тарифа. Например, в структуре заработной платы компаний ТЭК (без учета выплат по районному коэффициенту и северных надбавок) доля тарифа (оклада) составляет от 30% в газовой промышленности до 42–43% в электроэнергетике.

Важным фактором, сдерживающим конфронтацию труда и капитала, является широкое распространение *теневых выплат* заработной платы, которые составляют, по самым грубым подсчетам, треть суммарного заработка. Работник, который получает теневую зарплату, лоялен и бастовать скорее всего не будет.

Серьезно ослабляет позиции наемного работника *низкая территориальная мобильность* рабочей силы. Рынок жилья развит плохо, большинству граждан нет доступа в него из-за крайне низкого уровня доходов. Рабочая сила фактически привязана к одному месту, где формируются локальные рынки труда (региона, мегаполиса, города) со своими ценами на труд. Сдерживает внутреннюю миграцию и то, что значительную часть своего дохода люди получают от «интегрированности» в местную среду (начиная от нужных «знакомств» и кончая подсобными хозяйствами), и потому переезд чреват не повышением, а снижением уровня доходов и качества жизни.

Институциональные факторы. К этим факторам следует отнести прежде всего *жесткий характер трудового законодательств*а, которое устанавливает высокий разрешительный барьер для забастовок. С принятием

нового Трудового кодекса запретительный характер формальных процедур только усилился. Объявление забастовки обставляется таким количеством ограничений и формальностей, что выполнить их в реальной жизни весьма затруднительно. Минимальный срок для ее объявления составляет 42 дня. По данным судебной статистики, если в 1998 г. в иске о признании забастовок незаконными было отказано в 75% случаев, то в 2005 г. только в 25%. Смешно сказать, в 2010 г. не было зарегистрировано ни одной забастовки (!). Это вынуждает работников либо выходить за рамки правового поля и прибегать к таким неправовым средствам защиты как стихийные акции протеста, саботаж, либо ограничиваться отстаиванием своих прав в суде в индивидуальном порядке. К этому следует добавить ограничения права на митинги, демонстрации, пикеты; ужесточение уголовной и административной ответственности за несанкционированные массовые акции.

Второй институциональный фактор – *слабые и несамостоятельные профсоюзы*. Отсутствие мощных консолидированных профсоюзов, сопоставимых по мощи с государством или бизнесом, привело к тому, что катастрофическое падение жизненного уровня в 90-е годы не сопровождались массовыми социальными протестами. Подобная институциональная неоформленность, аморфность служила своеобразной «подушкой безопасности» (термин Р. Капелюшникова) для власти и бизнеса, когда даже сверхсильные шоки гасились без особого ущерба для устойчивости всей системы[8].

Снижение роли забастовок связано с *ростом эффективности судебной системы* в социальной защите работников, что в общем-то соответствует мировым трендам. Как фиксирует бесстрастная судебная статистика, были годы, когда наблюдался рост исковой активности граждан по трудовым делам, а были годы, когда имелось ее снижение, но количество трудовых споров в судах никогда – в отличие от забастовок – не опускалось до статистически неулавливаемой величины. Девять из десяти трудовых споров рассматривались по иску работника, и девять из десяти таких исков удовлетворялись. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2001 г. было рассмотрено 414,4 тыс. споров по оплате труда, в 2005 г. – 597,7 тыс., а в 2014 г. – 489,1 тыс.

В 2000-е годы задолженность по зарплате существенно сократилась. Тем не менее количество исков по задержкам существенно не уменьшилось. Это свидетельствует о том, что работники предпочитали обращаться за защитой своих прав не в профсоюз или в комиссию по трудовым спорам, а непосредственно в суд. В 2014 г. дела о взыскании невыплаченной заработной платы составляли почти две трети (307,5 тыс.) от общего числа трудовых споров об

8. Подробно о состоянии профсоюзного движения см.: [20, с. 6–20; 18, с. 26–34].

оплате труда, а доля выигранных дел приближается к 100%[9]. Сравнение данных профсоюзной статистики и данных судебной статистики показывает, что фиксируемые профсоюзами нарушения составляют только 5–15% от общего числа трудовых споров, рассматриваемых судами [2, с. 43]. Таким образом, вопреки ходячим представлениям, в России судебная система представляет собой наиболее эффективный механизм разрешения трудовых споров, возникающих при нарушении трудового законодательства[10].

Ценностные факторы. Это, с одной стороны, *склонность* российской власти и бизнеса к *авторитаризму* в трудовых отношениях, а с другой – *социальная пассивность* основной массы работников.

Опросы показывают, что работники в массе своей недовольны существующим социально-экономическим положением (размер зарплаты, уровень социальных льгот и гарантий, нарушения трудового законодательства), но не готовы активно бороться за свои права и экономические интересы.

Ряд авторов полагает, что пассивность – проявление извечной российской покорности, имманентная черта русской психологии. Но это не согласуется с фактической историей. В начале XX в. Россия – страна с сильным забастовочным движением, где бастовало на порядок больше, чем в развитых западных странах. В годы нэпа в первой половине 1920-х годов стачечная активность в СССР была выше, а во второй половине несколько ниже по сравнению со среднеевропейскими значениями [23, с. 4–5]. Так что современная пассивность есть привычка, сформировавшаяся в советский период. Свою лепту в ее воспитание внесли и пресловутые 90-е годы, когда окончательно утратились представления об «общем благе», каждый был сам за себя, выживал в одиночку.

Из трех рассмотренных групп факторов – экономических, институциональных и ценностных – ключевую роль играют, на наш взгляд, ценностные, прежде всего отсутствие заинтересованности рядовых работников в коллективной защите своих интересов. Работники либо молчат, либо «протестуют ногами». Это главная причина того, что забастовка не превратилась в действенный рычаг давления на работодателей и власть в России. Именно ценностные факторы лежат в основе углубляющегося кризиса профсоюзного движения.

9. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 г. – http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3139

10. Недостатками судебных механизмов являются, во-первых, слабый инфорсмент, т.е. невысокий уровень исполнения судебных решений; во-вторых, суд правомочен для разрешения конфликтов, связанных с нарушением трудовых прав (те же невыплаты зарплаты), но он не приспособлен для разрешения коллективных конфликтов, прежде всего возникающих при заключении коллективных договоров.

О перспективах забастовочного движения

Динамика забастовочной активности в России в период с начала 1990-х годов по настоящее время демонстрирует, что, несмотря на все приливы и отливы забастовочного движения, никаких массовых протестов и забастовок, захвативших всю страну, мы так и не увидели.

Изменится ли ситуация в ближайшем будущем? По нашему мнению, в ближайшей, да и в среднесрочной перспективе никаких объективных оснований для серьезной переоценки сил в мире труда не видно. Все вышерассмотренные факторы, сдерживающие активность работников на протяжении постсоветского периода, сохранились до сих пор. Поэтому возможность превращения российского рабочего движения в самостоятельную социальную силу следует оценить с изрядной долей скептицизма [13]. В обозримой перспективе останутся крайне слабые формы сопротивления: типичное для России пассивное сопротивление, тихий производственный саботаж, воровство и т.п. Следует согласиться с точкой зрения уже высказанной в литературе, что если рабочие и будут протестовать, то либо от отчаяния, либо в акциях, срежиссированных элитой (типа «директорских забастовок») [12]. Организованные и самостоятельные формы сопротивления и протеста будут развиваться тяжело и медленно. Этот вывод основывается на анализе рабочего движения за последние четверть века.

Могут возразить: а разве митинги и демонстрации, протекавшие на улицах Москвы в 2012 г., не являются показателем пробуждения народных масс? Ответ должен быть отрицательный по следующим причинам.

Во-первых, эта активность лежит за пределами предприятий. Митинги и шествия все же не забастовки.

Во-вторых, протесты в Москве сопровождались «молчанием» провинции. Провинция продолжала находиться в летаргическом сне.

В-третьих, ведущую роль в этих протестах играли либеральные партии и так называемый креативный класс. Опросы ВЦИОМ показали, что рабочих было менее 7%, в основном таксисты и сантехники. Что касается рабочего класса в классическом его понимании, т.е. занятых на фабриках и заводах, то они относились к этим протестам весьма подозрительно. Во всяком случае, заявление нижнетагильских рабочих, направленное против московских акций протеста, – это не просто пропагандистская акция власти [27].

В-четвертых, главное – эти протесты имели не столько социально-экономический, сколько политический характер и были направлены преимущественно против сложившейся в стране системы власти. Именно поэтому в массовых акциях принимали участие такие разнородные социальные силы и движения, как либералы, националисты и левые радикалы. Единство политических интересов при различных и даже противоположных социально-

экономических интересах в российской истории наблюдалось не единожды. Подобная ситуация возникала и в феврале 1917 г., и в 1991 г. Естественно, такой союз не может быть долгосрочным. Оппозиция разнородна. Поэтому, как только она начинает пытаться формулировать какие-то программные позиции в социально-экономической области, она сразу начинает слабеть и распадаться. Смена же политического режима не тождественна смене социально-экономического курса.

Факты свидетельствуют, что Россия не пошла ни по пути усиления конфронтации (уровень забастовочной активности незначительный), ни по пути партнерства (социальный диалог формален и не затрагивает существенные стороны социально-трудовой сферы). Сказались неблагоприятная конъюнктура на рынке труда и отсутствие развитых институтов по защите интересов работников [16].

При формировании политики по отношению к конфликтам в социально-трудовой сфере следует, на наш взгляд, исходить из того, что забастовки – это не единственный социальный механизм, посредством которого возможно отстоять свои интересы в трудовых отношениях. В современных условиях ведущую роль должно играть правовое регулирование, а в перспективе следует развивать механизм социального диалога, в рамках которого будет происходить согласование интересов сторон трудовых отношений. Политика сведения к минимуму трудовых конфликтов не равнозначна политике недопущения забастовок, поскольку в последнем случае она вырождается в политику жесткого авторитаризма на предприятиях.

Социальный диалог на общефедеральном уровне должен выполнять, по крайней мере, следующие функции:

– переговоры по определению минимальной заработной платы, а в ряде случаев – выработка критериев для повышения заработной платы на уровне отрасли или предприятия в рамках общегосударственной политики доходов и занятости;

– примирение и посредничество при общенациональных (или крупных) забастовках и конфликтах;

– совещательная роль при обсуждении общих вопросов экономической и социальной политики.

Именно соглашение, достигнутое на федеральном уровне, по таким вопросам, как защита трудовых доходов от инфляции, решение проблемы невыплат заработной платы, способов и форм предотвращения массовой безработицы, должны стать ориентиром для коллективных соглашений на уровне отрасли и региона. Последние должны включать лишь предельные значения гарантий условий труда и его оплаты и одновременно содействовать достижению конкретных соглашений на предприятиях [20].

Не менее важен и отказ от популистских, необоснованных подходов при определении позиции профсоюзов в отношении социальных гарантий работникам, прежде всего в сфере занятости. Популизм, необоснованность притязаний не помогает, а препятствует социальному диалогу, поскольку дезавуирует сам процесс переговоров.

В настоящее время государственное регулирование конфликтов в основном сводится к прямому запрещению или существенному ограничению силового противоборства между трудом и капиталом (запрет на локаут, запрет на забастовки в отраслях и сферах, непосредственно имеющих отношение к безопасности страны и граждан, признание забастовки незаконной). Этот запрет реализуется весьма эффективно. Гораздо меньше внимания уделяется формированию системы принуждения к социальному диалогу, которое обязывало бы стороны искать и находить взаимоприемлемые решения, а не держать конфликты в подавленном состоянии [15]. Российский и зарубежный опыт демонстрирует, что в обществе с разнородными, а порой и противоречивыми групповыми интересами граница между компромиссом и противоборством в различных секторах экономики весьма неустойчива. Поэтому государство должно принять дополнительные экономические и организационные меры для принуждения субъектов социально-трудовых отношений к партнерству.

Опыт западных стран, где государство мало вмешивается в отношения труда и капитала, в основном наблюдая за диалогом развитых организаций предпринимателей и традиционно не менее сильных профсоюзов, для России мало приемлем. Поскольку отсутствуют объективные условия для равенства сторон социально-трудовых отношений, это неравенство необходимо компенсировать третьей независимой стороной отношений – государством. В нашей стране государство должно быть не просто скромным модератором при диалоге, а организатором и активным полноправным участником процесса. В этом смысле трипартизм – взаимодействие государства, бизнеса и работников – наиболее адекватно отражает как раз российскую потребность. Система так называемой тарифной автономии – двусторонних переговоров без вмешательства государства (ФРГ, Скандинавские страны) – в России вряд ли возможна ввиду слабости профсоюзов.

Литература

1. Бизюков П.В. Трудовые протесты в России в 2008–2015 гг. Аналитический отчет по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП. – http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1357

2. Вишневская Н.Т., Капелюшников Р.И. Инфорсмент трудового законодательства в России: Динамика, охват, региональная дифференциация. – М., 2007. – 80 с.

3. Воейков М.И. К вопросу фрустрации рабочего класса / Альтернативы. – 2015. – № 4. – С. 170–174.

4. Заработная плата в России: Эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М., 2007. – 575 с.

5. Кагарлицкий Б. Вирус классовой борьбы. Взгляд. 4 сентября 2006 г. – http://vz.ru/columns/2006/9/4/47680.html

6. Какой рынок труда нужен российской экономике? Перспективы реформирования трудовых отношений: Сборник статей. – М., 2003. – 128 с.

7. Капелюшников Р. Конец российской модели рынка труда? Лекция на Полит.ру. – http://www.polit.ru/lectures/2009/04/23/kapeljushnikov.html

8. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. – М., 2001. – 309 с.

9. Кацва А.М. Социально-трудовые конфликты в современной России. – СПб., 2002. – 194 с.

10. Козина И.М. Забастовки в современной России / Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 13–24.

11. Кудюкин П. Российское трудовое право // Социально-трудовые отношения: Проблемы и перспективы. – М., 2009. – С. 79–83.

12. Кудюкин П. Классовая борьба: Чисто российская версия. Интервью на Радио Свобода. 5 октября 2009 г. – http://www.svoboda.org/content/article/1843566.html

13. Левинсон А. Наше «мы»: Забастовочная пассивность / Ведомости. – 10 ноября 2015 г.

14. Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000). – М., 2002. – 352 с.

15. Ольсевич Ю. Социальное партнерство в России: Есть ли предпосылки? / Вопросы экономики. – 1994. – № 5. – С. 60–70.

16. Перегудов С.П. Треугольник взаимовыгодной имитации / Независимая газета. – 2007. – 20 марта.

17. Погосов И.А. Тенденции воспроизводства в России и проблемы модернизации экономики. – М., СПб., 2012. – 312 с.

18. Соболев Э.Н. Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников // Сер.: Научные доклады ИЭ РАН. – М., 2015. – 45 с.

19. Соболев Э.Н. Социально-трудовые отношения в российской экономике: Конфликт интересов или поиск согласия. Сер.: Научные доклады ИЭ РАН. – М., 2007. – 49 с.

20. Соболев Э.Н. Социальное партнерство в России: Эффективность и перспективы / Россия и современный мир. – 2014. – № 1. – С. 6–20.

21. Соболев Э.Н. Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX–XXI вв.). – М., 2012. – 260 с.

22. Соболев Э.Н., Степанчикова Н.О. Трудовые конфликты на российских предприятиях: Экономический и правовой аспекты. – М., 2001. – 35 с.

23. Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов, В. Розенберг, А.Н. Сахаров. – М., 1998. – 360 с.

24. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг. / Рук. авт. коллектива Е.Г. Ясин. – М., 2011. – 86 с.

25. Шмелева Н., Забрамная Е. Обобщение судебной практики по трудовым спорам, рассмотренным судами городов Москвы, Воронежа и Пензы. – http://oshl-eu.ru/Old%20Web/txt/text_new/An10_2r.d.

26. Этманов А. «…Российским левым нужно пойти поработать на заводе» / Скепсис. 19 февраля 2012 г. – http://scepsis.ru/library/id_3144.html

27. Якушев В., Холманских И., Ленда А. Обращение рабочих «Уралвагонзавода» в поддержку Владимира Путина. Официальный сайт «Уралвагонзавода». – http://www.webcitation.org/6Ar2qEfks (29.12.2011.)

28. Cook L.G. Russian Labor: The Puzzle of Quiescence // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. / Отв. ред. Е. Ясин. Кн. 1. – М., 2012. – С. 427–435.

О.А. Александрова

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ И НЕРАВЕНСТВОМ: МИФЫ И АКСИОМЫ

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, заместитель директора ИСЭПН РАН по научной работе; профессор кафедры прикладной социологии Финансового университета при Правительстве РФ.

Набирающий обороты кризис все серьезнее сказывается на уровне жизни населения России: сокращается число домохозяйств, располагающих хотя бы минимальными сбережениями; растет количество бедных; судя по падению объемов продаж, население стало экономить даже на лекарствах; регионы массово переводят категориальные социальные трансферты в разряд адресной помощи с одновременным ужесточением требований для ее получения. При этом одним из основных направлений борьбы с кризисом объявляется сокращение бюджетных расходов – отказ от индексации зарплат бюджетников; заведомое занижение размера индексации пенсий; неоднократный секвестр бюджета, включая социальные статьи. К росту числа бедных ведут противоположно направленные процессы: с одной стороны, консервация прежнего уровня доходов либо их снижение на фоне явной или скрытой безработицы, с другой – резкий рост стоимости жизни, обусловленный не только инфляцией, но и коммерциализацией социальной сферы, принуждающей платить за самое элементарное. Причем к бедным, по российским меркам, относят лишь домохозяйства с подушевым доходом ниже прожиточного минимума. Между тем в европейских странах бедными считаются семьи с подушевыми доходами ниже определенной доли от медианного дохода, т.е. уровень жизни семьи соотносится со средним уровнем жизни в стране, а не с гранью, за которой – лишь выживание.

Наряду с ростом бедности снижение доходов основной массы населения усугубляет избыточное неравенство между отдельными его группами, масштабы потерь от которого довольно заметны.

В середине 2000-х годов в ИСЭПН РАН на основе анализа многолетней статистики и математического моделирования были выявлены взаимосвязи экономического неравенства с другими экономическими (темпы роста ВВП, объем инвестиций) и социальными (коэффициенты рождаемости и смертности) показателями по России в целом и по полной совокупности российских регионов[1]. Поводом для обширного эконометрического исследования стал тот факт, что, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, социальная поляризация продолжает нарастать и, соответственно, средние показатели роста доходов не отражают реальной картины благосостояния различных слоев населения. При этом было очевидно, что причина – не в недостатке ресурсов, а в дефектах институционального характера: среднегодовой темп роста реальных доходов наиболее обеспеченных жителей в 2000-е годы на 24% превышал темп роста ВВП. Это свидетельствовало о наличии у них институциональных преимуществ, позволяющих получать основной выигрыш от экономического роста[2]. В подобной ситуации решение проблемы неравенства логично искать в плоскости распределительных отношений. В упомянутом исследовании изучалось влияние на уровень каждого из видов неравенства, а также на темпы экономического роста, коэффициенты рождаемости и смертности трех комбинаций подоходного налогообложения и социальных трансфертов, подтягивающих доход малообеспеченных групп населения до порогового уровня, с которого обеспечивается полноценное исполнение инвестиционной и репродуктивной функций и снижается смертность. При этом во всех случаях коэффициент дифференциации доходов снижался до 7–10, а налоговые нагрузки затрагивали только высокодоходные группы населения и, что важно, не выходили за пределы ставок налоговой прогрессии, которые применяются в развитых странах Запада.

Расчеты показали: если бы в 2000–2006 гг. реализовывался любой из этих вариантов перераспределения доходов, то к 2006 г. (моменту проведения исследования) российский ВВП был бы более чем удвоен (по отношению к ВВП 1999 г.) и был бы выше фактического на 30–53%. Выявленные закономерности (снижение избыточного неравенства на 1 пункт индекса Джини повышает темп экономического роста на 1,87 п.п., а темп роста объема

1. Подробно о методологии и результатах исследования см.: [2].

2. Доходы наиболее обеспеченных групп населения подвергаются меньшей налоговой нагрузке, так как бóльшую часть составляет не заработная плата, а рентные доходы, дивиденды и т.п., а для высоких зарплат применяется регрессивная шкала отчислений во внебюджетные фонды. В итоге, если большинство россиян должны отдать в налоги (включая социальные отчисления) почти половину дохода, то их богатые сограждане – в лучшем случае 13%.

инвестиций – на 3,6–3,8 п.п.) позволяют экстраполировать полученные оценки объемов экономических потерь и на прошедшее с тех пор десятилетие.

В части же влияния поляризации доходов на демографическую динамику анализ показал: даже при продолжении экономического роста, но неизменной степени неравенства, комбинация коэффициентов рождаемости и смертности приведет к снижению численности населения России к 2050 г. до 124 млн человек. В случае же, если бы рост реальных доходов был дополнен мерами по снижению неравенства за счет перераспределения доходов путем введения вполне умеренной налоговой прогрессии на доходы, превышающие среднедушевой уровень, численность россиян к 2050 г. могла бы возрасти до 158,7 млн человек. И наконец, если бы рост доходов на фоне экономического роста дополнялся снижением неравенства, причем за счет не только перераспределения доходов, но и дополнительных государственных дотаций (компенсация доходов ниже половины среднедушевого уровня), то численность населения России к 2050 г. возросла бы до 161,3 млн человек. И это – не фантастика, а эффекты социальной психологии: связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями и вытекающими из них установками. Как показывают исследования, сегодня репродуктивные установки зависят не столько от дохода домохозяйства в абсолютном выражении, сколько от его соотнесения со сложившимися в обществе стандартами потребления, т.е. от уровня неравенства. И к сверхсмертности населения приводит комбинация факторов, прямо или косвенно связанных с низким, относительно других слоев, уровнем доходов: это и хронический стресс, порожденный переработками и неуверенностью в завтрашнем дне, и отсечение от адекватной медицинской помощи, и социальные болезни. Таким образом, неблагоприятная ситуация с рождаемостью и сверхсмертностью напрямую связана с относительной бедностью и избыточным неравенством: так, регрессионный анализ показал, что снижение избыточного неравенства на 1 пункт индекса Джини повышает коэффициент рождаемости примерно на 2 п.п. и понижает коэффициент смертности примерно на 3 п.

Но вернемся в день сегодняшний. Непопулярные меры (бюджетные рестрикции, снижение объема социальных прав граждан) объясняют ограничением возможностей бюджета, вызванным падением цен на основной российский экспортный товар и западными санкциями, отсекшими российских хозяйствующих субъектов от дешевых западных кредитов. При этом использование вместо шагов, ведущих к дальнейшему сжатию спроса и усугублению рецессии, такой очевидной меры, как включение механизмов перераспределения доходов, правительством отвергается. Как следует из

соответствующих документов и выступлений[3], переход с плоской на прогрессивную шкалу НДФЛ объявляется преждевременным, а потому обсуждение этой меры переносится, предположительно, на период после 2018 г. – когда, как утверждается, российская экономика вернется на траекторию роста, чему призван способствовать нынешний режим жесткой бюджетной экономии. При этом подразумевается, что при возобновившемся экономическом росте проблемы масштабной бедности и избыточного неравенства решатся сами собой.

Таким образом, под предлогом бюджетного дефицита вновь продвигается неолиберальная идея о социальных расходах как «удавке на шее» экономики и используется метафора «большого пирога»: только освобождение государства и бизнеса от «излишних» социальных повинностей позволит создать гораздо больший «пирог», в результате чего и самым бедным группам населения достанется «кусочек» побольше. Однако все эти утверждения (о нехватке у государства средств, о социальных расходах как препятствии для создания «большого пирога», который автоматически сделает всех сытыми) – не более чем мифы. Остановимся кратко на каждом из них.

Миф о социальных расходах как тормозе экономического роста. Известно, что на Западе первая серьезная атака на социальное государство, произошедшая в 1970-х годах в Великобритании, основывалась на утверждении: обеспечение государством высококачественных социальных услуг стоит больше, чем может себе позволить экономика. В «Белой книге государственных расходов» – докладе, изданном в 1979 г. пришедшими под руководством М. Тэтчер к власти консерваторами, – так и говорилось: «Государственные расходы – корень проблем британской экономики»[4]. Тут же последовал и ряд конференций, основным лейтмотивом которых было утверждение «социальная политика создает препятствия для экономического роста»[5].

Однако проведенная вскоре серия авторитетных международных исследований на базе стран, входящих в ОЭСР, этого отнюдь не подтвердила. Во-первых, выяснилось, что тема «кризиса социального государства» наиболее громко звучала в США и Великобритании, хотя эти страны и до экономического кризиса начала 1970-х годов не имели высокого уровня социальных расходов, более того, они тратили на соцобеспечение меньше других стран ОЭСР. Тем не менее именно там были произведены наиболее существенные сокращения социальных расходов. Причина, как показало исследование

3. Медведев считает сложным вопрос об изменении шкалы НДФЛ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/economy/20160328/1398721472.html (Дата обращения: 14.11.2015.)

4. The Government's Expenditure Plans, 1980–81. – L.; HMSO. – P. 1.

5. OECD, the Crisis of Welfare, Paris, France: OECD, 1981.

Р. Мишры, крылась исключительно в идеологических пристрастиях политических сил, пришедших в тот момент к власти. В США и Великобритании в это время правили партии правой ориентации; там же, где сформировались центристские или левоцентристские правительства (Канада, Австралия), сокращение расходов на социальное обеспечение было заметно меньшим; еще меньшим – в социал-демократических (Швеция и др.) и корпоративистских (Германия, Франция и др.) социальных государствах [5].

Во-вторых, установить негативную связь между масштабами социального обеспечения и эффективностью экономики не удалось ни при попытках найти прямые корреляции между темпами экономического роста и объемом государственных расходов, ни при поиске факторов, воздействующих на ситуацию в экономике опосредованно (налоги, занятость и т.п.). Среди стран ОЭСР обнаружились примеры хорошо и плохо функционирующих экономик как с относительно высоким, так и с относительно низким уровнем социальных расходов государства. Отсюда был сделан вывод, что связь между масштабом расходов на соцобеспечение и экономическим ростом – гораздо сложнее, нежели ее трактуют неолибералы; значит, расходы на социальную сферу не есть та «непозволительная роскошь», от которой с наступлением трудностей в экономике следует отказаться. И другой вывод: на развитие экономики гораздо больше влияет не объем расходуемых на социальное обеспечение средств, а специфика его организации. Главное здесь – насколько эффективно она открывает для населения – прямо либо опосредованно – возможность приобретать продукцию производительного сектора экономики (расширяя тем самым его рынки и таким образом способствуя экономическому росту), и в какой мере обеспечивает реальный сектор рабочей силой, чей производительный труд также способствует росту [8]. Наконец, расходы госбюджета на социальные статьи (здравоохранение и т.п.) при их разумном и добросовестном использовании на самом деле являются инвестициями, причем не только в человеческий капитал, но и в различные отрасли реального сектора экономики, связанные со строительством, оснащением и обслуживанием учреждений социальной сферы [7].

Сегодня в развитых странах Запада хорошо понимают, что массовый платежеспособный спрос при надлежащей защите внутреннего рынка – важный драйвер экономического роста. Не случайно во время последнего финансового кризиса расходы на социальную сферу в среднем по странам ОЭСР увеличились с 19% ВВП в 2007 г. до 22,1% ВВП в 2009 г. (пик кризиса)

и с тех пор не снижались, хотя показатели самого ВВП имели тенденцию к снижению[6].

Миф о прогрессивном налоге как тормозе экономического роста. О центральной теме, вокруг которой ломаются копья, – прогрессивной шкале налогообложения – можно сказать: практически все доводы противников налоговой прогрессии и высоких ставок налогов на доходы наиболее обеспеченных слоев не находят эмпирического подтверждения. Современная неолиберальная критика этого важнейшего механизма перераспределения доходов строится по следующим направлениям. Во-первых, утверждается, что прогрессивное налогообложение резко усиливает мотив уклонения от налогов. Однако известны страны с высокими налогами, но масштаб уклонения от них там отнюдь не выше, чем в странах с менее высокими налогами. Кроме того, данные опросов говорят о том, что для большинства людей важнейшим мотивом уклонения от уплаты налогов является неверие в добросовестное, солидарное поведение остальных налогоплательщиков. На самом деле факторами законопослушности граждан в налоговой сфере являются способность государства установить справедливые (соразмерные) налоги; обеспечить их неукоснительную уплату всеми без исключения; заручиться поддержкой граждан в отношении того, на что расходуются их налоги, сформировать у налогоплательщиков уверенность в том, что государство выполнит свои обязательства [6].

Во-вторых, по утверждению неолибералов, прогрессивная система налогообложения мешает не столько богатым, сколько тем, кто стремится ими стать, она якобы выступает как антистимул для экономической инициативы. Однако пример Швеции, успешно конкурирующей с гораздо более либеральными версиями европейских социальных государств, говорит о том, что прогрессивный подоходный налог никак не мешает экономической эффективности. Более того, как пишет Тейлор-Губи, если руководствоваться изложенной выше логикой либеральных критиков прогрессивного налогообложения, то два эти довода (об усилении уклонения от налогов и о препятствовании экономическому росту), будучи высказаны одновременно, явно противоречат друг другу. Действительно: либо прогрессивное налогообложение, способствуя уклонению от налогов и тем самым оставляя на руках у граждан больше средств, увеличивает общую экономическую активность, либо оно ей препятствует – но тогда надо каким-то образом объяснить экономически эффективную «шведскую модель» [8, с. 57–58]. В то же время сторонники прогрессивного налогообложения достаточно наглядно доказы-

6. OECD, Social Spending During The Crisis, Paris, France: OECD 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/.../OECD2012SocialSpending DuringTheCrisis8pages.pdf

вают, что вкупе с налогом на роскошь и льготным налогообложением корпоративного сектора налоговая прогрессия на доходы и имущество усиливает два фактора роста: содействует расширению массового платежеспособного спроса и стимулирует перенаправление средств высокодоходных групп с эксклюзивного потребления на инвестиции в производственный сектор [7].

Тем не менее в середине 1980-х годов с новой силой зазвучали идеи о том, что рациональная стратегия заключается в сокращении уровня налогообложения до пределов, поощряющих индивидов к более усердной работе, а это вызовет рост экономики, рост доходов, доступных для налогообложения и в конечном итоге – рост государственного бюджета [3]. Идеи Лаффера были подхвачены его европейскими единомышленниками: «Мы должны позволить богатым быть богаче... не потому, что чрезвычайное неравенство оправдано само по себе, а потому, что самый элементарный реализм обязывает нас видеть, что вне определенных пределов любая политика, состоящая в отнимании у богатых ради того, чтобы отдать бедным, приводит к такому эффекту, который делает последних еще беднее. Они теряют больше из-за снижения ВВП, связанного с негативным эффектом от роста перераспределительного налогообложения» [7, с. 74]. Ссылаясь на теорию Лаффера, правившие в США и Великобритании неолибералы изменили фискальную политику, существенно снизив налоги на высокие доходы. Так, глава британского Министерства финансов, внося в парламент проект бюджета на 1988 г., утверждал: «Чрезмерный уровень налога на доходы разрушает предприимчивость, поощряет уклонение и преследует талант... В результате в реальности дополнительные государственные доходы растут меньше. Напротив, снижение верхних уровней подоходного налогообложения может привести к более высоким сборам в казну» [8, с. 59].

На первый взгляд, практика как будто бы подтверждала верность идей Лаффера: после того как верхний предельный уровень налога снизился в Великобритании в 1979 г. с 83 до 60% (были введены и иные фискальные послабления в пользу самых обеспеченных), доля налоговых поступлений от 5% наиболее высокооплачиваемых налогоплательщиков выросла в 1979–1986 гг. с 24 до 27% всех налоговых доходов. Однако в целом государственный бюджет недосчитался 6 млрд фунтов, хотя апологеты теории Лаффера предсказывали, что политика «усиления стимулов» приведет к 8%-ному росту государственных доходов. Кроме того, более детальный анализ выявил, что рост доли налогов, уплаченных наиболее высокодоходными налогоплательщиками, объясняется не усилением интенсивности экономической деятельности, а ростом неравенства доходов: в условиях серьезных налоговых послаблений для богатых их доходы росли гораздо быстрее, чем доходы остальных налогоплательщиков [4, с. 31].

Несостоятельность претензий экономического характера вынуждает неолиберальных критиков прогрессивной системы налогообложения переходить к возражениям чисто идеологического плана, а именно: прогрессивное налогообложение мешает реализации индивидуальной свободы. Логика незатейлива: перераспределение доходов является экономической базой социального государства, последнее же своей заботой подрывает способность граждан к самостоятельному выбору жизненной стратегии и тем самым усиливает их зависимость от государства. Однако реальная практика оказывается не на стороне противников налоговой прогрессии. Как пишет Б. Ротштейн, подобный упрек следует адресовать селективной модели, ибо присущая большинству программ в рамках этой модели проверка нуждаемости как раз и создает долгосрочную зависимость реципиентов от бюрократических требований к их образу жизни и т.д. Универсальные же социальные программы, автоматически распространяясь на всех граждан, напротив, увеличивают автономность и самоуважение гражданина. Действительно: какая модель предоставляет больше возможностей неполным семьям – та, где в отсутствие доступных дошкольных учреждений мать не может полноценно трудиться и сидит дома на мизерном пособии, или же та, где дети устроены в субсидируемые государством дошкольные учреждения, а мать полноценно трудится, внося свой вклад в общественную «копилку»? [6, с. 23].

Стоит коснуться еще одного из основных инструментов снижения избыточного неравенства – налога на наследование. Как известно, в России с 2006 г. этот налог вообще отменен. Заметим, что какую бы модель социального государства – социал-демократическую, корпоративистскую или либеральную – мы ни взяли, везде этот налог взимается с прогрессией и высокими ставками налогообложения для наследства большого размера (до 50% и выше). Такой консенсус по поводу налога на наследование в современном, ориентированном на выравнивание жизненных шансов обществе, вполне естественен. Еще Дж.Ст. Милль, определив собственность как право человека «на свои способности, на то, что он может произвести с их помощью, и на что бы то ни было, что ему удастся выручить за произведенные им товары путем честного обмена», заключал, что «право наследования в отличие от права оставления наследства не входит в понятие частной собственности». В силу этого оправданность передачи собственности по наследству Милль признавал только в отношении детей, да и то лишь в рамках их умеренного обеспечения, рекомендуя устанавливать предел тому, что человек «может обрести просто по милости других, без какого-либо применения своих способностей» [1, с. 366, 376]. Он признавал глубинную несправедливость современного ему общественного порядка и подчеркивал, что «общественное устройство современной Европы берет начало из распределения собственности, которое было результатом не справедливого раздела или приобретения

посредством усердия, а завоевания и насилия». Милль подчеркивал, что, если неизбежным следствием института частной собственности становится распределение продуктов труда, «находящееся почти в обратной пропорции к труду, так что наибольшая доля достается людям, которые вовсе никогда не работали, несколько меньшая доля – тем, работа которых почти номинальна, и так далее по нисходящей», то тогда «все затруднения коммунизма, большие или малые, не более чем песчинка на весах» [1, с. 349]. Таким образом, не будучи принципиальным противником частной собственности, Милль указывал, что «главной целью стремлений при нынешнем состоянии человеческого развития является не ниспровержение системы частной собственности, но ее улучшение и предоставление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах» [1, с. 360–361]. Он подчеркивал, что «в отличие от законов производства, …распределение богатства всецело является делом человеческого учреждения... и зависит от законов и обычаев общества. Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делают мнения и желания правящей части общества, и весьма различны в разных странах...» [1, с. 337–339].

Миф об экономическом росте как способе избавления от бедности и неравенства. Используя метафору «большого пирога», Б. Ротштейн пишет: «Конечно, большой пирог лучше маленького, но остается вопрос о том, как его будут делить. Даже если абсолютный размер кусочка, выделяемого наименее обеспеченным группам, и увеличится, останется вопрос о его относительной величине в сравнении с другими социальными группами». Так, несмотря на то что в середине 1980-х годов США имели более высокий и более стабильный экономический рост, нежели большинство европейских стран, и, кроме того, более низкий уровень безработицы, доля американских домохозяйств, находящихся в бедности, была вдвое больше, чем в любой из европейских стран [6]. Таким образом, теория о том, что общий экономический рост избавляет общество от бедности – безотносительно к действующим в обществе механизмам перераспределения – эмпирически не подтверждается. На это же указывает и наш собственный опыт: «тучные» 2000-е годы не избавили Россию от бедности и не устранили избыточное неравенство.

Миф об усилении адресности как способе преодоления бедности и неравенства. На самом деле, упор на адресный характер поддержки малоимущих (вместо эффективного универсального соцобеспечения) не является действенным способом преодоления бедности и неравенства. Так, США и Швеция являются странами, лидирующими по числу неполных семей, но с точки зрения эффекта, который на положение таких семей оказывает реализуемая в них модель социальной политики (универсальная в Швеции и селективная в США), эти страны находятся на противоположных полюсах. Статистика свидетельствует: риск провалиться в бедность для неполной семьи с детьми

в США в 12 раз выше, чем в Швеции, а выбраться – существенно сложнее [6]. Из подобной статистики Ротштейн делает вполне резонное заключение: «На часто задаваемый вопрос, стоит ли цена, уплачиваемая за реализацию универсальной социальной политики, того, чтобы решалась лишь малая толика проблем, можно дать эмпирический ответ: другой метод – селективный – похоже вовсе не помогает бедным, скорее имеет тенденцию ухудшать их положение» [6, с. 23]. Важно и другое: если в универсальных социальных государствах общественная дискуссия сфокусирована на вопросах улучшения качества общедоступного здравоохранения, образования и т.д., то в селективных – на том, кого признавать нуждающимся, какой минимум средств ему выделить, как минимизировать мошенничество со стороны реципиентов и бюрократический произвол со стороны чиновников системы соцзащиты.

Миф о незыблемости социальных обязательств. В выступлениях представителей российской власти традиционно подчеркивается, что, в отличие от зарубежных соседей, Российское государство не снижает своих социальных обязательств. Но, во-первых, как уже было сказано, в самые пиковые кризисные годы в среднем по странам ОЭСР происходил рост социальных расходов, и статистика ОЭСР даже указывает на снижение бедности среди граждан старше 65 лет[7]. Да, были страны – Венгрия, Греция, Португалия, Испания, – в которых социальные расходы несколько снижались, но какие основания сопоставлять эти страны и Россию с ее потенциалом, включая природные богатства? Во-вторых, важен уровень социальных обязательств, с которого в одном случае, допустим, происходит снижение, в другом – все остается неизменным. Так, еще при сверхвысоких ценах на нефть и до введения санкций Россия тратила (по ППС) на одного учащегося начальной, средней школы и последующих ступеней образования, за исключением высшего, более чем в 2 раза меньше, чем в среднем по странам ОЭСР, а с учетом высшей школы наши расходы на образование – одни из самых низких среди стран ОЭСР и «Большой двадцатки»[8]. Аналогично – в здравоохранении: если в развитых странах на него расходуется минимум 7,5% ВВП, то в России – вдвое меньше. Как заметил академик РАМН С. Колесников: «А вы сравнивали, с какого уровня хотите снижаться вы, и с какого чуть-чуть снижается Европа? Европа – с 4–6 тыс. долл. на человека в год – столько там тратится

7. OECD, Pension at a Glance 2013: OECD Indicators. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/pensions/pensionsataglance.htm

8. OECD, Education at a Glance 2013: OECD Indicators. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2013_eag-2013-en

на здравоохранение, а мы – с 600 долл. в год»[9]. Постоянно происходит снижение – как размера выделяемых средств, так и объема бесплатно предоставляемых услуг образования, здравоохранения, социального обслуживания[10].

Миф о недостаточности средств. И, наконец, регулярно звучащий постулат о «существенной нехватке» бюджетных средств. Именно он служит обоснованием секвестра расходных статей и выдвижения разнообразных «инициатив», направленных на снижение социальных прав граждан: сокращение гарантированного объема бесплатных услуг; расширение спектра услуг, предоставляемых на условиях проверки нуждаемости; повышение пенсионного возраста; отмену различных надбавок, связанных с работой в тяжелых и вредных условиях и т.д.

Существуют две причины, в принципе не позволяющие заведомо согласиться с утверждением о «нехватке» средств. Причина первая: сложившийся за почти четверть века государственно-политический механизм с фактическим отсутствием разделения властей, реального парламентского контроля, выборной состязательности и т.п. не позволяет даже экспертам быть уверенными в полноте и достоверности информации об имеющихся у государства ресурсах и степени добросовестности распоряжения ими. Поступающие время от времени отрывочные сведения говорят лишь о явном отсутствии надлежащего порядка и высоком уровне волюнтаризма.

Вторая причина связана с тем, что сегодня в России не используются те инструменты, которые в социальных рыночных экономиках прямо и опосредованно способствуют наполнению казны и препятствуют оттоку капитала из страны:

а) в стране уже второй десяток лет под надуманными предлогами сохраняется плоская шкала НДФЛ, регрессивная шкала для социальных отчислений, мизерные налоги на доходы от капитала и финансовых операций, нулевой (вместо прогрессивного) налог на наследование и дарение;

б) в течение десятилетий бюджет не получает налоговых доходов в силу чрезвычайной офшоризации российской экономики (4/5 активов крупного бизнеса, производящих более 80% ВВП, зарегистрировано в офшорах[11]). Между тем и здесь есть давно апробированные зарубежной практикой инст-

9. Виноградов Л. Ярославская «оптимизация»: Семь роддомов закрыто, умерли четыре ребенка и многодетная мать. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravmir.ru/yaroslavskaya-optimizaciya-7-roddomov-zakryto-umerli-4-rebenka-i-mnogodetnaya-mat/

10. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. – М., 2015.

11. Дегтев А.С. Суверенен ли российский бюджет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusrand.ru/analytics/suverenen-li-rossijskij-bjudzhet (Дата обращения: 14.11.2015.)

рументы – например, резкий рост налоговых ставок в случае нахождения в офшорной юрисдикции весьма небольшой (порядка 15%) доли акций. Теперь «офшорные капиталы» предлагается амнистировать – не спрашивая об их происхождении и не взимая (пусть задним числом) никаких налогов, что для мировой практики беспрецедентно;

в) крайне неэффективным является использование богатейшего природно-ресурсного потенциала – в десятки раз ниже, чем в средне- и высокоразвитых странах[12]. Более того, в то время как в мире усиливается «ресурсный национализм»[13], в России под предлогом привлечения иностранных инвестиций и дополнительных средств в бюджет планируется и реализуется снижение доли государства в крупных добывающих компаниях («Алроса», «Роснефть» и т.д.)[14];

г) отказ от использования хорошо известных в зарубежной практике инструментов контроля за трансграничным перетоком капитала генерирует отток финансовых ресурсов, исчисляемый многими десятками миллиардов долларов в год: в 2014 г. за рубеж было выведено 130 млрд долл., в 2015 г. отток составил порядка 60 млрд долл. Из них не менее трети – нелегальный отток, связанный с уклонением от налогообложения и наносящий бюджету ущерб размером до 1 трлн руб. в год[15];

12. Глазьев С.Ю. Несмотря на все проблемы, Россия самая богатая страна в мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusnovosti.ru/posts/375130

13. Концепция «ресурсного национализма» подразумевает укрепление государственного суверенитета над природными ресурсами, что проявляется в более жестком контроле за участием иностранных компаний в разработке природных ресурсов; увеличении роли государственной собственности в этой сфере; экспроприации и национализации шахт и скважин в случае, если разработка ресурсов инвестором не укладывается в оговоренные сроки или не приносит ожидавшихся модернизационных эффектов (передачи технологий, рабочих мест для квалифицированного труда и т.п.). Причем подобные тенденции наблюдаются не только в странах третьего мира, но и в развитых странах: в Японии право деятельности в добывающих отраслях, включая инвестиции в их развитие, предоставляется исключительно резидентам; в Австралии для новых проектов в области добывающей промышленности или переработки сырья с инвестициями на сумму в десять и более миллионов австралийских долларов установлена проверка на соответствие национальным интересам и т.д. – подробнее см.: Кондратьев В.Б. Ресурсный национализм и структура экономики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=160351

14. Прогнозный план (Программа) приватизации федерального имущества и основные направления приватизации федерального имущества на 2014–2016 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70308182/

15. Глазьев С. Преодолеть спад. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odnako.org/almanac/material/preodolet-spad/

д) продолжается аккумулирование в резервных фондах огромных по объему средств от продажи российских энергоресурсов, конвертированных в ценные бумаги иностранных государств. На 1 сентября 2015 г. совокупный объем средств Резервного фонда составил 4,7 трлн руб., или 70,7 млрд долл. (6,4% ВВП), в предшествующие годы объемы не допускаемых в российский бюджет средств были в основном на аналогичном и даже более высоком уровне[16]. Но при наличии таких резервов Россия постоянно заимствует, причем под проценты, существенно более высокие (порядка 7% годовых), нежели те, что получает на упомянутые выше ценные бумаги (порядка 0,5–1%). В результате огромные средства уходят на обслуживание госдолга: если в 2012 г. это были 32 млрд руб. (что соответствовало суммарным расходам бюджета на ЖКХ, культуру и кинематографию)[17], то в 2014 г. – 415,6 млрд руб.[18];

е) наконец следует отметить такое типичное явление, как внедрение в систему исполнения бюджетных назначений посреднических, по сути, паразитических структур, отвлекающих на себя существенную часть средств, предназначенных для финансирования социальных отраслей, предприятий реального сектора экономики и т.д. Так, до 40% средств ОМС уходит на содержание страховых компаний и оплату банкам за проведение транзакций – перечисление медицинским учреждениям положенных им средств за оказанную медицинскую помощь[19]. Другой пример – формирование задолженности регионов и муниципалитетов перед коммерческими кредиторами, в том числе иностранными: на 1 января 2015 г. совокупный долг субъектов РФ и муниципальных образований составил более 2 трлн руб., при этом около 27 млрд руб. – долг перед зарубежными кредитными учреждениями[20]. Когда во многих регионах уровень задолженности достиг критической черты, было принято решение выделить им льготные бюджетные кредиты – на обслуживание (даже не погашение) кредитов коммерческих. Таким образом, вместо своевременного направления средств задыхающимся от социальных обязательств

16. Информационное сообщение Министерства финансов РФ от 3 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.ru/ru/perfomance/reservefund/statistics/volume/index.php#

17. С. Степашин: Рост госдолга является риском для бюджетной системы РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/rbcfreenews/201302111304 11.shtml

18. Госдолг России вырос на 92% – Татьяна Голикова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/23 623

19. Механик А. Пирамида Семашко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2011/30/piramida-semashko/

20. Фаляхов Р. Не размазать тонким слоем. – http://www.gazeta.ru/business/2015/02/24/6425197.shtml

субъектам РФ, бюджетные ресурсы направляются в далеко не бедствующий банковский сектор, в том числе зарубежный.

Представляется, что только перечисленных неиспользуемых резервов пополнения казны, а также примеров непродуктивного отвлечения бюджетных средств и потакания выведению материальных ресурсов за рубеж более чем достаточно для того, чтобы решительно не согласиться с выдаваемым за аксиому утверждением о «нехватке» бюджетных средств. И, соответственно, с теми затрагивающими социальную сферу мерами, которые, основываясь на этой «аксиоме», подаются как неизбежные.

Таким образом, сложившийся в России уровень избыточного неравенства является, с одной стороны, тормозом экономического роста, а с другой – мотором депопуляции. При этом даже в случае экономического роста, но без снижения дифференциации доходов, принципиально решить проблему избыточного неравенства и порождаемых им негативных эффектов невозможно. Соответственно, никаких иных способов снижения избыточного неравенства и масштабов бедности до нормальных величин, кроме хорошо известных механизмов перераспределения доходов (прогрессивного налогообложения доходов, имущества, средств от наследования и дарения и пр.), не существует.

Прямое или опосредованное сокращение социальных расходов или, как минимум, их консервация на низком уровне отнюдь не является адекватным ответом на кризис. Следование подобной парадигме – не заблуждение, а идеологическая установка. Очевидность этого вывода подтверждается уже тем, что тезис о негативном влиянии социальных расходов на экономический рост неоднократно опровергнут, причем как авторитетными международными исследованиями, так и различными заслуживающими доверия рейтингами, в топ-листе которых обязательно присутствует «великолепная скандинавская четверка» (более полувека реализующая наиболее затратную универсальную модель социального государства). Более того, можно говорить об искусственном характере бюджетного дефицита: без каких-либо объективных причин в России не используется широкий арсенал методов, позволяющий мобилизовать в государственный бюджет существенный объем финансовых ресурсов, не применяются хорошо известные за рубежом меры, пресекающие отток капитала или непродуктивное использование имеющихся средств и активов. Все это приводит к выводу: в современной России отсутствуют условия, которые вынуждали бы политико-экономическую элиту считаться с интересами других социальных групп и не позволяли бы ей преодолевать экономический кризис исключительно за счет населения.

Литература

1. Милль Дж.Ст. Основы политической экономии. Т. 1–3. – М., 1980–81.
2. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: Неисследованные взаимосвязи. – М., 2009.
3. Canto V., Jones D. and Laffer A. Tax rates, factor employment, market productivity and welfare / Canto V., Jones D. and Laffer A. (eds.) Foundation of Supply-side Economics. – N.Y.; Academic Books, 1983.
4. Kell M. Top Rate Tax Cuts, Incentives and Revenue // Economic Review, 1988, September.
5. Mishra R. The Welfare State in Crisis. – Brighton, 1984.
6. Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. – Cambridge, 1998.
7. Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment / Ed. by Girod R. et al. – Basingstoke; L., 1985.
8. Taylor-Gooby P. Social change, social welfare and social science. – N.Y., L., 1995.

Д.В. Мельник

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА

Мельник Денис Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы экономики, старший научный сотрудник ИЭ РАН.

Современность и «рынок будущего»

Оценивая развитие России последних пяти лет, можно утверждать, что проявления гражданского протеста по итогам прошедших в декабре 2011 г. парламентских выборов обозначили начало трансформации политико-экономической модели страны. Эти протесты нельзя объяснять исключительно социально-психологическими факторами, о которых много говорилось за прошедшую пятилетку – «раздражением горожан», недовольством «креативного класса», соответствующей реакцией власти и пр. Дело в исчерпании потенциала инерционной модели развития, основывающейся преимущественно на ресурсах, инфраструктуре и институтах еще советской эпохи. Уже ощутимое и неизбежное в дальнейшем сокращение экономических дивидендов от стабилизации для большинства населения все быстрее обесценивает дивиденды политические, извлекаемые из укрощения (действительного или кажущегося) стихии «лихих 90-х».

Всплеск спроса на будущее – вот что лежало в основе политических процессов 2011–2012 гг. В настоящее время этот спрос в значительной степени отложен и не оказывает влияние на то, что принято называть «повесткой дня». Однако в будущем он может превратиться в значимый фактор.

Для осуществления модернизации необходимо наличие субъекта модернизационного процесса – круга лиц, ответственных за разработку и проведение соответствующей политики, а также связанных с ними групп и институтов. Этот субъект в конечном счете выявляется в рамках политических механизмов. Логика поведения здесь основана либо на удержании имеющейся власти, либо на ее обретении в борьбе с менее удачливыми конкурентами. В условиях роста «спроса на будущее» основным оружием политической

борьбы становится формирование программ, соответствующих этому спросу. Борьба за предпочтения граждан ведется путем формирования «образов будущего». Такие образы на этом своеобразном рынке определяются сложившейся элитой – за исключением случаев, когда элита более не в состоянии (путем рекомбинации, временного забвения внутренних конфликтов, уступок и т.п.) приспосабливаться к меняющимся условиям, что может привести к смене правящего слоя. Конфигурация и свойства элиты являются важным фактором, определяющим субъект модернизации.

Модель периферийного развития и Россия

Политическая воля, пусть и опирающаяся на потребности общества, является необходимым, но не достаточным условием последовательных и целенаправленных изменений. Структура экономики, характер процессов накопления и распределения задают пространство возможностей для проведения политических мер, определяют закономерности поведения субъекта модернизации. Соответствует ли сложившаяся экономическая система потребности России в модернизации? Для ответа надо охарактеризовать эту систему в целом.

В некоторых исследованиях последнего времени используется определение сложившейся в России политико-экономической системы как периферийного капитализма [см., напр.: 13]. Концепция периферийного капитализма получила обоснование в работах аргентинского экономиста Р. Пребиша и его последователей, представителей структуралистской школы. Опираясь на эти исследования, периферийный капитализм можно определить как экономику, испытывающую недостаток в накоплении и производительном потреблении капиталов, включенную в мировой рынок в качестве поставщика преимущественно сырьевых ресурсов и (или) сельскохозяйственной продукции. Отличительной структурной особенностью такой экономики является ее дуалистический характер: жесткое разделение между секторами и регионами, непосредственно связанными с мировым рынком, способными внедрять технологии и формы организации, обеспечивающие высокий уровень производительности и дохода, с одной стороны, и пространствами отсталости – с другой. Единственной устойчивой формой связи между анклавами развития и «периферией» национальной экономики выступает поток дешевой рабочей силы, использующей получаемые в «центрах» системы доходы для поддержания прожиточного минимума. Барьеры, препятствующие переливу капиталов и выравниванию доходов, закрепляются отсутствием или неадекватностью механизмов социальной ротации, провалами в социальной сфере.

Ключевым динамическим параметром, объясняющим развитие периферийной экономики, являются способы и механизмы образования и распреде-

ления «излишка» – результата ограниченного доступа к доходам наиболее производительных секторов экономики и к выручке от экспорта. Концентрируемый в руках представителей привилегированных слоев излишек является важнейшим источником накопления. В то же время объем потенциально доступных для производительного использования ресурсов имеет тенденцию к снижению, во-первых, в силу престижного потребления и заимствования из развитых экономик стандартов потребления; во-вторых, в результате давления на привилегированные слои с целью перераспределения излишка государством и (или) менее привилегированными слоями населения. Действие второго фактора усиливается при движении политико-экономической системы к демократизации и усложнению социальной структуры. Это, в свою очередь, является, как правило, результатом предшествующего периода относительно успешного экономического развития и роста излишка. Здесь, однако, возникают условия для порочного политического цикла: «В условиях демократизации так или иначе перераспределительные тенденции усиливаются. При этом или возникает инфляционная спираль, если распределение ведет к повышению издержек производства (что, помимо усиления инфляции, влечет за собой также и снижение излишка), или непосредственно забирается часть излишка, что рано или поздно также приводит к инфляционным явлениям. Таким образом, правила игры периферийного капитализма не позволяют устранить два его крупнейших дефекта: во-первых, его отторгающий эффект, который можно было бы скорректировать лишь путем более интенсивного накопления капитала за счет сокращения потребления привилегированных слоев и уменьшения доходов, переводимых в центры, и, во-вторых, его конфликтный характер, его противоречивость, усиливающуюся вследствие изменения соотношения сил в борьбе за власть между основными социальными слоями. Когда излишек возрастает, достигая своего максимума, а затем начинает сокращаться вследствие его перераспределения, система реагирует на это тем, что стремится вновь увеличить излишек. И для достижения этой цели прибегает к применению силы» [8, с. 50].

Еще одним дестабилизирующим для периферийной системы фактором выступает высокая степень зависимости от мировой конъюнктуры. Рост излишка при благоприятной конъюнктуре ведет к преимущественному росту престижного потребления, сопровождается усилением социального расслоения и напряженности без соответствующего роста производительного потребления. Период неблагоприятной конъюнктуры усиливает противоречия по поводу распределения излишка, приводя к росту социальной и политической нестабильности.

Таким образом, периферийный капитализм предстает как политико-экономическая модель, воспроизводящая отсталость не только в силу воз-

действия внешних факторов, но и в силу внутренних структурных особенностей, лишь обостряемых воздействием мирового рынка.

Сложившуюся в России политико-экономическую систему нельзя рассматривать только как результат политики последних десятилетий. Сама эта политика была во многом предопределена особенностями советской попытки рывка из отсталости. Уже в ходе дискуссий советских экономистов об индустриализации 1920-х годов отмечались те противоречия, которые потенциально вели к краху всего эксперимента. Е.А. Преображенский, один из наиболее ярких экономистов того периода, отмечал: «…Благодаря тому, что производительность труда и техника [в советской экономике] несравненно ниже, чем в Америке, и мы существуем, отгородившись от океана мирового рынка социалистическим протекционизмом, монополией внешней торговли, у нас создаются такие отношения в хозяйстве, которые были бы сметены при действии закона ценности и включении нашем в мировой рынок на основе свободы торговли» [9, с. 287].

Победа советской экономической системы в соревновании с ведущими экономиками так и осталась недостижимой мечтой. Ослабление, а затем и полное снятие барьеров между мировым рынком и национальной экономикой, между «планом» и «рынком» внутри страны (вполне соответствующее устремлениям и интересам значительной части советской «номенклатуры») привели к стихийному приспособлению социальных и политических структур под нужды периферийной экономики.

Вне зависимости от целей, от декларируемых (нередко – вполне искренне) программ и принципов результатом произошедшей трансформации стал периферийный капитализм. Характер возникшей системы был предопределен совокупностью социально-политических и экономических условий.

Периферийный капитализм в России: Социально-политические условия

Фундаментальной характеристикой, определяющей особенности современного состояния страны, является медитократический[1] характер ее элиты («псевдо-элиты») (*Шкаратан*). Как представляется, процесс складывания «медитократического общества» в переходный период определялся, главным образом, механизмом извлечения ренты («излишка») (посредством продажи

1. Термин «медитократия», введенный в научный оборот российским социологом О.И. Шкаратаном, обозначает характер формирования и воспроизводства элиты, противоположный меритократии, которая предполагает большую степень социальной мобильности и обновления элиты за счет наиболее способных выходцев из средних и низших слоев. Напротив, в медитократическом обществе «власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями…» [12, с. 78–79].

на мировом рынке доступных ресурсов) и распределением прав на доступ к этому механизму (посредством преимущественно силовых и административных методов). Стабилизация политико-экономической системы в первое десятилетие XXI в. стала результатом сложившейся на мировом рынке благоприятной конъюнктуры, позволившей расширить доступ в том числе части населения к результатам перераспределения излишка (как непосредственно, в результате роста доходов в отраслях и регионах с наиболее благоприятным по отношению к мировому рынку положением и последующим мультипликативным эффектом, так и за счет социальных мер государства). Значимым фактором этого процесса стал медитократический консенсус в рамках элиты, ознаменовавший окончание периода приспособления к увеличению извлекаемых из внешней торговли средств и связанными с этим конфликтами.

В целом стабилизация стала возможной после достижения страной устойчивого положения периферийной державы в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Лишь в малой степени это было результатом идеологических и политических установок (скажем, «государственнических»). Идеи, взгляды и программы выступают в основном проявлением личных склонностей, служат для рационализации сложившегося порядка вещей. Поведение этих людей – лишь следствие места той или иной группы элиты в процессе распределения излишка. Большинство представителей элиты в таких условиях неизбежно ориентируются на краткосрочные личные интересы. Даже искреннее желание отдельных, пусть и весьма влиятельных, представителей господствующего слоя вырваться из оков периферийной экономики обречено оставаться лишь выражением их субъективных предпочтений. Распространение коррупции довершает эту картину: «Этика любой общественной системы неделима. Порочность этики распределения, характерной для периферийного капитализма, – даже если эта этика опирается на закон, – стимулирует откровенно противоправные поступки, которые, получив распространение, искореняются с трудом» [8, с. 103]. В конечном счете логика действий лидеров (или претендентов на лидерство) здесь определяется необходимостью приспосабливаться к балансу интересов внутри медитократической элиты.

До самого последнего времени предлагаемая российскому обществу стратегия развития основывалась на том, что поддержание стабильности в течение определенного периода времени даст возможность, решив экономические проблемы, решить и все остальные. Горизонт долгосрочной стабильности для периферийной экономики является недостижимой роскошью. Политико-экономическая система здесь слишком тесно связана с конъюнктурой мирового рынка; прочная связка права на собственность и извлечение дохода с властью и с возможностью административного и силового воздейст-

вия делает собственность дестабилизирующим, а не стабилизирующим фактором. Дуалистический характер экономики создает преграды для движения товаров, услуг, капиталов в рамках формального единого правового и экономического пространства; социальная структура включает слишком много очагов недовольства.

Широко известна проблема так называемого «ресурсного проклятья»: «плохие» институты в экономике, получающей значительные доходы от экспорта сырьевых ресурсов, препятствуют достижению устойчивого развития. Это, в свою очередь, углубляет структурные диспропорции, консервирует сами эти институты. Основанный на сырьевой ренте экономический рост, позволяя решить одни, пусть и наиболее острые, проблемы, дает возможность отложить решения других, фундаментальных.

Однако сложившаяся система управления не закрыта полностью для воздействия извне. В теории периферийной экономики Р. Пребиша особенности накопления и распределения связываются с достигнутым обществом уровнем демократизации; под ней понимается не наличие формальных демократических институтов как таковых, а прежде всего наличие «средних слоев» («среднего класса»), способных оказывать влияние на экономические и политические процессы, опираясь на соответствующие институты. Россия с этой точки зрения может быть отнесена к странам развитого периферийного капитализма, в которых относительно высокий уровень показателей экономического развития сочетается с развитой социальной инфраструктурой, высоким образовательным и культурным уровнем значительной части населения.

В таких условиях не внешняя угроза и связанная с нею необходимость поддержания внутренней стабильности и военного паритета, а спрос на будущее со стороны «средних слоев» является сегодня фактором, побуждающим правящий слой к разработке стратегии модернизации. Это не означает, что процесс демократизации исключает возможность появления военных целей в списке требований среднего класса. Масштабные программы военной модернизации последнего времени явно продиктованы стремлением заручиться поддержкой со стороны членов среднего класса, так или иначе связанных с военно-промышленным комплексом. Но очевидно, что эти программы основаны и на стремлении дать ответ на остро ощущаемую во всех слоях общества угрозу полной утраты военного паритета.

Давление снизу в сторону демократизации стало объективным следствием экономического развития последнего времени, его успехов и неудач. Но важнейшая потенциальная проблема, возникающая на этом пути, – не угроза новой социально-политической дестабилизации российского общества как таковая. Неизбежность разного рода потрясений в результате, например, перехода к прямым выборам глав субъектов Федерации явно преувеличена. Но точно так же было бы не вполне правомерно ожидать от давления снизу

исключительно положительного эффекта, рассматривать демократизацию не только как необходимое, но и как достаточное условие модернизации.

Во-первых, спрос на перемены не обязательно воплощается в спросе на «правильные» институты. Он вполне может воплощаться в требованиях принятия скоропалительных, популистских или прямо враждебных правам человека решений. Распространенный в обществе (а не только в его «маргинальных» кругах) радикализм, например в отношении борьбы с преступностью, в частности с коррупцией, вполне можно ощутить, ознакомившись с содержанием форумов или комментариями к публикациям интернет-изданий. (Нельзя не отметить, что радикализм предлагаемых решений базируется не только и даже не столько на низкой культуре и правовом нигилизме граждан, сколько на вопиющих примерах следования принципу «своим – всё, остальным – закон», на ощущении беззащитности перед лицом как преступности, так и правоохранительных органов.) Само формирование спроса на перемены в результате неудовлетворенности сложившимся порядком вещей предопределяет значительную степень радикализма требований, часто несовместимых с курсом на реализацию долгосрочных задач экономического развития. Это особенно проявляется в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры. «…Средний класс выполняет стабилизирующую функцию лишь в благополучном обществе, когда дела идут хорошо и имеется хорошее правительство. Когда же экономическая конъюнктура резко ухудшается, средний класс первым начинает раскачивать общество…» [1, с. 201].

Во-вторых, процесс демократизации, рост влияния среднего класса формируют очаги напряженности внутри господствующего класса. Сталкиваясь с угрозой подрыва позиций и делегитимизации собственного положения одни его группы склонны подавить очаги нестабильности любой ценой, другие же, напротив, могут стремиться «оседлать волну». Такое разделение внутри господствующего класса, наслаиваясь на объективные противоречия между федеральными и региональными властями, между высшими и низшими уровнями чиновничьей иерархии и т.д., раскалывает элиту в целом, создает благоприятные условия для различного рода «путчей». Возможность прихода «лучших» в результате такого рода ротации не исключается, но, вероятно, и не гарантируется. Сам по себе рост внутриэлитных конфликтов, даже не вырываясь наружу, усиливает ориентацию на поддержание существующего баланса сил и интересов в ущерб долгосрочным целям, порождает склонность к принятию «популярных» решений. При этом выбор в пользу ускоренной модернизации (в какую бы форму призывы к ее проведению ни облекались), несомненно, принадлежит к числу таких решений. Однако попытка «большого скачка» в таких условиях с высокой степенью вероятности обречена на провал.

Демократизация является объективным и желательным результатом экономического роста в обществах с высоким образовательным и культурным потенциалом. Риски усиления давления снизу в пользу принятия «популярных», направленных на перераспределение, а не накопление решений в этом случае действительно существенны. Но и попытки сдержать эти требования, встроить их в рамки преимущественно формальных демократических институтов, чреваты ростом нестабильности политико-экономической системы в целом. Поддержание баланса интересов внутри правящего слоя, попытки заручиться поддержкой широких масс (прежде всего за счет принятия «популярных решений») в этом случае будут препятствовать достижению устойчивого экономического роста без соответствующего выигрыша, связанного с развитием политических институтов и повышением легитимности политической системы.

Эффективные демократические механизмы должны обеспечивать в долгосрочной перспективе условия для конкуренции и отбора лидеров, для легитимной сменяемости находящихся у власти групп, для ротации внутри властвующей элиты и ее постепенного регулярного обновления. Однако этим долгосрочным целям препятствуют экономические проблемы, специфические для стран развитого периферийного капитализма – проблемы, усиливающиеся, в том числе, и практически неизбежным принятием «популярных» решений, которые ведут к обострению бюджетных проблем, инфляции, замедлению накопления и усилению оттока доходов за пределы национальной экономики. Разная скорость протекания политических и экономических процессов, несоответствие экономической структуры периферийного капитализма вызовам изнутри и извне могут приводить и, как показывают примеры Аргентины, Бразилии, Чили в XX в., приводили к возникновению порочного политического цикла.

Повторяющиеся «рывки из отсталости» можно считать одной их характеристик такого цикла. В «слаборазвитых» периферийных экономиках стимул к этим рывкам рождается в рамках правящей элиты, а важнейшим мотивом выступает необходимость поддержания военного паритета. В развитых периферийных экономиках условия для этого создаются на уровне «общественного мнения», в результате давления со стороны «средних слоев». Во всех случаях политика модернизации наталкивается на ограничения, обусловленные структурой экономики, недостатком капиталов, зависимостью от внешнего рынка.

Следует подчеркнуть: рост возможностей влияния общества на политические процессы в России, усложняя механизм функционирования политико-экономической системы, не решает автоматически всего комплекса экономических проблем. Не противоречат ли друг другу политическая и экономическая стороны модернизационного процесса? Можно ли ожидать, что сло-

жившаяся структура экономики способна обеспечить переход к устойчивому экономическому росту, при сохранении возможности дальнейшей демократизации политической системы?

Периферийный капитализм в России: Экономические ограничения

На пороге экономического кризиса, начавшегося в конце 2008 г., «восстановительный период» в России был в основном завершен. Главный вызов в связи с этим представляет не сам последовавший спад. Проблема в том, что предшествующий экономический рост в значительной степени основывался на использовании перераспределенных активов и производственных мощностей советского периода. С одной стороны, необходимость модернизации в сугубо техническом смысле – обновление основных производственных фондов, создание новых инфраструктурных объектов, внедрение новых технологий и т.п. – несомненна. С другой стороны, очевидна и проблематичность решения этой задачи на основе сложившихся механизмов накопления и распределения.

Значительный рост объемов производства и доходов населения между кризисами 1998 и 2008 гг. не сопровождался позитивными сдвигами в структуре экономики. Его двигателем был рост спроса, обусловленный увеличением экспорта сырьевых ресурсов в стоимостном выражении. За период с 2000 по 2008 г. выручка только от экспорта нефти, газа и нефтепродуктов возросла с 52 млрд до более чем 300 млрд долл. (без соответствующего увеличения добычи и переработки) [6]. Столь значительное увеличение доходов в иностранной валюте приводило к инфляции, укреплению курса рубля и росту импорта. Связанное с этим сокращением стимулов и возможностей для накопления накладывалось на неадекватность институтов, обеспечивающих мотивы для образования сбережений, их концентрации и инвестирования.

Фактором, компенсирующим недостаток частных инвестиций и поддерживающим экономический рост на высоком уровне, стало увеличение государственных расходов. «Несмотря на создание и активное наполнение нефтегазовых фондов, досрочное погашение значительной части внешнего долга, – писали А. Кудрин и О. Сергиенко, – Россия оказалась одной из немногих нефтедобывающих стран, где в докризисный период государственные расходы росли относительно ВВП» [5]. Этот процесс был связан не только с возрастанием роли государства в перераспределении, но и с расширением непосредственного участия государства в экономике. Это было продиктовано стремлением возместить недостаток инвестиций, мобилизуемых рыночным путем, поддержать стратегически важные и социально значимые предприятия и отрасли, консолидировать «расползшиеся» в ходе приватизации активы

в рамках вертикально-интегрированных комплексов. В результате за последние годы «роль государственного сектора в российской экономике возросла. По оценкам Минэкономразвития, доля государственных и контролируемых государством компаний достигает 45–50%. Удельный вес таких компаний в инвестициях составляет около 40%» [5, с. 12].

Рост государственного участия в экономике был до определенной степени неизбежен. Это обусловливалось как начавшимся соревнованием «государства» с «бизнесом», сросшимся с федеральной и региональными элитами к концу 1990-х годов, так и сугубо экономическим фактором – недостаточностью частных накоплений. Но продолжение этого роста не представляется ни оправданным с учетом эффективности сформировавшихся в результате механизмов и институтов, ни возможным с учетом бюджетных ограничений. Единственным источником долговременного роста являются в сложившихся условиях частные инвестиции. Но и на этом пути возникают сугубо экономические препятствия. «С точки зрения нормы сбережения Россия в докризисный период практически не уступала “азиатским тиграм” – Южной Корее, Гонконгу, Малайзии, поддерживая ее на уровне выше 30%. В 2009 г. норма сбережения снизилась до 23,4% от располагаемого дохода, поэтому актуальна задача ее восстановления. Что касается нормы накопления, то она, за исключением 2007–2008 гг., не превышала 22% ВВП, это более чем на 10 п.п. меньше, чем в упомянутых странах. Для сближения нормы накопления и нормы сбережения надо прежде всего сократить вывоз российского капитала из частного сектора (он составляет от 7 до 13% ВВП, т.е. больше половины величины накопления основного капитала)» [5, с. 7].

Решать эту задачу часто предлагалось и предлагается за счет обеспечения благоприятных институциональных и экономических условий. Но нельзя забывать, что в арсенале доступных для политиков средств всегда остаются инструменты государственного регулирования и контроля. Ориентация на их использование возрастает при склонности к принятию наиболее быстрых, простых, понятных, а главное – «популярных» решений. Следует заметить, что понятие институтов в экономической науке включает не только формальные нормы и правила (в их появлении и изменении отечественная политика никогда не испытывала недостатка), но и неформальные принципы и правила поведения. Быстро изменить их нельзя.

Еще А. Смит утверждал: «Бережливость, а не трудолюбие, является непосредственной причиной возрастания капитала. Правда, трудолюбие создает то, что накопляет сбережение. Но что бы ни создавало трудолюбие, капитал все же никогда не мог бы возрастать, если бы бережливость не сберегала и не накопляла» [11, с. 249]. Россия в действительности, несмотря на огромные потенциальные богатства, не является богатой страной с точки зрения доступных для инвестирования ресурсов. Провал в объемах инвестиций, начав-

шийся с конца 1980-х годов, значительно усугубил отставание от ведущих экономик в производительности труда и других важнейших показателях, которое неуклонно увеличивалось уже с 1960-х годов. Нельзя отрицать успехов, достигнутых в период экономического роста первого десятилетия XXI в. Но несмотря, например, на значительный рост активов банковской системы России (в 2,5 раза только с 2007 по 2011 г.), их совокупная величина (41,6 трлн руб., или около 1,4 трлн долл. на 1 января 2012 г.) [10, с. 12] была меньше активов одного *Bank of America* (около 2,3 трлн долл. на конец 2010 г.[2]), входящего в четверку крупнейших американских финансовых институтов. Неудивительно, что, по некоторым оценкам, средний уровень производительности труда в российской экономике составлял от 17 до 26% от американского уровня. Это, в частности, выражается в том, что для производства 1 т стали в нашей экономике требуется в 3 раза больше рабочих [см.: 14].

Рассмотрение возможных подходов к решению этой ключевой экономической проблемы нашло отражение в дискуссиях представителей общественных дисциплин.

В российской экономической науке сформировалось направление, представители которого обосновывают необходимость проведения новой индустриализации («неоиндустриализации») за счет применения мер государственного регулирования и планирования [см., напр.: 2]. Несмотря на различия в подходах, экономисты этого направления в той или иной степени опираются на эмпирические данные, характеризующие экономическое положение страны, собственную интерпретацию некоторых идей Дж.М. Кейнса и представителей кейнсианства, учение о циклах (волнах долговременной динамики), представляющее разновидность теории реального цикла Н.Д. Кондратьева и его современных последователей. Практические рекомендации этих авторов основываются на том, что ключ к решению стоящих перед страной проблем лежит в скорейшей ликвидации технологического отставания, обращения вспять процессов деиндустриализации и просто деградации целых отраслей при активном участии государства, в том числе и в финансировании инвестиционных программ. Задача модернизации таким образом выступает как задача преимущественно техническая: модернизация рассматривается как индустриализация. За скобками, однако, остается, как правило, политическая составляющая: роль эффективного государства, по существу, выводится из желания и готовности осуществлять предлагаемую политику. Однако достаточно ли стремления проводить активную государст-

2. Источник: Bank of America Corp. 2010 Annual Report. (http://thomson.mobular.net/thomson/7/3171/4426/).

венную политику в области модернизации для преодоления проблем, пронизывающих все уровни управленческой иерархии?

Практические рекомендации, разрабатываемые в рамках указанного направления, во многом (но не во всем) отражали модель развития последнего десятилетия. Возможно, окончательные итоги функционирования активно создаваемых за эти годы бастионов «государственного капитализма» подводить еще рано. Но сегодня их определенно нельзя считать вдохновляющими. Конечно, это можно считать результатом не развития государственного капитализма, а его недостаточного развития. Но каким образом можно было бы обеспечить долговременное и устойчивое поступление необходимых для этого ресурсов? Действительно, проблему часто предлагается решить за счет национализации «сырьевой ренты». Но, во-первых, это не отменяет зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, без преодоления которой невозможна реализация долгосрочной стратегии развития. Во-вторых, может ли смена собственника изменить принципы распределения получаемых от продажи на внешних рынках ресурсов без смены элиты и отхода от сложившейся этики экономического поведения? Определенным (и не очень обнадеживающим) ответом на этот вопрос может служить процесс выращивания отечественной «олигархии», вполне, как оказалось, совместимый и с «уходом» государства в 1990-е годы и с его «приходом» в 2000-е. Можно ли считать, далее, что «огосударствление» наиболее прибыльных высот национальной экономики не затронет уровни малого и среднего бизнеса? Отметим лишь, что «развитие малого и среднего бизнеса», ставшее уже ритуальным заклинанием, само превратилось в бизнес, питаемый где ручейками, а где и потоками бюджетных средств.

Значительное внимание политической составляющей модернизационного процесса уделялось в концепции «авторитарной модернизации», предполагающей неизбежность ограничения политических прав и свобод для успешной реализации соответствующих экономических мер [см., напр.: 4]. При этом «авторитарная модернизация» теоретически совместима и с моделью, предполагающей преимущественную опору на частные инвестиции как на источник развития. Данная концепция подчеркивает необходимость не всякого авторитаризма, а «авторитаризма развития». Однако в этом случае фундаментальным ограничителем выступает «кадровый вопрос». На какую часть существующей элиты мог бы опираться «просвещенный» авторитаризм? Будет ли он обладать временем и ресурсами для выращивания новой? Без ответа на эти вопросы экономические преимущества жесткого курса не очевидны. Изменение политического режима не может само по себе решить структурные проблемы и преодолеть экономические ограничения. Отсутствие кадров модернизации практически неизбежно приведет к усугублению «ресурсного проклятья», доведя коррупцию и разложение до новых «высот».

Противовесом указанным подходам стало обоснование необходимости развития с опорой на частные инвестиции, предполагающее, в качестве необходимого дополнения, расширение политических прав и свобод. Условие реализации данной модели в полемически заостренной форме может быть выражено так: «Не нужно создавать институты развития, не нужно призывов к модернизации – если инфляция будет низкой, придут деньги и сделают модернизацию» [7]. Даже если этот тезис справедлив с макроэкономической точки зрения, следует отметить, что логика развертывания политических процессов в периферийной экономике не сможет воспрепятствовать требованиям большего перераспределения излишка и соответствующему раскручиванию инфляции. Фактическая динамика событий последнего времени скорее подтверждает, чем опровергает этот вывод. Стремление к реализации масштабных инновационных и прочих проектов и программ в отсутствие внятного решения таких потенциально взрывоопасных для бюджета проблем, как дефицит пенсионных накоплений при одновременном расширении социальных обязательств, вряд ли можно считать случайным зигзагом. В условиях сокращения политических дивидендов от быстрого экономического роста и роста спроса общества на перемены возможности для проведения консервативной финансовой политики сужаются. Но и достижение желаемых низких значений инфляций вряд ли способно автоматически «привести деньги» в необходимых объемах, решить задачи модернизации с учетом сложившейся структуры экономики и масштабного технико-экономического отставания. Проблема субъекта модернизации и в этом случае остается ключевой.

Ход развития страны за последнее десятилетие сочетал, в той или иной пропорции, черты рассмотренных выше теоретических концепций. Но окончательный выбор, как представляется, еще не сделан.

Вместо заключения: Модернизация как проблема

Вне зависимости от установившегося политического режима, переход к целенаправленному «осовремениванию» в условиях периферийной экономики неизбежно сталкивается с ресурсными ограничениями. Это может привести либо к фактическому отказу от решения модернизационных задач, либо к мерам по созданию условий для роста сбережений и поддержанию механизмов перевода сбережений в инвестиции. Здесь возможны две модели экономического развития.

В первом случае ведущим субъектом, обеспечивающим мобилизацию ресурсов и рост капиталовложений, выступает государство (путь, опробованный в чистом виде в СССР, но также с опорой на механизмы «государственно-частного партнерства» в ходе предшествующих попыток модернизации

в дореволюционной России). Этот путь позволяет, при ряде условий, обеспечить форсированный рост капиталовложений. Но он, как известно, сопряжен с возникновением серьезных проблем, среди которых: постоянное возникновение «узких мест», сдерживающих потенциальный рост эффективности, порождающих инфляцию и дефицит; необходимость опоры на «менеджеров», преследующих свои интересы – пусть и не всегда узкокорыстные, но, как правило, не совпадающие с «общенародными»; необходимость установления забора между государственными средствами, пускаемыми на нужды модернизации, и «рынком», где эти средства могут быть потрачены. Наличие этих и некоторых других проблем создает постоянную угрозу перестраивания экономики: перехода от производительного потребления мобилизованных государством (или при участии государства) ресурсов к их перераспределению (часто на основе неформальных механизмов) между вовлеченными в осваивание этих средств участниками. Здесь формируется благоприятная среда для коррупции и «теневой экономики». Но, как показал, например, анализ Я. Корнаи плановой экономики [3], и обычные «социалистические предприятия» функционировали в результате по принципам, весьма отличным от декларируемых и предписываемых гораздо более жесткой системой контроля. Риск нежелательного перестраивания экономической модели усиливается в случае доступности устойчивой ренты от природных ресурсов.

Во втором случае основой для модернизации выступает рыночная мобилизация ресурсов, основными субъектами которой являются частные инвесторы. Здесь необходимо создание условий, обеспечивающих доверие внутренних и внешних инвесторов: институциональных (соблюдение прав собственности, наличие правоохранительной и судебной систем, обеспечивающих защиту от произвола), экономических (прежде всего доступность кредитных ресурсов). Создания этих условий и проявления эффекта от них можно ожидать лишь в долгосрочной перспективе, что делает практически невозможным быстрый рывок (а это, в свою очередь, создает серьезные экономические и политические проблемы в условиях длительного экономического спада). Важнейшие ограничения для рыночной мобилизации связаны с недостатком капиталов, возможным негативным воздействием внешнего рынка, зависимостью от ожиданий инвесторов, постоянной «конкуренцией» между склонностью к инвестированию и к потреблению (особенно в условиях заимствования стандартов потребления из более производительных экономик). Столкновение с такими ограничениями способно породить стремление усилить роль государства, в частности в области сдерживания роста внутреннего потребления и регулирования движения капиталов.

Выбор любой из возможных моделей развития не будет окончательным и бесповоротным. Столкновение с экономическими ограничениями в условиях политико-экономической системы периферийного капитализма неизбежно будет влиять на поведение субъекта модернизации, каковы бы ни были намерения тех, кто его формирует. Представители правящего слоя могут либо подчиняться требованиям мирового рынка, извлекая из этого максимальную личную выгоду, либо стремиться вырваться из его оков, опираясь на него как на источник необходимых для модернизации ресурсов.

Окончательный выбор в пользу целенаправленного ускорения экономического развития России неизбежно приведет к вступлению в полосу турбулентности. Преодоление формального характера демократических механизмов, если оно произойдет, вероятно, усилит давление снизу в пользу такого ускорения. Это, конечно, не означает, что отказ от модернизации гарантирует стабильное существование. Но быстрое и безболезненное проведение модернизации периферийной экономики невозможно. Поэтому на первый план выходит проблема долгосрочной, разумной и взвешенной стратегии. Качества элиты и рекрутируемого из нее правящего слоя являются, вероятно, самым существенным условием хотя бы частичного успеха такой стратегии. Сложившийся в рамках существующей элиты медитократический консенсус с этим несовместим.

Литература

1. Воейков М.И. Политико-экономические эссе. – М.: Наука, 2004.
2. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – № 9.
3. Корнаи Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990.
4. Красильщиков В.А. Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России // Модернизация России: Условия, предпосылки, шансы. – М., 2009. – Вып. 1.
5. Кудрин А., Сергиенко О. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. – М., 2011. – № 3.
6. Кудрин А.Л. Интервью «Не стал бы нас с Путиным называть единомышленниками» // Ведомости. – М., 2011. – 12 декабря. – № 234.
7. Кудрин А.Л. Интервью «Алексей Кудрин: Базовые наши недостатки лечатся политическими свободами» // Коммерсантъ-Деньги. – М., 2012. – № 5. – 6 февраля.
8. Пребиш Р. Периферийный капитализм: Есть ли ему альтернатива. – М., 1992.
9. Преображенский Е.А. Прения по докладу т. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве». Заключительное слово // Е.А. Преображенский. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. – М., 2008.
10. РИА-Аналитика. Аналитический бюллетень «Банковская система России: Тенденции и прогнозы». Вып. 10. – М.: РИА НОВОСТИ (http://vid1.rian.ru/ig/ratings/b_banki10.pdf) (Доступно 21.02.2012.)
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962.

12. Шкаратан О.И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в российском и мировом контекстах // Мир России. – М., 2011. – Т. XX – № 4.

13. Явлинский Г.А., Космынин А.В. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (Российское общество как процесс) // Мир России. – М., 2011. – Т. XX. – № 2.

14. Bush J. (2009) Why Is Russia's Productivity So Low? // Bloomberg Businessweek. May 8. (http://www.bloomberg.com/news/articles/2009-05-08/why-is-russias-productivity-so-low) (Доступно 21.02.2012.)

А.А. Горелов

МЕГАТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Горелов Анатолий Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

В предыдущем столетии действовали две мегатенденции. В первой половине XX в. главенствующим был процесс передела колоний, который вызвал две мировые войны. Во второй половине века ему на смену пришел процесс ликвидации мировой колониальной системы в ходе национально-освободительной борьбы и при мощной поддержке второй сверхдержавы того времени – Советского Союза.

Разрушение СССР стало отправной точкой новой мегатенденции – становления системы глобального неоколониализма. Она приходит на смену существовавшей в течение нескольких веков мировой колониальной системе. Колониализм имеет экономические, политические и культурно-исторические корни, главные из которых – развитие капитализма, воля к власти (Ф. Ницше), присущие западной цивилизации стремление к пространственной экспансии (О. Шпенглер) и агрессивность (Н.Я. Данилевский). В распаде мировой колониальной системы выдающаяся роль принадлежала Советскому Союзу, ставшему после победы в Великой Отечественной войне сверхдержавой. Однако после крушения СССР, в отсутствие противодействия, на месте колониальной системы в результате усилий западных стран стала складываться глобальная неоколониальная система.

Отдав мандат на управление, былые метрополии не потеряли интереса к своим колониям. «И сегодня Британская империя не менее реальна, чем столетие назад. Имперским наследием для многих ее колоний стали английский язык, образование, культура, инфраструктура, прецедентное право, институты государственного управления. Дух великой Британии и сегодня чувствуется в разных частях земного шара от Бостона до Сингапура и от Дели до Канберры» [5, с. 34].

XX век стал не только концом колониализма, но и началом неоколониализма. Последний начался сразу после крушения мировой колониальной системы в середине XX в. Глобальный неоколониализм – современное направление глобализации и практика империализма. Он превращает империализм в глобализм. Создается единая глобальная империя, по-новому управляемая из одной коллективной (корпоративной) метрополии. Таковой является уже не столица (город, откуда приехали колонизаторы), а государство или даже совокупность государств. «Столицей» глобальной империи можно считать США; остальной мир превращается в одну глобальную неоколонию. Основной принцип глобального неоколониализма: «Одна метрополия – одна колония».

Становление глобального неоколониализма связано, как отмечено выше, с тенденцией глобализации. На протяжении XX в. наука, начиная с учения В.И. Вернадского и концепции П. Тейяра де Шардена, убедительно демонстрировала, что современный мир представляет собой единую систему. Экологический кризис 60-х годов XX в. показал, что отныне мир может нормально развиваться только как единое целое, иначе ему не справиться со стремительно нарастающими проблемами. Было сформулировано положение, что человечество в принципе уже может сознательно и планомерно управлять собственным глобальным развитием, и уровень современной техники позволяет решать самые сложные задачи, возникающие на этом пути. Наиболее мощные финансовые круги Запада с помощью денежных средств приступили к управлению глобальным развитием и изменению социальной среды. На заре глобализации в 1954 г. возник Бильдербергский клуб – объединение могущественных финансовых и политических кругов; в 1973 г. была создана Трехсторонняя комиссия (к США и Западной Европе добавилась Япония).

Система глобального неоколониализма строится Западом как единое целое по принципу вертикального структурирования. «Считается, будто некая “невидимая рука” рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которой является денежный механизм» [4, с. 485]. Это не безличный «Левиафан», а вполне конкретный круг лиц, владеющих главными государственными и частными финансовыми учреждениями – банками, страховыми компаниями, крупными фирмами и концернами, обладающими колоссальными суммами денег и выполняющими функции, аналогичные функциям банков. Еще в первой половине XX в. Т. Драйзер писал, что в США 350 семейств контролируют 95% всех богатств страны, называя среди крупнейших из них нажившихся на нефти Рокфеллеров, на стали – Морганов, на строительстве железных дорог – Вандербильтов [3, т. 12, с. 371]. Сейчас династическая власть князей капитала управляет экономикой второго уровня,

которая использует создающую материальные ценности экономику первого уровня в качестве источника доходов. Символическая, виртуальная экономика, в которой циркулируют суммы «условных денег», во много десятков раз превосходящие суммы, обращающиеся в реальной экономике, составляет основу сверхвласти, которую никто не избирает.

Править миром экономике второго уровня дают возможность не только огромные суммы, циркулирующие в ней, но и приоритет денег как высшей ценности западного общества, навязываемой всему миру. Суть денежного тоталитаризма в том, что «из формы (средства) социальных отношений людей деньги превратились в самодовлеющую сущность, сделав людей средством для своего бытия» [4, с. 111]. В западном обществе скорее деньги дают власть, чем власть дает деньги, хотя последнее тоже имеет место.

Центр мировой власти не афиширует себя, оставаясь в тени. Но тот же Драйзер, в числе множества других авторов, писал, что современное насилие «можно охарактеризовать как заговор в пределах законности <…> ибо таковы ныне существующие у нас законы <…> при помощи своих миллионов они (финансовые заправилы Америки. – *А. Г.*) пытаются уже повелевать всем миром». Особенность современного глобального неоколониализма состоит в том, что «фактическая система власти и хозяйства западного мира таковы, что государственность и экономика отдельно взятых стран все более превращаются в их частицы, причем в снятом виде», а «часть государственности, возглавляемая обычно главой исполнительной власти (президентом, канцлером, премьер-министром), выполняет функции участников и представителей денежного механизма» [4, с. 485], т.е. сверхвласти, аккумулирующей в себе высший контроль над всеми аспектами общества. Зиновьев называет эту высшую власть сверхвластью, имея в виду, что она возвышается над видимой, легитимной властью. Но в термине «сверхвласть» не дается ее содержательная характеристика. Так как это власть денег, можно использовать понятие «финансократия», имея в виду, что власть имущие высшего уровня получают свои доходы не за счет эксплуатации наемных работников и вкладывания средств в производство, а в виде платы за услуги и проценты за кредиты, т.е. обогащаясь благодаря ростовщичеству. Имеет хождение также термин «транснациональный глобальный субъект».

Во главе системы глобального неоколониализма стоит крупный финансовый капитал, подчинивший себе и производительный капитал, и государство. В 2007 г. самому зажиточному 1% американских семей принадлежала доля в 33,8% национального богатства США. Финансократия с олигархическими кланами Рокфеллеров, Ротшильдов и других есть форма власти над всем обществом, включая государство. Система капитала не может себя воспроизводить, не поглощая экономику и ресурсы за пределами своих границ. «Запад построил себя из материала колоний» (К. Леви-Стросс). 258 миллиар-

деров владеют таким же богатством, как 2,5 млрд человек. 1% населения владеет 99% всего богатства мира.

Рынки ценных бумаг, фондовые рынки – это инструменты господства сверхвласти финансократии. Главный из них – Федеральная резервная система США, независимая от государства частная организация, занимающаяся эмиссией долларов. «Центральным элементом глобальной гегемонии сверхвласти является монополия на эмиссию мировой валюты, которой является доллар <…> Доллар, по своей сути, является инструментом, позволяющим мировой финансовой олигархии латентно эксплуатировать народы стран, признающих его в качестве международного средства расчета, т.е. легальным международно признанным мошенническим инструментом. Контролируя правила игры в международных финансах, международная финансовая олигархия принудила практически все страны к выплате ей дани» [2, с. 20, 21]. Она печатает не обеспеченные материальными ценностями банкноты, на которые скупают реальные материальные активы всего мира. Столицей финансократии называют Нью-Йорк (иногда к нему добавляют Лондон).

За сверхвластью финансократии следует власть экономическая – транснациональные корпорации и власть политическая – государство. Экономическую власть, в свою очередь, можно разделить на финансовую и производительную. Имеет место триумвират власти: финансово-экономической, производственно-экономической и политической, причем первая является главенствующей. В середине XX в. президент США Д. Эйзенхауэр заявил, что есть власть, которой вынужден подчиняться американский президент, и обозначил ее как военно-промышленный комплекс. Экономист В.Ю. Катасонов ввел понятие «военно-банковский комплекс». Если назвать все три части триумвирата, то следует говорить о *финансово-военно-промышленном комплексе*, причем слово «финансовый» стоит на первом месте не случайно.

ТНК подчиняются финансократии и являются «государствами в государстве». Самые могущественные финансовые круги и ТНК на верхнем уровне иерархии с наибольшей концентрацией капитала находятся в США. Выйдя за пределы национальных государств, ТНК ведут себя «во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры» [4, с. 485]. Особенность финансовых и промышленных монстров в том, что они руководствуются в своей деятельности исключительно мотивом получения материальной выгоды. Такие «юридические лица», «облеченные громадной властью, в силу закона обладают отсутствием нравственности, которое мы сочли бы патологическим у живых людей» [7, с. 319].

Государство как таковое с его специальным сложным аппаратом образует особый уровень управления системой глобального неоколониализма: на нем основана военная мощь глобального неоколониализма. Финансократия сращивается с государствами Запада, так как сама по себе не обладает монопо-

лией на применение насилия. В свою очередь, финансократия обеспечивает государства «золотого миллиарда» своей экономической мощью, при которой достигается их комфортное существование. К. Маркс назвал государство комитетом по делам управления буржуазии (теперь лучше сказать финансократии).

Помимо государственной власти существует еще и сверхгосударственная. Она, как показал Зиновьев, формируется по четырем основным линиям. Первая – это внутренняя власть государственной системы, состоящая из представителей администрации, сотрудников личных канцелярий и т.п. Вторую линию образует совокупность секретных учреждений. Третья линия – всякого рода объединения из множества активных личностей и, наконец, четвертая – образование учреждений и организаций блоков и союзов западных стран. Государство служит сверхгосударству. Экономика служит интересам сверхэкономики. К сверхэкономике и сверхгосударству следует добавить идеологическую составляющую – либерализм. В общей структуре системы глобального неоколониализма можно выделить: центральную часть метрополии, ее провинциальные части, колонии разного уровня. Первые два слоя представляют собой метрополию, которая вытягивает из глобальной неоколонии ресурсные, денежные, интеллектуальные соки. Третий слой составляют части будущей глобальной неоколонии, согласившиеся быть таковыми и исполняющие роль пособников Запада. Государства также вертикально структурируются: высший уровень – США, затем последовательно идут другие западные страны, Израиль, Япония, Саудовская Аравия, Восточная Европа и некоторые бывшие республики СССР (прибалтийские страны), которые имеют значительную степень зависимости от США. Далее – не вполне дружественные и опасные соперники, которых приходится терпеть (Китай) и в конце перечня – обрекаемые на роль изгоев (Иран, Сирия, Россия). Конфигурация может меняться в связи с изменением конкретной политической ситуации.

«“Холодная война” США против Советского Союза была одновременно “холодной колонизацией” американцами стран самого западного мира» [4, с. 497], превращенных в протекторат Америки и в то же время остающихся частью метрополии США, находящиеся на первом государственном этаже метрополии, выступают в роли глобального регулятора системы неоколониализма. «Америка, – писал Бжезинский, – благодаря своей почти всемирной гегемонии в последнее время пользовалась возможностью формировать так называемый новый мировой порядок» [1, с. 167].

В 2002 г. Буш обнародовал новую доктрину безопасности, в которой предусмотрел право на нанесение превентивного военного удара. Курс США, по его словам, не зависит от решения остальных держав. Тем самым Америка противопоставила себя миру. То, что Вашингтон, провозгласив свою страте-

гию, отстранил ООН, даже вопреки интересам своих ближайших союзников по НАТО, свидетельствует о том, что Америка готова установить новый мировой порядок, сама выбирая себе пособников. Конечно, США не всем управляют и не все организуют, но умело подстраиваются под объективные тенденции и используют спонтанно возникшие ситуации (например, «арабскую весну») в своих целях. Связь государственного аппарата с финансократией осуществляется через тайные службы и финансовые корпорации. В результате можно сказать, что США управляются не выбранной, но реальной всевластной верхушкой и формируют «демократическое государство» как оболочку и средство легитимации действий сверхгосударства, которое является анонимным и нелегитимным. При этом, как писал еще 100 лет назад Драйзер, «избирательной плотве не возбранялись невинные забавы: она могла резвиться стайками, голосуя за всякую мелочь, будь то губернатор, мэр или президент. Но стоило возникнуть действительно важному вопросу, затрагивающему бумажник или священные привилегии финансовых королей, как картина резко менялась <…> ибо Америкой всегда правили и очевидно будут править деньги <…> Деньги решают, что, когда, где и как должно быть сказано к вящей пользе и славе капитала» [3, с. 319, 222].

Как пишет Ж. Аттали в книге «Линии горизонта», в новом мире наиболее ценной собственностью станет гражданство в пространстве доминирующих стран. Производство будет сосредоточено в технологической зоне стран «второго эшелона». Такова новая глобальная схема международного разделения труда.

Миллиарды долларов идут по всему миру на свержение противодействующих США режимов и установление угодных им. Америка, говорит Хомский, «преследует стратегические и экономические интересы господствующих групп населения страны под аккомпанемент ораторских изысков на тему их верности высшим ценностям» [7, с. 407]. Действия Вашингтона, способствующие созданию системы глобального неоколониализма, таковы: 1) неприятие юрисдикции Международного уголовного суда и Международного суда; 2) отказ от права ООН возглавлять урегулирование международных кризисов; 3) произвольное толкование Устава ООН; 4) военные расходы, сравнимые с расходами всего остального мира.

После иракской войны, считает Хабермас, стал заметен раскол Запада. В связи с этим он задает вопрос: можно ли международно-правовой контекст оправдания войны заменить односторонней политикой создания мирового порядка, которую проводит сам себя уполномочивающий гегемон? То что осуществляют США, Хабермас называет «гегемониальным взглядом на мир», «либеральным национализмом», «имперскими устремлениями». «В самих США надолго установленный режим “президентов войны” уже сегодня закладывает мину под основы правового государства <…> Именно универса-

листская сущность демократии и прав человека запрещает насаждать их огнем и мечом» [6, с. 37]. Международное право Америка превращает в свое имперское право. Хабермас призывает Европейский союз осуществить конкурирующий с США проект универсалистской формулы международного мирового порядка и даже преобразовать международное право во всемирногражданскую конституцию. Но все это благие пожелания европейских интеллектуалов, переживающих за подневольное состояние Европы.

Реальность же такова, что «для выживания на достигнутом ею уровне ей (западной цивилизации. – *А. Г.*) необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества» [4, с. 470]. Цель западнизации, т.е. западной стратегии установления нового мирового порядка, – «довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных и равномощных партнеров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний нового типа» [там же, с. 417]. За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета, с ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В неоколонизируемой стране «создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере – как явно западные или совместные предприятия <…> Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада <…> До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее псевдокультура западнизма» [4, с. 420]. Торговля людьми и их органами, ограбление народов до их полного обнищания и геноцида являются частью нового мирового порядка США. В колонии выносятся грязные производства (в том числе алюминия, никеля, меди) и отходы (прежде всего радиоактивные). Свое технологическое превосходство западная цивилизация осуществляет за счет эксплуатации людских и природных ресурсов других стран. Весь мир платит дань метрополии. В технологической пирамиде глобального неоколониализма на высших этажах имеет место примат планирования, а на нижних – рынка. У метрополии существует разветвленная сеть в каждой из колоний: тысячи СМИ, НКО, добровольных сторонников и т.п.

В целом можно дать такое определение. *Глобальный неоколониализм – это современная система неравноправных (экономических и политических) отношений, навязанная западными странами остальному миру, основанная на их военной мощи и деятельности монополистического капитала, международных финансовых организаций и ТНК.* Соответственно, можно выделить два тесно связанных между собой вида глобального неоколониализма – военно-политический и финансово-экономический. Уничтожая страны, не желающие

подчиниться диктату США, неоколониализм в то же время не предполагает непременного военного или административного присутствия в колониях, хотя целенаправленно создает военные базы и опорные пункты с неопределенным международно-правовым статусом, образующие глобальную сеть.

Важными элементами неоколониальной политики стали кредиты и займы, создание филиалов крупнейших западных компаний и смешанных предприятий в неоколониях, вывоз капитала и др. К методам неоколониализма можно отнести насаждение коррупции и прямой подкуп политических элит, разжигание конфликтов для передачи власти подконтрольным лидерам, поставки оружия политическим фаворитам, использование так называемой гуманитарной помощи в качестве инструмента манипулирования и вооруженной силы якобы во имя поддержания мира.

В результате в неоколониальных странах находится и выращивается местная элита, выражающая интересы метрополии. Главной особенностью, отличающей коллективный (корпоративный) неоколониализм от традиционного колониализма является то, что управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту неоколоний, но управляют в интересах метрополии. Управление это не столь жестко и линейно, как при колониализме, поскольку оно дополняется не менее эффективным экономическим управлением посредством международных организаций и транснациональных корпораций. Глобальный характер современной неоколониальной системы определяется тем, что формируется единая метрополия, осуществляющая руководство всеми неоколониями. При этом глубинная суть взаимоотношений метрополии и колонии остается неизменной. Глобальное управление со стороны метрополии ведет к потере неоколониями политического суверенитета, периферийности их экономики, уменьшению численности населения, снижению обороноспособности, засилью чуждой местным традициям массовой культуры, идущей из метрополии. Основные признаки неоколонии: отсутствие науки и высоких технологий; низкая продолжительность и качество жизни населения; ориентированное на подготовку узких специалистов образование; потребление населением продуктов, изготовленных в соответствии с упрощенными стандартами; низкий уровень здравоохранения; вынужденность политических решений в интересах метрополии; выкачивание интеллектуальных и сырьевых ресурсов; желание жителей неоколоний эмигрировать и посылать своих детей учиться в метрополию и т.д.

Разновидностью глобального неоколониализма является *экологический неоколониализм* – экологическая экспансия развитых стран за счет перемещения природоопасных производств, токсичных и радиоактивных отходов, интенсивное использование метрополией мировых ресурсов при консервации собственных.

У глобальной метрополии три взаимообусловленные цели: гегемония над миром, доступ к планетарным ресурсам и господство на рынках сбыта. Последовательность действий такова: 1) всячески способствовать дезинтегративным процессам в границах национальных государств (управляемый хаос); 2) «взламывать» национальные экономики под лозунгом «открытого общества»; 3) устанавливать контроль над источниками ресурсов и рынками сбыта; 4) контролировать количество и качество населения (биовласть) посредством продвижения идей планирования семьи, ювенальной юстиции, снижения стандартов питания и контроля за его качеством, пропаганды наркотиков, алкоголя и т.п.

Доктрина национальной исключительности США и их права на руководство миром служит идеологическим основанием глобального неоколониализма и вызывает отторжение в мире. Все более усиливается стремление к свободе. По нашему мнению, в складывающихся условиях задачей русской цивилизации является борьба против глобального неоколониализма в рамках широкого глобально-освободительного движения большинства незападных народов. Россия начала сопротивляться глобальному неоколониализму, по существу, только с 2014 г., в двух точках мира – на Украине и в Сирии и вызвала уже смену приоритетов Запада. Теперь в ближайшей перспективе именно Россия стала главным противником Запада, который в глобальной гибридной войне пытается задушить ее санкциями. Поэтому основная борьба – впереди.

Литература

1. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М., 2012.
2. Глазьев С., Батчиков С., Кобяков А. Встать в полный рост // Холодная война 2.0. Стратегия русской победы. – М., 2015.
3. Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. – М., 1986.
4. Зиновьев А.А. Запад. – М., 2007.
5. Транкова А. Как британцы навязали свои порядки всему миру // Форбс, 2013. – № 5.
6. Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М., 2008.
7. Хомский Н. Несостоятельные Штаты. – М., 2007.

В.Н. Чернега

«БРЕКСИТ» И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ*

**Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник,
консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.**

В июле 2016 г. в Европейском парламенте состоялась конференция на тему «"Брексит" и судьба Европы». Она была совместно организована фракцией Европейской народной партии (ЕНП) (самой многочисленной в нынешнем составе парламента) и французским отделением НПО «Международный панъевропейский союз» (МПС). (Организация основана австрийским аристократом Р. Куденхове-Калерги в Вене в 1926 г., действует в 30 европейских странах, но французское отделение – наиболее многочисленное и активное.)

В ходе конференции четко проявились две тенденции, которые доминируют сейчас в реакции европейских элит на результаты «брексита». Первая тенденция выражалась главным образом докладчиками от ЕНП. Вкратце ее можно охарактеризовать как смесь растерянности и негодования в отношении британских избирателей, проголосовавших за «брексит», а также лично Д. Кэмерона, инициировавшего референдум. Ряд выступавших подвергли критике сам этот инструмент прямой демократии. Он, как утверждалось, приемлем только в небольших странах типа Швейцарии, но в целом таит в себе «западню демагогии и популизма». Стоит заметить, что этот аргумент уже был в ходу в этих кругах после того, как в 2005 г. французские и голландские избиратели провалили проект «европейской конституции».

Напротив, выступления представителей Международного панъевропейского союза были исполнены оптимизма. Они подчеркивали появившиеся позитивные перспективы для превращения ЕС в самостоятельный «центр

* *Сокращенный вариант статьи первоначально опубликован в аналитическом бюллетене «Европейская безопасность. События. Оценки. Прогноз». – М., 2016. – № 42 (58).*

силы». Один из докладчиков МПС напомнил, что Р. Куденхове-Калерги еще в момент образования этого движения исключал Великобританию из «Большой Европы» из-за слишком глубоких органических связей с «неевропейским англо-саксонским миром»[1]. Эти связи позже послужили обоснованием для решения президента Франции Ш. де Голля дважды, в 1961 и 1967 гг., заблокировать переговоры о вступлении Великобритании в тогдашнее ЕЭС. Особенно его тревожили «привилегированные отношения» между ней и США. В приватных беседах он без обиняков называл британского соседа «троянским конем Америки».

Европарламентарии единодушно констатировали, что выход Великобритании из механизмов принятия решений в ЕС не просто меняет формат этого объединения, но и ведет к изменению геостратегической ситуации на континенте, в том числе в плане взаимоотношений с Россией. Было заметно, что у тех представителей ЕНП, которые ранее фактически отстаивали линию на «вытеснение» ее из Европы, резко поубавилось пыла. Дежурные фразы о «российском экспансионизме» сочетались с признанием того, что у России «есть свое место» на континенте и ее интересы должны так или иначе уважаться.

Для выступавших от МПС это было хорошей новостью, поскольку в этой организации, по крайней мере в ее французском отделении, многие всегда считали Россию неотъемлемой частью «Большой Европы». Их позиции существенно усилились в последнее время в связи с миграционным кризисом в ЕС, а также исламскими террористическими актами во Франции, Бельгии, Германии. Они вызвали повышенное внимание общественности в государствах-членах к вопросу о христианских корнях европейской цивилизации, а в связи с этим и к России. Возрос и интерес к тому, как в РФ решаются проблемы сосуществования христианской и исламской религий. Вполне закономерно, что эти представители рассматривали Россию как необходимую участницу «общеевропейского процесса».

Ход дебатов на конференции – лишь один из признаков того, что в ЕС начинается осмысление новой геостратегической конфигурации на континенте, в том числе роли в ней России. Конечно, дискуссии по поводу политики по отношению к ней велись и раньше, в частности по вопросу о смягчении конфронтации в связи с украинским кризисом, особенно государствами-участниками (или под их давлением на многостороннем уровне), затронутыми российскими контрсанкциями. Уже эти обсуждения показывали, что в ЕС, за фасадом формального единства, накапливались разногласия по данному

1. Справедливости ради следует отметить, что Р. Куденхове-Калерги выводил за рамки «Большой Европы» и Советскую Россию, но по идеологическим причинам.

вопросу и что ряд стран пусть осторожно, но подталкивали объединение к поиску компромиссных решений, которые позволили бы в какой-то степени ослабить напряженность.

В нынешней ситуации к экономическим мотивам присоединяются геостратегические. Слова президента Франции Ф. Олланда на саммите НАТО 8–9 июля с. г. в Варшаве о том, что Россия все-таки является не противником, а партнером, «который иногда прибегает к силе», отнюдь не были неудачной импровизацией. Они вызвали гнев США и резкую критику со стороны Польши и прибалтийских государств. Разрушение европейского треугольника Париж – Лондон – Бонн фактически оставляет Францию один на один с Германией, в полтора раза превышающей ее по численности населения и превосходящей ее по экономической мощи. Конечно, Франция, в отличие от Германии, является ядерной державой, она может в тех или иных вопросах рассчитывать на поддержку Италии и других государств, наконец, обе страны связаны узами в рамках ЕС и НАТО. Но, несмотря на это, неравновесие слишком велико и вызывает опасения у значительной части французской элиты. Конструктивные отношения и сотрудничество с Россией в самых различных областях в этих условиях приобретают для Франции все большее значение.

Уход Великобритании из механизмов принятия решений в ЕС ведет также к ослаблению влияния на эти решения со стороны США, поскольку Лондон, действительно, до сих пор являлся главным его проводником, особенно в политической сфере. Это в свою очередь ослабляет позиции в ЕС наиболее враждебно настроенных к России стран – Польши, Швеции, Латвии, Литвы и Эстонии, которые в вопросе об антироссийских санкциях, как и в ряде других, ориентируются не столько на Брюссель, сколько на Вашингтон. Конечно, США могут в какой-то мере компенсировать утрату этого канала влияния на ЕС в случае заключения между ними соглашения о трансатлантическом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), переговоры о котором, судя по всему, вошли в продвинутую фазу. Однако, во-первых, «брексит» способен негативно повлиять на эти переговоры, так как помимо времени, которое уйдет на решение технических проблем, связанных с оформлением «развода» с Великобританией, он вынуждает Еврокомиссию больше считаться с общественным мнением государств-членов, настороженно воспринимающим информацию о возможном содержании этого соглашения. Во-вторых, поскольку главным бенефициарием ТТИП, как считают большинство экспертов, должна быть Германия, это может усугубить отмеченное выше неравновесие между ней и Францией (не говоря уже о других государствах-членах), ускорить ее превращение в безусловного гегемона ЕС. Такая перспектива еще до «брексита» тревожила часть европейских элит. Очевидно, что в нынешней ситуации их опасения только усиливаются. Иными словами, перспектива заверше-

ния переговоров и в еще большей степени ратификация соглашения становится сейчас более туманной.

Таким образом, «брексит» создает в ЕС ситуацию, скорее благоприятную для России. Прежде всего возрастает ее значение как фактора «баланса сил» на европейском континенте. Появление у ЕС шансов приобрести большую самостоятельность означает возникновение у него перспективы проводить политику, более ориентированную на собственно европейские интересы, а они в значительной мере связаны с Россией, особенно в области безопасности. Да и в экономике тоже. Как показала история с санкциями и контрсанкциями, российский рынок оказался более важным для ряда стран ЕС, в частности Франции, Италии, Испании, Греции, чем представляли в самой России. Контрсанкции особенно негативно сказались на сельскохозяйственном секторе этих стран, который и без них переживал большие проблемы. Сельскохозяйственные производители в ЕС немногочисленны, но очень активны в политическом плане и у них есть возможности дать почувствовать свое недовольство не только своим правительствам, но и широким массам потребителей.

В конфигурации Европа – США – Россия у нашей страны появляются определенные возможности «отыграть назад» хотя бы часть геополитических потерь, связанных с поражением на Украине. США в результате украинского кризиса сумели вбить клин между Европой и Россией, а также между Украиной и Россией, что было их стратегической целью с момента распада СССР. Между тем движение ЕС к большей самостоятельности, его возможное сближение с Россией, перспектива более продвинутых, чем сейчас, договоренностей между ними по Украине являются для Вашингтона «стратегическим кошмаром». Очевидно, что и киевские власти, хоть они и ориентируются сейчас больше на США, вряд ли смогут долго игнорировать такую реальность.

Разумеется, на данном этапе речь идет лишь о потенциальных возможностях. В какой степени они реализуются, зависит прежде всего от того, какие уроки европейские элиты извлекут из «брексита», а также из итогов референдума в Голландии в апреле нынешнего года по соглашению об ассоциации с Украиной. Они, как и в 2005 г., напомнили, что в ЕС, кроме так называемой «евро-бюрократии», кроме государств-членов и, соответственно, национальных элит, есть еще и народы, которые в условиях демократии являются источником власти. Отрыв от них «евро-бюрократии» и космополитизированного большинства этих элит явился одной из главных причин недовольства избирателей в том и другом случае.

По одному из французских телеканалов передавалось интервью с молодой английской избирательницей, проголосовавшей за «брексит». Ранее эта англичанка работала в структурах Европарламента и Еврокомиссии. Она

охарактеризовала 40 тыс. человек, занятых в них, как закрытую касту (с огромными заработными платами и дипломатическими привилегиями), которая полностью оторвалась от собственных народов и по сути никем не контролируется. «Эти люди, – сказала она, – не просто решают, как жить нашим народам, они чем дальше, тем все мелочнее регламентируют эту жизнь». Это интервью объясняет, почему, например, многие английские фермеры, получавшие субсидии от ЕС, также проголосовали за выход Великобритании из него. Ведь взамен им диктовали, что и как выращивать, а зачастую требовали уничтожать урожай и забивать скот (из-за перепроизводства). Им предписывали, какие и в каком количестве использовать удобрения, гербициды и пестициды, как устраивать поилки или пункты дезинфекции для скота и т.п. Очень подробно регламентировалось также рыболовство и ряд других отраслей. Все это, как считали заинтересованные социально-профессиональные категории, делалось без учета местной специфики и традиций.

«Брексит» обнажил также проблему весьма неравного распределения плодов «евроинтеграции» в социально-экономической сфере. Больше всего от нее выигрывают космополитизированные прослойки населения, особенно работники финансово-банковской сферы, транснациональных компаний, передовых инновационных производств, обычно проживающие в столицах и других крупных городах. В большинстве своем это достаточно молодые люди, учившиеся в зарубежных вузах и владеющие иностранными языками. В то же время в «глубинке» многие европейцы эти плоды ощущают слабо. Еще до «брексита» стало ясно, что европейские элиты перестарались также с навязыванием народам ЕС «европейской общности», подразумевающей стирание национально-этнических и религиозных различий. Миграционный кризис лишний раз показал, что большинство европейцев по-прежнему привержены своей национально-культурной идентичности. Конечно, они ощущают и ценят определенное единство европейской цивилизации, но при этом остаются англичанами, немцами, французами или итальянцами. Они не готовы поступаться своей идентичностью в пользу мигрантов с совершенно чуждой культурой. Очевидная же беспомощность ЕС перед миграционной волной усилила разочарование в его деятельности.

Перед лицом этих и других проблем европейские элиты оказались на распутье. Выступления европарламентариев от ЕНП на упомянутой выше конференции показали, что, по меньшей мере, часть этой прослойки испытывает искушение исключить прямое народное волеизъявление из процесса принятия важнейших решений в ЕС, полностью переложив его на правительства, национальные парламентские учреждения и Европейский парламент. Иными словами, все подобные решения должны приниматься только внутри самих элит. Стоит заметить, что эта тенденция проявилась в ЕС еще после провальных итогов референдумов во Франции и Голландии по «европейской

конституции». Тогда в большинстве государств-членов были одобрены процедурные уловки, исключающие вынесение подобных проектов на референдумы. Если эта тенденция победит, ЕС вряд ли подвергнется достаточно серьезному реформированию, а значит, указанные выше проблемы скорее всего в нем сохранятся.

Однако другая часть европейских элит считает, что игнорирование воли народов неизбежно усугубит ситуацию. В результате во многих странах ЕС к власти могут прийти «евроскептические» силы. Представители этой группы призывают к существенной перестройке «европейского проекта», которая позволила бы создать эффективные механизмы обратной связи между органами и структурами ЕС, с одной стороны, и населением, социально-профессиональными категориями – с другой.

Переломным моментом, как отмечают многие политики и эксперты, могут стать президентские выборы во Франции в апреле-мае 2017 г. Победа на них Марин Ле Пен, скорее всего, поставит под вопрос функционирование ЕС в его нынешнем виде, особенно в том, что касается власти «евробюрократии». Но даже если она не победит, но наберет достаточно большое число голосов, это будет сигнал европейским элитам, который будет невозможно проигнорировать. При этом мало кто сомневается, что ЕС продолжит существовать, а «еврооптимисты» из МПС, как отмечалось, считают, что после реального ухода Великобритании он даже будет укрепляться.

Для России выгодна любая перестройка ЕС, которая ограничит возможности «евробюрократии». Именно эта закрытая прослойка олицетворяет логику «новой европейской империи», которая самым негативным образом проявилась в ходе украинского кризиса. (Стоит напомнить, что в ноябре 2013 г., когда президент В. Янукович, приостановив подписание соглашение об ассоциированном членстве с ЕС, предложил создать трехстороннюю рабочую группу с участием России, чтобы оценить последствия этого соглашения, тогдашний председатель Еврокомиссии, Ж. Баррозу, с негодованием отверг это предложение. Впоследствии такая группа была образована, но было уже поздно. Кстати, нынешний скандал, вызванный переходом Ж. Баррозу на работу в известный американский банк «Голдман Сакс», показал, что эта политика отвечала интересам США и обнаружил безграничный космополитизм, присущий членам этой корпорации.)

Парадокс ситуации в самой России заключается в том, что время как в ЕС чаша весов медленно, но верно склоняется к возобновлению сотрудничества с ней, к признанию ее геостратегической роли и интересов на континенте, российские элиты все увлеченнее пропагандируют ее «поворот на Восток». Этому последнему придается чуть ли не экзистенциональное значение, он по сути представляется как альтернатива отношениям с ЕС и с Западом в целом (хотя теоретически российская политика остается «многовектор-

ной»). Не только политики, но и серьезные политологи утверждают, что «европейский проект» оказался несостоятельным и что роль ЕС для России будет неминуемо снижаться. Некоторые эксперты видят в нынешних трудностях ЕС «конец 500-летнего мирового господства Европы» (на самом деле с ним было покончено в результате Второй мировой войны). Авторы ряда публикаций настолько прониклись идеей «поворота», что предсказывают появление в России в перспективе особого «евразийского мировоззрения» и особой «евразийской идентичности». Более того, есть и те, кто считает, что Россия по своей ментальности уже стала евразийской державой[2].

Конечно, причины для антизападнических и антиевропейских настроений у российских элит есть. На поверхности это – антироссийские санкции и в целом – геополитическое давление Запада на Россию. Более глубинная причина состоит в том, что они ранее искренне хотели влиться в западную элиту, но на своих условиях, сохраняя политическую, социально-экономическую, правоохранительную и судебную системы, существующие в стране. Однако Запад по ряду причин на это не пошел[3]. Стоит подчеркнуть, что, помимо расхождений по вопросам демократии, особую роль сыграла убежденность ведущих западных кругов в том, что Россия потерпела поражение в «холодной войне» и должна «играть» по правилам победителей. Сказались ее экономическая и – до определенного момента – военная слабость, а также страх перед российской коррупцией. В последнем случае имелись в виду не только ее беспрецедентные масштабы и глубина, но и очевидное нежелание власти бороться с ней.

Разумеется, стремление «повернуть на Восток» объясняется также геоэкономическими и геополитическими факторами, в частности появлением новых центров экономической мощи в АТР, особенно в лице Китая, сформированными под эгидой России интеграционными и военно-политическими структурами с рядом бывших советских республик (ЕАЭС, ОДКБ), которые в определенной мере усиливают ее геополитические позиции в Евро-Азиатском регионе. Созданные при активном участии России БРИКС, ШОС позволяют ей ощущать себя не «изолированным изгоем», как надеялись США и их союзники, а важным глобальным игроком. Причем участники всех этих объединений не досаждают российской власти нотациями о демократии и правах человека.

«Поворот», как надеются во властных верхах, позволит также придать новый импульс развитию российского Дальнего Востока, привлечь туда

2. См., например: Россия в глобальной политике, май-июнь 2016 г., с. 101; Der Spiegel, 22.07.2016. – S. 3.

3. Чернега В. Какофония вместо «европейском концерта». Диалектика отношений России и Запада. – Россия в глобальной политике, январь-февраль 2015. – С. 60–74.

новые инвестиционные и человеческие ресурсы. Эта проблема не просто назрела, она давно перезрела. В течение последних 20 лет население региона уменьшилось с 10 млн человек до 6 млн и пока этот процесс удалось лишь замедлить.

Потенциал сотрудничества с динамично развивающимися странами АТР, прежде всего с Китаем и Индией, действительно огромен. Но практически никто из тех, кто так или иначе продвигает «поворот на Восток», не углубляется в вопрос, какими возможностями располагает Россия, чтобы воспользоваться новой «манной небесной». Развивать совместную торговлю, естественно, необходимо. Вместе с тем, если исключить сотрудничество по линии ВТС, какую долю в ней будут составлять машины, оборудование, приборы высокотехнологичного характера, тем более новые технологии, в которых нуждаются обе стороны? Даже Китай, вкладывающий сейчас большие средства в научно-техническую сферу, или Индия, давно сделавшая акцент в своей экономической политике на развитие инновационного сектора, пока все еще зависят в этом отношении от Запада (в широком смысле этого термина, с включением в него Японии и Южной Кореи).

Между тем для России преодоление ее технологического отставания от ведущих стран является жизненной необходимостью, тем более что многие специалисты предвещают наступление «новой технологической революции». Если это действительно произойдет, Россия с ее нынешней экономикой рискует утратить свой статус великой державы со всеми вытекающими отсюда последствиями для самостоятельного определения своей судьбы или даже просто обеспечения своей безопасности. Ничто не вечно, и даже ядерный арсенал может рано или поздно утратить характер «абсолютного оружия».

Переориентация на АТР, как признают и некоторые из авторов, убежденных в ее неизбежности для России, ограничивается также географически-территориальными реалиями. Большая часть энергетических ресурсов, в которых заинтересована КНР, находится в Западной Сибири, что «является серьезным препятствием для российского “поворота на Восток”, поскольку поставка этих ресурсов в Китай требует создания крайне дорогостоящей и сложной инфраструктуры»[4]. К этому стоит добавить, что 80% населения и 80% экономики России находятся в европейской части страны, и это во многом объясняет, почему даже сегодня торговый оборот России со странами ЕС составляет 250 млрд долл. США по сравнению с 60 млрд торгового оборота с Китаем.

4. Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР. – Carnegie Moscow Center, 18.06.2016. – P. 1.

Несмотря на все усилия российской власти, китайские инвестиции не хлынули в страну широким потоком и вряд ли это произойдет в обозримом будущем. Китай, ставящий акцент на развитие реального сектора экономики, не заинтересован во взращивании в лице России промышленного конкурента. РФ интересует его больше как источник энергетических и сырьевых ресурсов, как рынок для сбыта своих товаров и транзитная территория для их перевозки в Европу.

В китайской печати, несмотря на ее общий благожелательный тон в отношении России, время от времени появляются публикации, достаточно критически оценивающие ее инвестиционный климат. В них отмечаются те же проблемы, что и в выступлениях российских руководителей: коррупция на всех уровнях государственной машины и правоохранительной системы, избыточное административное давление на предпринимателей, неудовлетворительно работающая судебная система, нестабильность правил для ведения бизнеса. Конечно, в Китае, как свидетельствуют работающие в стране западные бизнесмены, также существует широкомасштабная коррупция, но там по крайней мере с ней жестко борются. Главное же – у китайских инвесторов есть возможность вкладываться в страны с более благоприятными условиями для деловой активности, в частности в Европе, где их инвестиции приветствуются.

Наряду с языковым и культурно-ментальным барьером все это обусловило тот факт, что в 2015 г. из 116 млрд долл. прямых китайских инвестиций за рубежом на долю России пришлось 890 млн (Германия и Франция в условиях санкций вложили по 1 млрд долл. каждая). Вместе с портфельными и прочими инвестициями общий объем китайских вложений составил 4,5 млрд долл., но эту цифру стоит сопоставить с инвестициями Китая в экономику Казахстана – 23,6 млрд долл. России, крайне нуждающейся в кредитах, не оказалось в списке стран, получивших первые кредиты Азиатского инвестиционного банка, созданного Китаем, и Банка развития БРИКС, хотя в него вошли, например, такие страны, как Пакистан, Бангладеш или Таджикистан[5].

Конечно, Россия должна извлечь пользу, возможно, даже значительную, из участия в китайских проектах, в частности в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути». Но Китай с его 5000-летним опытом в сфере политики и дипломатии не собирается складывать яйца в одну корзину и планирует одновременное создание альтернатив российскому маршруту, одна из которых – путь через Казахстан, Азербайджан, Грузию, Турцию. Напротив, Россия в нынешней ситуации рискует попасть в слишком большую зависимость от Китая. С учетом уже имеющейся огромной и продолжающей возрастать

5. Die Welt, 17.06.2016.

разницы в экономической мощи в пользу последнего вряд ли можно всерьез рассчитывать на то, что именно Россия станет «центром большой Евразии», в которую «войдет и субконтинент Европа», как надеются некоторые российские политологи[6]. К сожалению, у России сейчас больше шансов стать «энерго-сырьевым» и транзитным придатком КНР. Стоит напомнить, что даже совокупный ВВП ЕАЭС составляет лишь 2,5 млрд долл., в то время как китайский ВВП, в зависимости от системы подсчета, оценивается в 13–15 млрд. Как справедливо отмечает российский специалист С.П. Ткачук, ЕАЭС, «производящий всего 3,5% мирового ВВП, не является самодостаточным рынком, способным на равных встроиться в мировую систему»[7].

Заметим кстати, что в истории России «поворот» на Восток» уже был в царствование Николая II. Он совершался в другом историческом контексте, но с той же целью – уменьшить зависимость российской экономики от Европы, а также для переселения из европейской части страны в Восточную Сибирь и на Дальний Восток части населения (главным образом крестьян). Для переселения были созданы специальные органы управления и инфраструктура, а каждая переселенная семья получала в собственность около 50 десятин земли (а не 1 га в аренду на пять лет, как сегодня). Эта внутренняя миграция была направлена не только на освоение указанных территорий, но также на уменьшение тогдашней перенаселенности российской деревни, часто приводившей к волнениям.

В сегодняшней России избыточного трудоспособного населения не наблюдается ни в селе, ни в городе. Более того, демографическая ситуация в стране, несмотря на определенные улучшения в последние годы, остается тревожной. Еще одно принципиальное отличие состоит в том, что прежний «поворот» должен был, помимо прочего, открыть новые рынки для продукции быстро развивавшейся российской промышленности. Ныне ситуация в этом секторе совершенно иная. (Следует напомнить, что хотя затраченные тогда огромные усилия и ресурсы принесли определенные результаты, к радикальному перераспределению экономического потенциала России в пользу восточных регионов это не привело.)

Учитывая отмеченные факторы, «поворот на Восток», в том смысле, какой ему придают сегодня российские элиты, вряд ли состоится. В 90-е годы было модно говорить, что Россия «обречена быть великой державой». В действительности этот статус нужно все время подкреплять совокупной государственной мощью, которая может оказаться и недостаточной. Напротив, то что Россия, будучи «евразийской» по территории, обречена по другим

6. Der Spiegel, 22.07.2016. – S. 4.

7. Ткачук С. ЕАЭС и все-все. Внешний контур становления евразийской интеграции. – Россия в глобальной политике, май-июнь 2016 г. – С. 96.

параметрам быть все-таки европейской страной, хотя и с большими интересами в Азии, подтверждается объективными реалиями. ЕС не перестанет быть для России главным торгово-экономическим партнером и источником новых технологий, русские не станут китайцами или даже казахами, а представители российских элитных групп будут и впредь стараться укрывать свои «активы» и обучать своих детей главным образом в Европе и США, а не в Китае или Индии. Перспектива изменений в ЕС, о которой говорилось выше, может открыть новые шансы на создание «европейского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока», и Россия должна быть готова воспользоваться ими.

В.А. Ковалёв

«ЛИШНИЕ» ЛЮДИ – НОВЫЕ «РАСКОЛЫ»: ОСНОВА КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета.

«Ненужные» люди и деградация человеческого капитала

Конфликты и противоречия современного мира, вполне возможно уже в обозримом будущем, приобретут некое новое качество в силу того, что в них будут задействованы новые технологии, для которых часто используется обозначение «конвергентные» NBIC-технологии, представляющие из себя разработку и внедрение инноваций в нано-, био-, информационных и когнитивных областях, которые взаимно усиливают друг друга и приводят к взрывным эффектам. Последние распространяются не только на сферу науки, но имеют многообразные социально-политические последствия. Попытки описать эти эффекты уже предпринимались [3, 5, 6], но очевидно, что подробная разработка этих проблем еще впереди. И здесь нельзя ограничиваться только социально-экономическими или технологическими прогнозами.

Сегодня, на наш взгляд, политологи обращают недостаточно внимания на новые вызовы, сосредоточивая усилия в русле привычных проблем и теорий. Можно даже сказать, что относительная «автономия политической науки» существенно сужает исследовательские перспективы. Возможно, могло бы помочь возвращение к старой доброй политической экономии, но, разумеется, с учетом перемен XXI в. «Автономная политология», не учитывающая социально-экономические факторы, быстро превращается в схоластику и пропаганду. Еще более важно, повторим, видеть за экономическими кризисами проблемы демографии и ресурсов.

Среди подходов и теорий, объясняющих причины глобальных кризисов и национальных революций («Смут»), ближе всего, пожалуй, неомальтузианские объяснения. На наш взгляд, именно эти подходы (разумеется, при соче-

тании и в дополнении с другими) дают наиболее убедительную картину каузальности того или иного социально-политического потрясения. Именно демографический перегрев и относительное перенаселение приводят ко всякого рода деструктивной политической активности, к вспышкам войн, в том числе гражданских, и разнообразного революционного терроризма. Массами овладевают странные теории, типа коммунистического революционизма, которые становятся «материальной силой», и они заставляют десятки миллионов людей уничтожать друг друга в ходе массовых насильственных действий.

Как пример подобных объяснений, сошлемся на труды уральского историка С. Нефедова [11], размышляющего о том, к чему приводит демографический перегрев и относительное перенаселение.

На эту тему резко высказывается критически настроенный блоггер devol. Он напоминает, к каким страшным последствиям для нашей страны привел демографический перегрев в начале XX в.: «К сожалению, Российская империя в последние 20 лет своего существования столкнулась с противником, против которого просто не было оружия. Это резкий и огромный демографический прирост… Единственная попытка избежать демографического коллапса на тот момент – это заселение окраин, плавная индустриализация и рост производительности труда (увеличение прибавочного продукта). Все это было сорвано в 1916–1920-х годах. После Первой мировой войны с ее потерями последовала Гражданская война, эпидемии, голод, затем коллективизация, когда крестьян коммунисты превратили просто в рабов (…), а затем значительную их часть утилизировали в новой войне с Германией»[1].

Сейчас мы столкнулись именно с таким случаем глобального демографического перегрева, кризиса мирового перенаселения. Конечно, это не новость и этому посвящены многие тысячи работ. Новым является то, что люди «объективно» (по научно-технологическим причинам) и «субъективно» (по причинам культурным и социально-политическим) становятся *совершенно лишними* (в том числе и в плане обострения экологических проблем), и происходит это в огромных масштабах. Ранее такого не наблюдалось: в традиционном обществе была нужда в людях как в рабочей силе, объекте «классовой эксплуатации». Модерн еще более обострил эту нужду в людских ресурсах – в солдатах и рабочих, а потом и в гражданах национального государства. Известный исторический социолог Майкл Манн, пусть и отрицая концепцию «современности» (общества Модерна), говорит о том, что «комбинация индустриального капитализма и идеал национального государства так или иначе подразумевают мобилизацию масс. Важнейшим вопросом начала XX столетия был способ этой мобилизации…» [8, с. 155]. Однако сейчас

1. Демографическая торпеда. – URL: http://livejournal.com/_devol_/1042044.html

подобные мобилизации становятся все менее востребованными. На это накладываются как кризис национальных государств и соответствующих институтов, в том числе и политической демократии, так и принципиальные изменения на рынке труда, в связи с вытеснением «живого труда», объективной ненужности рабочей силы, не обладающей высокой квалификацией. Все чаще авторитетные экономисты обращают внимание на это обстоятельство. Так, нобелевский лауреат Дж. Стиглиц выступает с работой «Безработица и инновации». Его выводы сводятся к тому, что новая технологическая революция может улучшить жизнь некоторой части населения, но наряду с этим инновации приведут к новому росту неравенства и экономического расслоения [18]. Ряд других авторов, например профессора Массачусетсского технологического института Эрик Бринолфссон и Эндрю Макафи, пишут о проблеме в том же духе [17].

Но на резкую поляризацию элиты и массы влияют не только политико-экономические, но и социокультурные факторы. Компьютеры и роботы выполняют все большее количество функций быстрее и качественнее, и обходится это дешевле, по крайней мере в перспективе. Становятся ненужными как рутинные профессии промышленных работников, так и офисного «планктона», не говоря уже об армиях охранников (пресловутых «секьюрити»), кассиров, продавцов, регистраторов, водителей, чернорабочих, официантов, уборщиков, многих строительных специальностях и т.д. Не трудно заметить, что именно эти профессии востребованы на отечественном рынке труда и именно потребностями такого рода рабочей силы обосновывают в РФ массовую миграцию, а также безумные планы по ее расширению. И все это на фоне научно-технологической деградации и торможения научно-технического прогресса. Не должна вводить в заблуждение и статистика образования при его качественной деградации, ведь у большинства специалистов с высшим образованием никогда уже не будет доступа к подлинно творческому и сложному труду, к высококвалифицированной и ответственной работе.

К тому же в отношениях с компьютерами может наблюдаться и обратное влияние, упрощающее человеческое сознание. Не машинный разум будет усложняться до человеческого, а сами люди будут редуцировать свои творческие возможности до компьютерных алгоритмов. Посмотрим на распространение в системе образования пресловутого ЕГЭ, тестоманию и пр. Это же какой-то вывернутый наизнанку «киберпанк». Если компьютеры работают в двоичном коде, то школьник и студент, занесший ручку над пустой клеточкой очередного теста, также выбирает ноль или единицу. Сложность уходит, наступает интеллектуальная деградация, и она может стать необратимой. Так готовится капитуляция, если не перед роботами или супер-ЭВМ, то перед вполне реальными конкурентами в схватке за уменьшающиеся планетные ресурсы. Инволюцию отечественной (да и не только российской)

системы образования, упадок университетов [13] потом будет очень трудно, если вообще возможно, преодолеть.

Резко усиливается не только имущественный, но и культурный разрыв между элитой и основной массой людей со все более примитивным сознанием. Господствующему варианту постиндустриализма не нужны «середняки», тот самый средний класс, который был продуктом и опорой развитого индустриального общества. При массовой компьютеризации и роботизации, что остается потерявшим рабочие места людям? Пребывание в безделье – аналоге wellfair-state для безработных в богатых странах или же роль «биологического материала» – для большинства? Многие «рабочие места» объективно не нужны уже сейчас, а в перспективе потребность в них еще более уменьшится со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Новое качество глобальной напряженности

Свидетельство этому новому качеству – обострение глобальных противоречий, антагонизма между «первым» и «третьим» миром, между *развитыми* странами и *несостоятельными* государствами, между «белыми» и «цветными», постхристианским и мусульманским миром, Севером и Югом и т.п. Безусловно, продолжают оставаться актуальными противоречия «классовой борьбы» – между богатыми и бедными, собственниками и наемными работниками, и масштаб их уже поистине глобален. Говоря о глобализации, также нельзя не указать на противоречие между сторонниками сохранения «национального государства» и его разрушения в пользу того или иного варианта («мирового правительства», регионализации или же «глокализации»).

Смена одного типа общества другим – это всегда трагедия. Скорее всего, и «перестройка» первобытного общества, и переход его к аграрному не обошлись без гибели значительной части тогдашнего человечества. А фазовый переход от аграрного к индустриальному обществу был трудным и мучительным, сопровождаясь ужасами «огораживаний» или коллективизации. Разумеется, уровень бедствий увеличивается, если болезненные трансформации концентрируются в более коротких временны́х периодах, как случилось в России – СССР. Но в целом перейти от труда в сельском хозяйстве к работе в промышленности было всё же не так сложно, как совершить скачок к творческой деятельности в рамках потребностей компьютеризированной и роботизированной постиндустриальной экономики.

Впрочем, был уже и положительный опыт, когда переход к обществу Модерна, несмотря на все издержки, привел к новой системе разделения общественного труда, основанного не на сходстве, а на различиях и объективно повышающего ценность отдельной личности, причем в массовых масштабах. Этот процесс был описан Эмилем Дюркгеймом в его классическом социоло-

гическом труде «О разделении общественного труда» [2]. Но современная драма в том, что речь идет уже не о разделении занятий в процессе производства (не только материального), но в разделении полезного для развития цивилизации труда творческого, сложного, с необходимой очень высокой квалификацией и отсутствием потребности в простом «живом» труде. Ведь с работой большинства людей все лучше справляются машины.

Речь идет не просто о новом уровне неравенства и распространения бедности. Даже не о социологически зафиксированной смене в системе социальной стратификации, когда на смену социуму с преобладанием среднего класса (составляющему две трети – «обществу 2/3») приходит поляризация 20:80 системы, где лишь пятая часть населения (20%) может реализовывать себя и повышать свой жизненный уровень. Дело гораздо серьезнее и отбором 20% или выделением пресловутого «золотого миллиарда» может не ограничиться. Культурная сегрегация может стать и быть еще более жестокой, а по последствиям превзойти безжалостность «естественного отбора». Ведь от подавляющего большинства населения ждать чего-то особенного, творчески оригинального, не приходится.

Вспоминается русский философ Василий Розанов: «В гимназии я раздражался на неизмеримую глупость некоторых учеников и тогда (в VI–VII кл.) говорил им: – “Да вам надо жениться, зачем вы поступили в гимназию?” Великий инстинкт подсказывал мне истину. Из человечества громадное большинство из 10 000 – 9999 имеют задачею – “дать от себя детей”, и только один – дать сверх сего “кое-что”» [14].

Итак, нет прежней потребности не только в рабочей силе, но даже в целях «человеководства» существование большинства «сапиенсов» становится неоправданным и нерентабельным ввиду развития дополнительных возможностей для репродуктивного воспроизводства («дети из пробирки», банки спермы или даже клонирование человека, несмотря на все опасности таких опытов), а в перспективе – получения «экземпляров с заданными характеристиками». Здесь же пригодятся и успехи медицины и биотехнологий по продлению жизни и т.п., которые будут доступны лишь меньшинству. Футуролог Ю. Шушкевич в своей книге утверждает: «Развитие мировых производительных сил приближается к такому уровню, когда количество живого труда, необходимого для производства жизненных благ, начинает стремиться к малозначащим величинам, к нулю. Потенциально высвобождается невиданное в истории количество свободного человеческого времени, использовать которое человек мог бы для неограниченного удовольствия или неограниченного развития. Одновременно усиливаются ограничения ресурсные – на планете заканчиваются топливо, вода, пашня. Поэтому общество будущего должно найти способ общественно полезной утилизации человеческого времени при ограничении потребления невосполнимых ресурсов планеты.

Существуют два принципиальных пути решения этой проблемы: принудительное управление мотивациями и потребностями человека и достижение человеком уровня, когда он свободно и самостоятельно сможет формировать свои мотивации и определять потребности» [16].

Но при отказе от творческого развития, без возможностей для совершенствования способностей миллиарды людей превращаются в обременительную для планеты и в глазах элит не имеющую никакого смысла существования «биомассу». Если для них нет работы, то стоит ли занимать их игрой? Несколько миллиардов «хомо люденсов» – не слишком ли большая роскошь ввиду обострения экологической проблемы и убывания природных ресурсов. Противоречие между «высокой технологией» и «глубокой гуманностью», обозначенное еще в конце прошлого века Джоном Нейсбитом [10], приобретает новый смысл. Это уже не только вопросы о новом стиле жизни, но и проблема экономической (и экологической) целесообразности: зачем кормить массу населения, от которого не ожидается никакой пользы. Подлинная гуманность состояла бы в развитии творческих способностей и раскрытии человеческого потенциала, так как именно в творчестве люди превосходят и реальные компьютеры и гипотетических киборгов. В «прекрасное тридцатилетие» после Второй мировой войны казалось, что это возможно и произойдет, скажем, через освоение человеком новых сред обитания: областей с суровым климатом, Мирового океана и / или космического пространства. Это требовало и соответствующего развития человеческого потенциала. Но эти перспективы были закрыты, или оказались недоступными, «схлопнулись» вместе с шансами для многих получить творческую или даже «героическую» профессию. Дух Прометея и устремления Фауста сникли перед мещанской пошлостью, трусливым корыстолюбием и тягой к бессмысленным развлечениям и ленивому комфорту. Сыграло свою роль и уменьшение возможностей для свободной предпринимательской деятельности, которая все более опутывалась бюрократическими сетями. Это неизбежно сопровождалось и ухудшением качества образования, и деградацией педагогики, и массовым оболваниванием людей через телевизор, а теперь уже и при помощи Интернета. Разрушение человеческого материала, через деградацию культуры похоже на канун глобальной «оптимизации численности населения».

В мире могут возобладать соблазны жестких и бесчеловечных решений. Для миллиардов людей в современном мире уже нет достойных занятий, и им приходится уходить в криминал, распространять наркотики, торговать своим телом, не только так сказать, в «лизинг», но и продавая части его безвозвратно («торговля органами»). Если брать пример нынешней Российской Федерации, где, в силу падения цен на углеводороды, на глазах терпит крах надежда стать «энергетической сверхдержавой», то очевидно, что положение «сырьевого придатка» для нашей экономики – это еще далеко не самое худшее. Не так просто стать

даже поставщиком сексуальных услуг, глобальным борделем ввиду высокой конкуренции в этом сегменте. Наша же страна опять становится поставщиком (оптом и в розницу) «пушечного мяса» для участия в войнах, никак не отвечающих нашим национальным интересам. Такая «миссия» уже была протестирована в Сирии, но нельзя считать это для России чем-то принципиально новым.

Новые глобальные вызовы угрожают не только сырьевой периферии, но и некоторым некогда передовым и развитым странам. Там тоже наблюдается деиндустриализация, сокращение полезной занятости и потеря жизненного смысла. В западных странах также наблюдается рост числа новых бедных и поляризация доходов. Разумеется, это приводит к быстрому разрушению социального пакта между верхами и низами, на котором строилось современное демократическое и социальное государство, к эрозии абстракции «общественного договора», серьезно угрожает и существованию работающих институтов либеральной демократии [12]. Разрушение системы социальных гарантий и государства «вэлфера», выхолащивание реального содержания из демократических политий может привести к новому витку насилия уже в центрах цивилизации и, как следствие, к экспансии всепланетного насилия.

«Веселое время» на пороге. Войны и сопутствующие бедствия, болезни и эпидемии, смерти от голода и нищеты – это вполне вероятный выход из глобальной мальтузианской ловушки, и здесь впору приходятся опыты по «укросомализиации» и «судано-донбассизации» обширных, ранее относительно благополучных и развитых регионов и «утилизации» людей на этих территориях.

Обостряются не только конфликты во всем мире, но вырисовываются и новые конфигурации этих конфликтов, с новыми основаниями для социально-политических расколов.

Гипотеза о новых социально-политических размежеваниях

Безусловно, новые научно-технические факторы и вытеснение «пролетариев» умственного и физического труда не могут не отразиться и на сфере политики. Традиционные понятия и размежевания, если не уходят в прошлое, часто служат маскировочной сетью для сокрытия от широкой публики новых и реальных противоречий. Можно ли их «вычислить»? Гипотетически и весьма приблизительно попробуем предположить, как могут выглядеть основания этих новых противоречий. На наш взгляд, эта попытка может быть небесполезной, если воспользоваться «старым» подходом социально-политических расколов и их оснований, предложенных в классической работе С.М. Липсета и С. Роккана [7], при этом обогатив их новым современным (или уже «постсовременным») содержанием.

Важной сферой научных интересов С. Роккана были электоральные исследования, в первую очередь электоральное поведение в Норвегии. В связи

с электоральными исследованиями в сферу политологических интересов Роккана попали социальные *кливажи* (англ. cleavage, франц. clivage – расслаивание, разделение), т.е. широкие и глубокие расколы общества по различным основаниям (классовым, религиозным, расовым и т.д.).

Напомним, что у знаменитых политологов в их классической работе речь шла об основных расколах, обусловливающих партийно-политические противоречия на протяжении значительной части XX в. С.М. Липсет и С. Роккан писали о расколе «центр–периферия» и «город–село» как территориальных проекциях «национальной» и «экономической» революций, а также размежеваниях типа «государство против церкви» и «собственники против рабочих», так и функциональных проекциях национальных и экономических изменений [9, с. 25].

На наш взгляд, можно использовать этот не утративший своей актуальности подход как эвристически перспективную матрицу, стоит посмотреть на территориальные и функциональные проекции новых глобальных трансформаций, который, по аналогии, можно обозначить как демографическую (перенаселенность мира) и конвергентно-технологическую (резко сокращающую потребность в живом труде) революции.

В качестве гипотезы тогда мы бы предположили, что структура основных расколов по этой схеме может выглядеть следующим образом (см. табл.).

Таблица

НОВАЯ СТРУКТУРА РАЗМЕЖЕВАНИЙ

Синтагматические оси (A, B) / Парадигматические оси (C, D)	*C. Демографический взрыв, перенаселенность*	*D. Революция NBIC-технологий*
A. Территориальная	AC. Богатые и высококвалифицированные в зонах технологического роста и «хабах», «глобальных воротах» современной цивилизации vs «лишних ртов» вымирающей и бесперспективной периферии	AD. Элиты, заинтересованные в сокращении населения против элит, которые заинтересованны в сохранении вида HOMO Sapiens в прежнем виде может сопровождаться и войной между государствами. Межстрановая конкуренция за технологическое лидерство для своего населения
B. Функциональная	BC. Трансгуманисты, и корпорации, настаивающие на постчеловеческой революции, и «традиционные» люди. Здесь же неизбежна схватка выгодополучателей от внедрения того или иного типа революционных технологий («мутанты» против людей, затем «киборги против химер»)	BD. Борьба «левых» за широкое и более справедливое распространение научно-технических достижений против «железной пяты», стремящейся их монополизировать и сделать разрыв между «верхами» и «низами» качественно непреодолимым, с опорой на новые технологии

Представление в виде таких схем и таблиц связано во многом с удобством изложения и восприятия. Разумеется, все многообразие политических последствий внедрения конвергентных технологий не сводится к этим расколам, так же как и многообразие партийно-политической жизни не укладывается в схему кливажей Липсета – Роккана. Но как некий дополнительный указатель, эта схема дает представление о возможном будущем политики, если согласиться с той посылкой, что главными факторами изменений будут технологии и демография.

Здесь возможны самые необычные трансформации, актуальные не только в глобальном масштабе, но и применительно к российской ситуации. Очень кратко, на примере выделенных расколов, проиллюстрируем проблемы, о которых может идти речь применительно к глобальной и отечественной ситуации. Итак:

АС. Происходит концентрация людей в мегаполисах, так называемых «хабах» или «глобальных воротах». В СССР в результате ускоренной и жестокой индустриализации обезлюдела российская деревня. Сейчас эта социальная «гангрена» подступает уже к малым и средним городам. Но даже крупные город развиваются крайне неравномерно и испытывают отток населения в «цивилизованные страны» и столичный регион. Этот регион, «как пылесос, и дальше будет выкачивать людские резервы из остальной России. В целом же так называемый Московский регион (Москва + 30-километровая зона вокруг МКАД) будет насчитывать минимум 25 млн человек (скорее, 30 млн)»[2]. Схожие процессы идут во всем мире: периферия деградирует, земли пустеют, вместе с молодежью уходит жизнь из «неперспективных» деревень и населенных пунктов, где нет работы, а в многомиллионных «человейниках» отсутствуют нормальные условия для жизни и воспроизводства населения.

ВС. Этот «раскол» пока выглядит фантастикой, но ничего фантастического в стремлении получить колоссальные прибыли от вмешательства в природу человека и «исправления недостатков» этой природы нет. Да, фантасты вовсю описывают генно-модифицированных людей, запуск в человеческое тело наноботов и пр., но схожими могут быть и бизнес-планы корпораций. Планы по изменению человеческой природы встречают и будут встречать ожесточенное сопротивление по причинам морально-религиозного порядка (вспомним, что даже вопрос об абортах и новых репродуктивных практиках сопровождается яростными дебатами и противодействием, а также появление новых форм неравенства) [1]. Но к этому добавляется противодействие тех корпораций, которые теряют при этом традиционные рынки.

2. Подмосковье ожидает коллапс. – http://ttolk.ru/?p=26980

Риторический вопрос: будут ли задействованы во всем этом механизмы лоббирования и политического воздействия. Причем в этой борьбе (будут) задействованы политические силы с традиционными брендами, не имеющими по названию никакого отношения к схваткам на вновь появившихся «фронтах». В РФ при упоминании новой политики «модернизации» явно выделяется Сколково, не только как пример произвольного использования «элитой» бюджетных денег, но, возможно, и как стремление олигархов создать для себя посреди деградировавшей экономики и территорий некий высокотехнологичный оазис. «Верхи», например, заинтересованы в опытах по продлению жизни (конечно, для себя), появлению новых медицинских средств и т.д., и т.п.

AD. Указанные факторы переплетаются с традиционной международной конкуренцией, придают новую остроту отношениям между государствами и блоками на мировой арене. Слухи о «смерти государства» оказались несколько преувеличенными и поспешными. Глобализация не «отменяет» государства, хотя и лишает многие (если не большинство) стран их реального суверенитета. Но было ли раньше как-то по-другому? Когда говорят, к примеру, о разрушении «вестфальской системы», следует напомнить, сколько государств участвовали в заключении Вестфальского мира 1648 г. и принимался ли тогда в расчет «суверенитет» периферии. Если в ближайшие годы разрыв в технологиях между наиболее развитыми странами и отсталыми территориями будет возрастать, то разрыв между ними будет гораздо бóльшим и уже качественно иным, чем во времена «империализма» и колониальной системы. В борьбе за убывающие ресурсы планеты вполне возможен массовый геноцид на периферии с применением новейших технологий. К сожалению, в силу известных политических обстоятельств и научно-технологического отставания Россия все больше дрейфует именно в сторону этой деградирующей и обреченной периферии.

BD. Наконец внедрение даже самых фантастических технологий не отменяет борьбы за равенство и социальную справедливость, деление на «левых» и «правых» в вопросах доступа к новым возможностям для возможно большего числа людей или же закреплении этого доступа за кастой избранных, которые будут отделены от остальных непреодолимой пропастью, например в том, что касается качества и продолжительности жизни и т.д. Мне уже приходилось писать о «левых» и «правых» искушениях для «сверхчеловека» [3, с. 36–58], когда развернувшаяся борьба будет неким столкновением между утопиями и антиутопиями будущего. В РФ с ее гигантским разрывом между сверхбогатыми и основной массой населения, который ни экономически, ни морально не оправдан, уже в настоящем явно побеждает «антиутопия». Удастся ли в будущем преодолеть эти коллизии, возможно, с опорой на новые технологии – вопрос для решения отечественной политики

и политической науки, хотя многое будет зависеть не только от собирания политических сил, но и от адекватности научного прогноза.

Прогноз не учитывает гипотетической (скорее уже действительно фантастической) возможности победы «искусственного разума» и торжества «постчеловека», как его представляют трансгуманисты. Если такое вдруг случится, тогда это будут уже *не наши проблемы*. В этом случае актуальным станет замечание небезызвестного Ника Бострома, шведского философа, сооснователя Всемирной ассоциации трансгуманистов и директора созданного в 2005 г. в Оксфорде Института будущего человечества: *«Не следует проецировать человеческие качества на возможности сверхразумного агента»*[3].

Нет, наши размышления лежат в пределах человеческого и даже «слишком человеческого» отношения к новым политическим вызовам, обусловленным перенаселенностью и технологическими разработками, которые теоретически позволяют решать глобальные проблемы экологии и демографии, а на практике еще более усугубляют их. Таким образом, и научно-технический прогресс, и уже сами перспективы человеческого рода будут зависеть от исхода политической борьбы на новых «фронтах», которые мы попытались кратко описать.

Разумеется, подобные схемы нуждаются в более подробных описаниях и обоснованиях, требуют серьезной доработки и корректировки по мере углубления соответствующих процессов. В любом случае, всего многообразия глобальной революционной ломки они отразить не могут. Но хотелось бы еще раз привлечь внимание к тому, что эта «фантастика» (а коммунизм – это тоже фантастика, повлиявшая на реальную жизнь миллиардов людей в XX в. [4]) вполне может стать кошмарной реальностью завтрашнего дня. Если значительно расширятся перспективы изменения природы человека и т.п., то это будет иметь вполне реальные последствия, в том числе и в изменении природы и основ политической власти.

Литература

1. Богомягкова Е.С., Ломоносова М.В. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: Новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. – 2015. – № 9. – Режим доступа – http://www.inesnet.ru/rus_author/lomonosova-m-

2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 575 с.

3. Книга философа Ника Бострома «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии». – https:///lenta.ru/articles/2016/03/06/superintellect/

3. Ковалёв В.А. Наша фантастическая политика: Социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим: монография. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 172 с.

4. Ковалёв В.А. К политологии постчеловека? Некоторые социально-политические перспективы и угрозы NBIC-конвергенции и трансгуманизма // Политическая экспертиза. – 2012. – № 4. – С. 64–83.

5. Ковалёв В.А. «Ненужные люди» как бэкграунд эскалации конфликтов в современном мире // Конфликты в социальной сфере. Материалы IX Всероссийской научно-практической и научно-методической конференции. – Казань: Казанский национально-исследовательский технологический университет, 2015. – С. 16–23.

6. Ковалёв В.А. Политика, демография, технологии: К вопросу об основе эскалации конфликтности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Истринский форум) «Проблема устойчивости общественного развития в условиях трансформации миропорядка» (12–14 мая 2016 г). – С. 70–72.

7. Липсет С., Роккан С. Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204–234.

8. Манн М. Власть в XXI столетии. Беседы с Дж.А. Холлом – М.: ИД ВШЭ, 2014. – 208 с.

9. Мелешкина Е.Ю. Концепция социально-политических размежеваний: Проблема универсальности // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 25.

10. Нейсбит Дж. при участии Н. Нейсбит и Д. Филипса. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – 384 с.

11. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I–II. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010–2011.

12. Политика в эпоху жесткой экономии / Под ред. А. Шефара, В. Штрика. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 392 с.

13. Ридингс Б. Университет в руинах. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 304 с.

14. Розанов В. Последние листья. (1916). – Режим доступа: http://podborki.com/preview/flibusta-knizhnoe-bratstvo-923950

15. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. – 2007. – № 2. – С. 18–30.

16. Шушкевич Ю. В сумерках привычного мира. – Режим доступа: http://futurologija.ru/texts/v-sumerkax-privychnogo-mira/

17. Brynjolfsson Erik, McAfee Andrew. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. – N.Y., 2014.

18. Stiglitz Joseph E. Unemployment and Innovation. – Режим доступа: http://www.nber.org/papers/w20670.pdf

И.С. Синицина

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЗА ГОДЫ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Ирина Сергеевна Синицина – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Вступившие более 25 лет назад на путь системных преобразований страны Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) характеризовались высокой дифференциацией уровня жизни, примерно соответствовавшей различиям в их экономическом развитии. В среднем жизненные стандарты в странах региона не превышали 40% от уровня стран тогдашнего ЕС.

Первые годы системных преобразований в странах ЦЮВЕ сопровождались заметным **снижением уровня и качества жизни**, в той или иной мере совпадавшими с масштабами трансформационного спада. На этом фоне во всех странах региона резко сократились реальные доходы населения, а нарушенная финансово-бюджетная сбалансированность подтолкнула к сужению действовавших в годы социализма социальных гарантий. Быстро нарастала безработица, расширилась зона бедности, углубилась дифференциация доходов. Процессы ухудшения жизни населения в период постсоциалистического уклада в каждой из стран развивались с разной степенью интенсивности, что было во многом связано с уровнем экономической и социальной устойчивости и последовательностью проводимых системных изменений [подробнее см.: 1; 2]. По расчетам Б. Милановича, реальные душевые доходы сократились в наиболее острый период трансформационного спада (1988–1993) на 41% в странах Балтии и на 25% в странах Восточной Европы (ср. с 54% в европейских республиках бывшего СССР и Средней Азии) [5, p. 34–36].

* *Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-07-00013 «Центрально-Восточная Европа: Социально-экономические эффекты трансформации и евроинтеграции» на 2015–2017 гг.*

В 1995 г. располагаемые доходы среднего домохозяйства в сопоставимых ценах сократились по сравнению с 1990 г. почти во всех странах. Рост отмечался в Польше (18%), Словении (14), в Венгрии и Чехии он был минимальным (по 3%).

Динамика доходов и потребления в условиях экономического роста в процессе трансформации

Преодоление трансформационного спада и возобновление экономического роста в большинстве стран уже в 1993–1994 гг. создали предпосылки для восстановления основных параметров уровня жизни. Масштабы его снижения в большинстве из них не были столь велики, как, например, в странах бывшего СССР или Западных Балкан, и в основном восстановить уровень реальных доходов основных групп населения удалось довольно быстро (к середине или концу 1990-х годов).

На протяжении 2000-х годов вплоть до начала финансово-экономического кризиса в 2008 г. во всех странах региона отмечался **рост реальных душевых доходов**. Особенно динамично они росли в странах Балтии (рост в 1,9–2,7 раза), Хорватии (в 2 раза) и Румынии (1,9 раза). Финансово-экономический кризис прервал этот рост и в абсолютном большинстве стран (кроме Польши и Словакии) в 2008–2010 гг. отмечалось снижение доходов домохозяйств [9, p. 70]. Однако к 2013 г. реальные душевые доходы домохозяйств почти во всех странах восстановились и превысили уровень 2008 г.

Материальной предпосылкой повышения уровня потребления и социального прогресса в странах региона за прошедшие 25 лет стали итоги их экономического развития. За этот период, по международной классификации, используемой Всемирным банком (Atlas methodology)[1] по уровню валового национального дохода на душу населения, большинство новых членов ЕС, относившихся в начале 1990-х годов к разряду стран со средненизким уровнем дохода, переместилось в категорию стран с высоким доходом (Словения – в 1997 г., Чехия и Эстония – в 2006, Венгрия и Словакия – в 2007, Хорватия – в 2008, Латвия и Польша – в 2009, Литва – в 2012 г.). И хотя мировой финансово-экономический кризис затормозил развитие этих стран, передвинув, например, Латвию и Венгрию в предыдущую группу классификации, к 2014 г. все страны восстановили свое положение в группе стран с высоким душевым доходом. В настоящее время среди новых членов ЕС к категории стран со средневысоким уровнем доходов относятся лишь Болгария и Румыния. Среди остальных стран региона из категории стран со средненизким

1. http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD

доходом в категорию стран со средневысоким доходом перешли Босния и Македония (2008), а также Албания – в 2009 г. В совокупности рост душевых доходов затронул в этой части Европы свыше 100 млн человек.

Вместе с тем показатели валового национального дохода на душу населения, так же как и душевого ВВП, не в полной мере отражают воздействие экономического роста на уровень и качество жизни населения, поскольку ничего не говорят о характере распределения результатов экономического роста, а их динамика может не соответствовать характеру изменений потребления населения. В большей мере воздействие роста экономики на социальное развитие характеризуют показатели потребления, в том числе душевого индивидуального потребления, показывающего реальную картину благосостояния среднего домашнего хозяйства с учетом различий между странами в потреблении услуг сферы образования и здравоохранения.

Сопоставление **душевых приростов ВВП и конечных душевых расходов на индивидуальное потребление** для стран региона показывает, что экономический рост в странах ЦЮВЕ, последовавший после трансформационного спада, в разной мере выразился в повышении уровня индивидуального потребления. В период, предшествующий финансово-экономическому кризису, на волне экономического роста, в абсолютном большинстве этих стран прирост ВВП опережал соответствующие показатели душевого индивидуального потребления. Исключением стали Македония, Черногория и Албания. В период кризиса и на этапе выхода из него (2009–2014) общая динамика экономического роста также опережала рост потребления. Особенно значительным был разрыв в Венгрии, Словении, Словакии, Македонии и Черногории. Исключение составили лишь Хорватия и Румыния[2]. Эти закономерности отражают общую для европейских стран тенденцию: и до кризиса реализуемая здесь социальная модель не в полной мере ориентировалась на экономический рост, но обеспечивала в той или иной мере адекватную социальную защиту. В свою очередь, финансово-экономический кризис заметно снизил ее возможности для защиты наиболее уязвимых слоев населения [4].

Одновременно шло **сближение уровней душевых расходов** со средними по ЕС-15 показателями. Особенно высокие темпы сближения отмечались в менее развитых странах региона, таких как Черногория, Сербия, Албания, что связано с изначально значительным отставанием этих стран и низкими относительными показателями даже с учетом паритета покупательной способности (ППС). Если в начале трансформации в большинстве стран уровень этих душевых расходов не превышал 40% от среднего по ЕС-15 (исключение

2. Если не указано иначе, статистические показатели в тексте и в графиках приводятся по публикациям Eurostat.

составляли лишь Словения, Чехия и Венгрия), то в 2014 г. все новые члены ЕС, за исключением Болгарии, Румынии и Черногории, заметно превысили 60% уровня развитых стран Европы.

В целом за 2000–2014 гг. сближение уровней ВВП по ППС со старыми странами ЕС-15, с одной стороны, и расходов на индивидуальное потребление – с другой, в каждой из стран происходило неравномерно. Так, из 15 рассматриваемых стран лишь в шести (в Эстонии, Хорватии, Венгрии, Польше, Словении и Болгарии) сближение уровней производства ВВП с ЕС-15 шло более интенсивно, чем индивидуального душевого потребления. В остальных государствах более интенсивно компенсировалось отставание индивидуального потребления, причем особенно быстро сближались оба показателя со средней по ЕС-15 величиной в Литве, Черногории и Албании. Это, по-видимому, связано со значительным объемом трансфертных переводов из-за границы.

За годы трансформации изменилась **структура потребления домашних хозяйств**, приблизившись к структуре развитых стран. Во-первых, сократилась доля расходов на продовольствие: если в середине 1990-х годов в большинстве стран она превышала 25% совокупных расходов, а в Румынии доходила почти до 45%, то в 2014 г. во многих из них она составила 15–20% или приблизилась к этому рубежу. В Румынии, Македонии, Албании и Сербии она остается выше 25%. Повсюду заметно выросла доля коммунальных расходов и содержания жилья: в Словакии, Македонии и Чехии они уже составляют 25% и более совокупных расходов, т.е. находятся на уровне государств старой Европы. Однако в большинстве случаев доля этих расходов несколько ниже, чем в развитых странах, и находится в границах 15–20% совокупных расходов домашних хозяйств, не став пока основной статьей расходов бюджетов семей. Во многих странах доля расходов на отдых и развлечения составляет теперь 7–9% расходов домохозяйств, что соответствует средним по развитым странам Европы показателям.

Расходы на услуги здравоохранения и лекарства везде в регионе несколько возросли и составляют теперь в бюджетах домохозяйств от 2,3% (Чехия) до 6% (Румыния). Причем в Чехии, Эстонии, Словакии и Македонии они не превышают 3%, а в Польше, Албании и Болгарии составляют около 5% расходов, что примерно соответствует среднему показателю по развитым странам (4,4%).

В связи с коммерциализацией сферы образования доля расходов на него в бюджетах семей несколько выросла, но нигде не превышает 2% (кроме Албании – 2,9%). В Болгарии, Чехии, Эстонии, Литве эти расходы даже ниже, чем в развитых странах и не достигают 1% расходов домохозяйств.

В 2000-х годах в регионе в среднем улучшилась обеспеченность жильем, хотя она все еще заметно ниже, чем в среднем в Европе. Показатель, исполь-

зуемый для ее оценки в европейской статистике, – количество комнат, приходящихся на одного члена домашнего хозяйства, – во всех новых членах в 2014 г. превысил 1,0 и только в Эстонии достигал среднего по ЕС-28 уровня – 1,6 комнат на человека. Вместе с тем за средними показателями стоят значительные различия в жилищной обеспеченности населения. Новые члены Евросоюза заметно отличаются от остальных европейских стран высокой долей населения, проживающего в перенаселенном жилье, т.е. в жилье, не соответствующем европейским стандартам (одна комната на человека, если это не супруги, не дети до 12 лет и не однополые дети до 17 лет). Доля населения, не удовлетворяющего этим критериям, составляла в данной группе стран около 41%, что значительно выше, чем в среднем по ЕС-15 (10,5%) и ЕС-28 (16,9%). На момент вступления в ЕС эта доля была еще выше – 50,5%. Столь высокий показатель формируется в основном за счет неблагоприятной ситуации в Румынии (52,3%), Венгрии (44,6), Болгарии (43,3), Хорватии (42,1), Польше (44,2), Латвии (39,8), Словакии (38,6%), хотя во многих из них обеспеченность жильем за годы членства значительно улучшилась. Примерно на уровне среднего по ЕС-28 показателя складывается ситуация лишь в Словении, Эстонии и Чехии.

Для новых членов ЕС характерна существенно более высокая доля населения (11,9% в 2014 г., т.е. в 2 раза выше, чем в среднем по ЕС и в 3 раза выше, чем в странах ЕС-15), проживающего в условиях «крайней жилищной депривации», т.е. в перенаселенном жилье, которое к тому же плохо оснащено коммунальными удобствами (отсутствует душ или туалет, течет крыша или в помещение слишком темно). Особенно высокая от 10,1 до 21,4% доля жителей, проживающих в таких условиях в Румынии, Венгрии, Латвии, Болгарии и Литве.

Некоторые итоги развития человеческого капитала

В качестве интегрального показателя социального развития часто используется **индекс развития человеческого капитала**, который при всех его недостатках позволяет проводить межстрановые сравнения. Для всех стран ЦЮВЕ характерна высокая динамика этого показателя. Все новые члены, включая Хорватию, (за исключением Болгарии и Румынии) относятся к группе стран «с очень высоким уровнем человеческого развития», существенно опередив по темпам группу стран бывшего СССР, в том числе Россию, с которой в 1990 г. все они входили в одну группу стран. Болгария, Румыния, так же как кандидаты и потенциальные кандидаты на вступление в ЕС, относятся теперь к группе стран с «высоким уровнем развития человеческого потенциала», тогда как на рубеже 2000-х годов они относились к группе стран со средним уровнем развития.

За годы трансформации заметно возросла ожидаемая **продолжительность жизни** населения региона: по сравнению с началом 1990-х годов она увеличилась на 5–8,4 года у мужчин и на 4,2–6,7 лет у женщин. Если в начале 2000-х годов она была на 3–7 лет ниже, чем в среднем по ЕС-27, то к настоящему времени многие из них вплотную приблизились к среднеевропейскому уровню, хотя достигла его только Словения. Увеличилась ожидаемая продолжительность жизни для населения в трудоспособном возрасте, а также возраст дожития пожилого населения (старше 70 лет), хотя и здесь ни в одной стране, кроме Словении, не достигнуты среднеевропейские показатели. Прогресс в увеличении продолжительности жизни связан со снижением смертности во всех странах ЦЮВЕ от опасных заболеваний, что позволило значительно снизить смертность населения в трудоспособном возрасте. Заметно улучшился такой интегральный показатель, как младенческая смертность.

Во многих странах меняется возрастная модель и структура причин смертности за счет того, что удалось оттеснить к более поздним возрастам смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, а также от новообразований и от внешних причин, т.е. от факторов, которые сегодня определяют отставание в продолжительности жизни населения региона от стран ЕС-15. Вместе с тем, несмотря на очевидные достижения, отставание от развитой Европы в этой сфере довольно ощутимое. Так, данные Евростата на 2013 г. показывают, что в среднем по Сообществу инфаркты и инсульты являлись причиной, соответственно, 16,6 и 11,5% всех смертных случаев (в 2000 г. – 12,9 и 8,7%). Между тем смертность от этих заболеваний в странах ЦЮВЕ значительно выше. Инфаркты были причиной 36,7% смертей в Литве и 28,9% в Латвии, а инсульты – 19,7% в Болгарии и 18,7% в Румынии. Тем не менее в Эстонии, например, за эти годы отмечался наиболее заметный в Европе спад смертности от инфарктов – с 32,3% в 2000 г. до 23% в 2013 г.

За годы трансформации в **системе образования** большинства стран региона происходила адаптация к потребностям развития экономики и перехода к инновационному этапу развития. Уровень **образования** трудоспособного населения, в ряде стран изначально более высокий, чем в развитой Европе, еще более повысился. Так, по сравнению с концом 1990-х годов в 2014 г. заметно сократилась доля лиц в трудоспособном возрасте, имеющих лишь начальное или незаконченное среднее образование. Во многих странах (Словакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Чехия) доля данного контингента в трудоспособном возрасте была в 2 и более раз ниже, чем в странах ЕС-15.

Значительно возросла доля трудоспособного населения с высшим образованием (5–8-й уровень ISCED11). Причем, если в конце 1990-х годов доля такого контингента была выше, чем в ЕС-15 только в Эстонии и Литве,

а остальные страны ЦЮВЕ отставали от развитой Европы по этому показателю в 1,5–2,5 раза, то в 2014 г. это отставание в основном было преодолено. За эти годы средний показатель по ЕС вырос почти на 50%. В конце 1990-х годов доля молодежи с высшим образованием в возрастной когорте 25–34 года была значительно ниже, чем в странах ЕС-15, а к 2014 г. в пяти новых членах она уже была выше этого уровня, в остальных странах – вплотную к ней приблизилась (кроме Румынии, где она составляла лишь 67% от уровня стран ЕС-15). Сегодня в большинстве новых членов ЕС от трети до четверти трудоспособного населения имеют высшее образование (в среднем по ЕС-15 – 27%).

Новой формой обучения для стран ЦЮВЕ стала практика непрерывного повышения квалификации (так называемого продолжающегося образования, или образования в течение жизни) взрослого населения (25–64 года). *Эта форма ориентирована не только на повышение конкурентности человека на рынке труда, но и на стимулирование его социальной интеграции и индивидуального развития. В большинстве новых членов ЕС участие населения в этой форме пока минимально, за исключением Словении и Эстонии, где охват этой формой указанной возрастной группой находится на среднеевропейском уровне и составляет около 11%, а также Чехии, где он к нему приближается. Характерно, что в этих странах повышением квалификации в большей мере охвачено население с высшим образованием.*

Одной из проблем системы образования в странах региона, тесно связанной с противодействием безработице, особенно молодежной, является адаптация структуры подготовки кадров к структуре спроса на рабочую силу. Несоответствие структуры кадров спросу на рынке труда во многом обусловлено слабой взаимосвязью учреждений образования и институтов рынка труда, с одной стороны, и недоинвестированием системы образования и подготовки кадров – с другой. Если первую проблему относительно легко решить организационными и политическими мерами, то решать вторую труднее, особенно в условиях послекризисного развития [подробнее см.: 3].

Комплексная оценка развития человеческого капитала

Сопоставить результаты, достигнутые новыми членами ЕС в развитии отдельных составляющих человеческого капитала (здравоохранение, образование, занятость населения), можно, используя значения соответствующих компонентов комплексного индекса устойчивости управления (Sustainable Governance Indicator, SGI), публикуемого фондом *Bertelsmann* для стран – членов ЕС и ОЭСР (см. табл. 1)[3]. Каждый из таких компонентов рассчитыва-

3. http://www.sgi-network.org/2015

ется на основе пяти-шести количественных показателей и экспертных оценок, характеризующих эффективность государственной политики в отдельных сферах общественной жизни.

Как видно из таблицы 1 **значения индекса SGI в сфере здравоохранения** для стран ЕС довольно тесно коррелируют с уровнем экономического развития. Однако как минимум две страны ЦЮВЕ (Чехия и Эстония) демонстрируют, что и при довольно скромных объемах финансирования можно создать систему здравоохранения, соответствующую международным стандартам. По мнению экспертов, это связано, во-первых, с традиционно высоким уровнем медицинского обслуживания, охватывающего почти все население страны, во-вторых, с высоким качеством подготовки специалистов в медицинских вузах, в-третьих, с последовательным реформированием системы медицинского страхования и сферы здравоохранения [7, p. 6–8].

Таблица 1

**КОМПЛЕКСНЫЕ ИНДЕКСЫ SGI
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ**

	Индекс SGI (2015)			*ВВП на душу населения по ППС, тыс. евро (2014)*
	Образование	*Здравоохранение*	*Рынок труда*	
Германия	6,7	7,1	7,4	34,5
Швеция	6,4	7,1	7,1	33,7
Финляндия	8,1	7,7	6,7	30,3
Великобритания	6,6	6,9	6,6	29,9
Франция	5,7	6,8	4,9	29,3
Италия	4,6	6,6	5,0	26,4
Испания	5,4	6,8	3,2	25,0
Чехия	6,0	6,7	5,6	23,2
Словакия	4,3	5,5	3,3	22,6
Словения	6,6	6,2	4,9	21,1
Эстония	8,2	6,5	5,7	20,9
Литва	7,0	5,6	4,9	20,6
Венгрия	4,4	4,8	4,0	18,6
Польша	6,8	5,2	5,2	18,6
Латвия	5,9	4,1	5,9	17,5
Хорватия	6,0	5,0	2,6	16,1
Румыния	4,4	5,2	4,7	15,2
Болгария	4,4	4,1	3,0	12,8

Напротив, в Латвии и Болгарии эффективность государственной политики в сфере здравоохранения заметно ниже, чем можно было бы ожидать, исходя из уровня их экономического развития. Так, несмотря на то что в Болгарии бюджетные расходы на здравоохранение относительно ВВП выросли

на 1 п.п. за 2004–2014 гг., показатели здоровья населения остаются значительно ниже среднеевропейских, а качество медуслуг оставляет желать лучшего. Латвия занимает одно из первых мест в Евросоюзе по доле личных средств населения в финансировании медицинской сферы (40% в 2011 г.). В сочетании со снижением бюджетных ассигнований в условиях кризиса это резко ограничивает доступность почти любых медицинских услуг (за исключением, пожалуй, лишь экстренной помощи) для низкодоходных групп населения [7, p. 31–33].

Отставание в развитии этой сферы и сохраняющееся неравенство доступа к услугам связаны как с незавершенностью ее реформирования в большинстве стран региона, так и с ее недофинансированием (в среднем около 7% ВВП против 10% ВВП в странах ЕС-15). Это серьезно ограничивает возможности предоставления квалифицированной и высокотехнологичной медицинской помощи населению стран ЦЮВЕ.

В годы трансформации постепенно происходило подтягивание объемов финансирования **образования** к уровню развитых стран: к настоящему времени оно составляет от 3,8% ВВП в Болгарии до 5,7% в Словении (ЕС-15 – 5,5%). Однако в абсолютном выражении объемы расходов на одного ученика / студента все еще остаются в 3–5 раз ниже, чем в странах ЕС-15. Даже при расчете по ППС уровень финансирования на одного ученика в средней школе или студента вуза составляет в Болгарии и Румынии около четверти от среднего уровня в Германии, в Латвии – менее трети этого уровня, приближается к половине в Латвии, Польше, Эстонии и Венгрии и лишь в Чехии и Словении формируется на уровне 60%.

По оценкам экспертов, **вариация индекса образования SGI**, особенно среди стран ЕС-10, в значительно большей степени связана с культурно-историческими традициями, нежели с уровнем экономического развития. Лидером среди стран ЕС в этой области является, наряду с Финляндией, Эстония, где престиж образования всегда был традиционно высок. В результате проведенных реформ за годы трансформации рейтинги PISA здесь неуклонно повышались, и сегодня Эстония занимает второе место в Европе и четвертое – в мире по этому показателю. Даже при дефиците финансирования бесплатным является не только дошкольное (охватывает 95% детей от четырех до шести лет), но и среднее и (с 2013 г.) очное университетское образование [6, p. 2–3].

Заметно уступающие лидеру Польша, Литва, Словения, а также Чехия и Хорватия в области образования находятся несколько выше среднеевропейского уровня: в них выше среднего процент лиц с высшим образованием, ниже процент не закончивших среднюю школу, близки к среднеевропейским рейтинги PISA, последовательно проводятся (особенно в Польше) реформы системы образования (преимущественно среднего специального). Наряду

с этим здесь остро стоят проблемы бюджетного финансирования дошкольного (Литва, Чехия, Польша) и высшего (Хорватия, Словения, Чехия) секторов, неравномерности качества образования (особенно высшего), несоответствия системы образования требованиям рынка рабочей силы и др.

На противоположном полюсе – Болгария, Румыния, Венгрия и Словакия, где проблемы недостаточного финансирования и даже его сокращения относительно ВВП (Словакия и Венгрия) дополняются снижающимся уровнем обучения, высокой неравномерностью его качества в средних школах (Болгария и Румыния), неравенством в доступе к образованию и т.п. В Венгрии эти проблемы усугубились проведенными в последние годы «антиреформами» правительства Орбана, в результате которых управление дошкольным и средним образованием было жестко централизовано на национальном уровне, урезана автономия университетов, а также ограничен доступ учащихся к полному среднему образованию в пользу среднего специального [6, p. 40–41].

Комплексный **индекс SGI «Рынок труда»** позволяет оценить эффективность политики с точки зрения снижения безработицы, обеспечения гарантий занятости, содействия мобильности рабочей силы и т.п. По оценкам экспертов, страны ЦЮВЕ в основном значительно отстают от большинства стран ЕС-15 по этим показателям: к среднеевропейскому уровню приближаются лишь Латвия, Чехия и Эстония, где после 2010 г. безработица (особенно среди низкоквалифицированных работников) медленно, но неуклонно снижалась, опустившись до докризисного уровня. Вместе с тем в Чехии сохраняются высокая застойная безработица и межрегиональные различия в ее уровнях; в Эстонии медленно снижается безработица среди молодежи. В Латвии и Эстонии довольно успешно реализуются активные меры на рынке труда, в основном ориентированные на снижение структурной безработицы, реформируются программы профессиональной переподготовки; в Эстонии начата программа, ориентированная на привлечение к трудовой деятельности минимум 10% проживающих в стране инвалидов [8, p. 8, 23–24].

Наиболее сложная ситуация среди стран региона складывается на рынке труда в Болгарии, Словакии и Хорватии. Эти страны выделяются не только одними из самых высоких в Европе, но и растущими (кроме Болгарии) уровнями безработицы (в том числе застойной и среди молодежи), ее высокими межрегиональными различиями, недостаточным финансированием активных мер на рынке труда и их низкой эффективностью, в том числе переподготовки персонала. Однако если в Болгарии и Словакии такие меры имели хоть и краткосрочный, но позитивный эффект, то в Хорватии они, по мнению экспертов, даже привели к росту безработицы [8, p. 36–37].

Динамика бедности в странах ЦЮВЕ

Абсолютная бедность по уровню доходов, рассчитываемая в исследованиях ПРООН по уровню доходов ниже 2,15 долл. на человека по ППС в день, в странах региона существенно сократилась. Доля населения ниже этой границы остается заметной лишь в Румынии. Вместе с тем в зоне экономической уязвимости (душевые доходы в интервале от 2,15 до 4,30 долл. в день по ППС) в ряде стран проживает значительная доля населения: в Румынии – 23%, Болгарии – около 10, в Литве и Польше – около 5%.

Бедность – многомерное явление, для комплексной оценки которого требуется привлечение показателей, характеризующих как доходы, так и различные компоненты потребления. В связи с постановкой цели сокращения бедности и социальной маргинализации (БиСМ) в рамках стратегии «Европа 2020» в европейской практике для оценки относительной бедности начал использоваться составной комплексный показатель, который охватывает ее различные измерения.

К лицам, попадающим в зону рисков БиСМ, относятся: 1) те, кто испытывает риск бедности в связи с низким уровнем доходов, т.е. находится ниже порога, составляющего 60% от среднего медианного эквивалентного дохода в данной стране; 2) испытывает острую материальную нуждаемость в связи с ограниченными возможностями потребления отдельных социально значимых товаров и услуг[4]; 3) проживает в семье с низкой трудовой нагрузкой. Последний показатель охватывает семьи лиц трудоспособного возраста, члены которых в течение года были трудоустроены менее 20% нормативного среднего рабочего времени.

Доля населения, относящегося к зоне риска БиСМ, включает в себя всех лиц, испытывающих бедность, по какому-либо из этих трех оснований. Общая численность такого населения ниже, чем простая сумма всех нуждающихся по каждому из трех оснований, так как человек может одновременно находиться более чем в одной из выше перечисленных ситуаций (см. рис. 1).

4. Острая материальная нуждаемость возникает, если человек испытывает нехватку по меньшей мере четырех из девяти ресурсов потребления и не в состоянии: (1) вносить арендную плату или оплачивать счета за коммунальные услуги; (2) обеспечивать тепло в своем жилище; (3) осуществлять непредвиденные платежи; (4) раз в два дня потреблять мясо, рыбу или другую пищу, содержащую аналогичное количество протеинов; (5) проводить хотя бы одну неделю отпуска вне дома; (6) содержать личный автомобиль; а также пользоваться в быту стиральной машиной (7), цветным телевизором (8), телефоном.

Рис. 1. Динамика численности населения в зоне бедности и социальной маргинализации в странах – новых членах ЕС в 2005–2014 гг. (в % к общей численности населения региона)

Средневзвешенная доля населения, находящегося в границах БиСМ, в ЕС-27 уменьшилась в 2014 г. до 24,4% с 25,8 – в 2005 г. При этом в ЕС-15 доля такого населения даже несколько выросла (с 21,7 до 23,3%), тогда как в новых членах ЕС резко сократилась – с 41 до 28,6%. Разброс этого показателя в странах ЦЮВЕ довольно высок и в принципе соответствует различиям

в их уровнях экономического развития. Наиболее высокая доля населения в этой зоне в Македонии, Сербии, Болгарии, Румынии и Латвии, составившая в 2014 г. от 33 до 48%. Относительно ниже она в Чехии, Словакии, Словении и Польше, достигая примерно уровня развитых европейских стран.

За годы членства в ЕС доля населения в зоне БиСМ снизилась во всех странах, причем во многих довольно заметно (в Болгарии и Польше – на 21 п.п., в Словакии, Латвии и Литве – почти на 14, в Румынии – на 5,7, в Чехии – на 4,8 п.п.). Одним из факторов этого снижения был быстрый рост совокупных душевых расходов на социальное обеспечение во всех странах региона, существенно опережавший рост в большинстве других стран ЕС. Высокий прирост этих расходов отмечался в Румынии, Литве, Латвии, Словакии и Эстонии. Однако в ряде стран прямой зависимости масштабов снижения рисков бедности от темпов роста этих расходов не наблюдается: например, в Хорватии при росте этих расходов на 18% зона бедности сократилась незначительно, а в Венгрии – даже возросла.

Финансово-экономический кризис 2008 г. вызвал расширение зоны БиСМ во многих странах и прервал ее поступательное снижение, наметившееся с начала 2000-х годов. Тем не менее в среднем докризисные показатели были восстановлены к 2012–2013 гг., а к 2014 г. в семи странах – новых членах доля бедных оказалась ниже, чем перед кризисом. Выше она осталась в Чехии, Эстонии, Венгрии и Словении, тогда как в регионе ЕС-15 и в 2014 г. докризисный уровень распространения БиСМ достигнут не был.

Риски глубокой бедности для отдельных слоев населения

Три типа рисков БиСМ по-разному воздействуют на различные слои населения региона, могут в определенных зонах перекрываться, создавая более глубокие зоны бедности, которые требуют специфических мер социальной политики, ориентированных либо на корректировку уровня доходов, либо на помощь в трудовой активизации и выходе на рынок труда, либо на расширение видов социальной адресной помощи семье или предоставлении услуг в натуральной форме и т.д.

В целом в новых членах ЕС в 2014 г. численность населения, испытывавшего одновременно все три типа рисков БиСМ, составляла около 2,5 млн человек, или примерно 2,4% населения этих стран, в том числе в странах, вступивших в ЕС в 2004 г. – 1,6 млн человек. В странах-кандидатах – Сербии и Македонии – доля такого населения была значительно выше, соответственно, 8,2 и 6%, а его численность составляла почти 0,6 млн человек. Таким образом, за годы членства в ЕС численность такого населения заметно сократилась: в 2005 г., т.е. сразу после вступления в ЕС, она составляла 2,7 млн

человек (3,8% населения), а в 2007 г., после вступления Болгарии и Румынии, увеличилась до 3,1 млн человек. В среднем по ЕС-15 доля населения в этой зоне за 2005–2014 гг. возросла с 1,2 до 1,8%.

Какие социальные слои в наибольшей мере страдают от рисков БиСМ? В **зоне пересечения трех рисков** в новых членах ЕС за последние десять лет снижались доли всех агрегированных возрастных категорий. Так, доля детей (в возрасте до 18 лет) снизилась с 5,5 до 4,1%, населения трудоспособного возраста – с 4,1 до 2,6%, а лиц пенсионного возраста – с 9,3 до 5,1%. При этом, естественно, между странами отмечались существенные различия, которые во многом были связаны с устойчивостью их систем социальной защиты. Особенно заметным было снижение доли в этой зоне пожилого населения (хотя во многих странах риски бедности этой возрастной категории остаются высокими, существенно выше, чем в старой Европе). В немалой степени это связано с поддержанием высокого уровня коэффициентов замещения пенсионных выплат, уровень которых приближается к западноевропейскому и составляет от 0,4 в Хорватии до 0,64 в Румынии.

В целом же доля экономически неактивного населения старше 18 лет в этой зоне за десять лет хотя снизилась (в среднем по региону с 6,7% в 2005 г. до 4,3% в 2014 г.), но остается относительно выше средних показателей. При этом максимальны риски попадания в эту зону в Болгарии (7,8%), в Сербии (8,7) и Македонии (12,5%). Для сравнения: в 2005 г. риски для этой категории населения были относительно высокими, кроме Болгарии, также в Латвии, Литве и Польше.

Из рассмотрения структуры этой зоны в разрезе домохозяйств следует, что в 2014 г. в нее чаще всего попадали домохозяйства матерей-одиночек: уровень их рисков в среднем составлял 8,9%, особенно заметно в Венгрии (10,8%), а из стран вне ЕС – в Македонии (19,4) и Сербии (14,4%). Относительно лучше положение таких семей в Польше (6,9%), Словении (5,6), Литве (6,8%).

При этом в среднем семьи с детьми были подвержены этим рискам (3,0%) почти в той же мере, что и население региона в целом. Относительно хуже положение таких семей в Болгарии (8%) и Венгрии (7,1), а также Македонии (8,9) и Сербии (6,5%). В настоящее время в среднем положение таких семей относительно лучше в Польше (1,2%), Литве (1,9) и Словении (1,1%), что говорит о более высокой эффективности в семейной политике в этих странах.

Можно отметить, что риски попасть в эту зону в 2 раза выше у домохозяйств, взрослые члены которых имеют невысокий уровень образования: для домохозяйств с незаконченным средним образованием они составляли 5,2%, тогда как у семей с высшим – всего 0,6%.

Значительно шире распространена бедность **в сфере действия двух (из трех) рисков БиСМ** (рис. 1). В 2014 г. в новых членах ЕС по меньшей мере двумя рисками было охвачено 7,4% населения (от 13% в Болгарии до 3,4 – в Чехии). Одновременно в зоне риска крайней материальной нужды и низкой трудовой нагрузки находилось около 0,7 млн человек и 0,2 млн человек в Сербии и Македонии; в зоне бедности по уровню доходов и крайней материальной нужды 5,4 млн и 0,6 млн человек; в зоне бедности по уровню доходов и низкой трудовой нагрузки – 0,6 и 0,3 млн человек соответственно.

В зоне только какого-либо одного риска находилось в том же году в новых членах ЕС 19,5 млн человек и 2,3 млн человек в Сербии и Македонии, в том числе только в зоне риска по уровню доходов – около 9 млн человек в новых членах ЕС и 0,8 млн человек в Сербии и Македонии, только по критерию материальной нуждаемости, соответственно, 8,4 млн человек и 1,2 млн, а лиц, испытывающих только низкую трудовую нагрузку было 1,8 млн и 0,3 млн человек.

В общей сложности **вне зоны БиСМ** в странах – новых членах ЕС проживают 74 млн человек, а в Сербии и Македонии – 1,1 млн, что в процентном отношении несколько ниже (около 71%), чем в ЕС-15 (около 77%). Вместе с тем средний уровень по ЕС-15 уже превышен в Чехии, Словакии и Словении, к нему приближаются Польша и Эстония.

Несмотря на пережитый странами кризис, заметно расширивший зону бедности в регионе, в целом за годы членства в ЕС зона, свободная от БиСМ, расширилась в Болгарии с 39 почти до 60%, в Латвии – с 54 до 67%, в Литве – с 59 до 73%, в Польше – с 55 до 75%, в Словакии – с 68 до 81%. Однако в Венгрии и Румынии заметного прогресса в этом отношении не наблюдалось, а в Словении на этапе выхода из кризиса отмечалось даже небольшое снижение.

Положение отдельных возрастных групп вне зоны бедности показывает, что в Чехии, Словении и Словакии во всех этих группах достигнут уровень ЕС-15. В Эстонии он достигнут в отношении детей и населения в трудоспособном возрасте, в Польше – только в отношении населения в трудоспособном возрасте. В общем виде распределение населения, не испытывающего рисков БиСМ по возрастным группам, показывает недостаточную эффективность пенсионной системы в странах Балтии и Болгарии, не обеспечивающей необходимой защиты возрастных групп населения, а также слабость системы помощи семьям с детьми, особенно в Болгарии, Венгрии, Румынии и Македонии.

Данные европейской и международной статистики о распространении бедности в странах ЦЮВЕ свидетельствуют о том, что после прохождения трансформационного спада на протяжении всего предкризисного периода во всех этих странах отмечались тенденции к снижению БиСМ. Однако субъек-

тивные оценки населением своего положения дают более пессимистическую картину. Уровни негативного субъективного восприятия достаточности материальных средств для выживания семьи, регистрируемые в странах ЦЮВЕ, не только существенно выше приведенных выше показателей рисков БиСМ, полученных по данным обследований домашних хозяйств, но и значительно выше аналогичных среднеевропейских показателей, причем нередко даже в случаях сходного материального положения конкретных типов семей. Так, даже в относительно благополучной Словении разрыв в официально регистрируемых показателях БиСМ и субъективным показателем достаточности средств составлял в 2012 г., например, для семей одиночек около 20 п.п. Это обстоятельство во многом объясняется сохранением отставания уровня и качества жизни стран региона ЦЮВЕ и, в частности, ограниченностью ресурсов систем социальной защиты по сравнению со странами Северной и Центральной Европы, где в систему государственной поддержки изначально заложены более высокие стандарты обеспечения.

* * *

В ходе системной трансформации и евроинтеграции в странах региона ЦЮВЕ были заложены основы новых моделей социальной политики, ориентирующиеся на построение социальной рыночной экономики. За эти годы во многих странах на фоне экономического роста были достигнуты заметные результаты в повышении уровня жизни, повысился уровень потребления домашних хозяйств, сократилась зона бедности и малообеспеченности, наметилось сближение отдельных показателей социального развития стран региона со средними по развитым странам Европы. Тем не менее прогресс в преодолении имеющихся отставаний неравномерен, и по большинству параметров социального развития страны региона значительно отстают от развитых стран ЕС. Чаще всего отставания связаны не с недостатком реформ, а с низким по сравнению со среднеевропейскими масштабами инвестирования в эту сферу, т.е. в конечном итоге определяются экономическими возможностями стран региона.

Процессы сближения уровней социального развития были прерваны финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., который резко негативно отразился на социальной сфере стран региона и стал своеобразным тестером на устойчивость достигнутой экономической стабилизации и созданных систем социальной защиты населения. В настоящее время на этапе выхода из кризиса необходимость проведения фискальной стабилизации также серьезно осложняют реализацию многих насущных задач в этой сфере и, в первую очередь, выделения ресурсов на социальную помощь, сферу образования и здравоохранения. Перспективы развития этой сферы, а также подтягивания

уровня и качества жизни населения региона к образцам развитых стран будут зависеть от обеспечения устойчивого экономического роста и сближения уровней экономического развития с развитыми странами Европы.

Литература

1. Дегтярь Л.С. Некоторые итоги социального развития. Социальная цена реформ // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3 Трансформации 90-х годов. Ч. 1. – М.: Наука, 2002. – С. 249–262.

2. Куликова Н.В., Синицина И.С. Социальные реформы на этапе перехода к рынку // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3 Трансформации 90-х годов. Ч. 1. – М.: Наука, 2002. – С. 263–298.

3. Синицина И.С. Кадровый потенциал инновационного развития // Модернизация в странах российского пояса соседства: Структурный и технологический аспекты / Отв. ред. С.П. Глинкина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 71–92.

4. Darvas Z., Wolff G.B. Europe's Social Problem and its Implications for Economic Growth // Bruegel Policy Brief 2014/03, 1 April 2014 (http://bruegel.org/2014/03/europes-social-problem-and-its-implications-for-economic-growth/).

5. Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. – Washington, D.C.: World Bank, 1998. – 237 p.

6. Sustainable Governance Indicators. 2015 Education Report. Education Policy. – Bertelsmann Stiftung, 2015. – 41 p. (http://www.sgi-network.org/docs/2015/thematic/SGI2015_Education.pdf).

7. Sustainable Governance Indicators. 2015 Health Report. Health Policy. – Bertelsmann Stiftung, 2015. – 34 p. (http://www.sgi-network.org/docs/2015/thematic/SGI2015_Health.pdf).

8. Sustainable Governance Indicators. 2015 Labor Market Report. Labor Market Policy. – Bertelsmann Stiftung, 2015. – 37 p. (http://www.sgi-network.org/docs/2015/thematic/SGI2015_Labor_Markets.pdf).

9. World Consumer Income and Expenditure Patterns 2013. 13th ed. – Euromonitor International, 2012. – 579 p.

Т.Э. Валева

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЕГОДНЯ

Валева Татьяна Эмильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ИЭ РАН.

В новой геополитической обстановке, вызванной резким обострением российско-украинских отношений, поддержкой позиции украинского руководства странами Евросоюза (членом которого Болгария является с 2007 г.), российско-болгарские отношения приобрели конфронтационный характер. Помимо присоединения к санкциям руководство страны на протяжении последних двух с половиной лет, наряду с Польшей и государствами Балтии, занимало жесткую антироссийскую позицию. Локомотивом русофобии выступали президент страны Р. Плевнелиев, министр иностранных дел Д. Митов и министр обороны Н. Ненчев. Робкие усилия некоторых министров болгарского правительства, членов парламента и представителей отдельных партий тонули в антироссийских пасквилях этих трех руководителей, взращенных в кулуарах «демократического» американского истеблишмента. Правда, им так и не удалось убедить бóльшую часть жителей своей страны в том, что Россия представляет для Болгарии военную, стратегическую и политическую опасность.

В начале сентября 2015 г. болгарское руководство отказалось пропустить через свое воздушное пространство российские самолеты с гуманитарным грузом для Сирии, что было квалифицировано российским МИДом как недружественный акт по отношению к России.

Негативную реакцию российского МИДа вызвали выступление премьера Б. Борисова перед представителями Болгаро-американской торговой палаты и американскими дипломатами в Софии 12 октября 2015 г. Высказав последним претензии по поводу несимметричного подхода к развитию двусторонних экономических связей, в частности в области энергетики, он добавил: «Мы признали военное крыло “Хезболлы” террористической организацией,

прекратили три самых крупных российских проекта, остановили российские самолеты над морем. И если мы не партнеры, то кто же тогда?»[1].

После бухарестской встречи девяти глав восточноевропейских государств в ноябре 2015 г. в интервью *Independent* президент Болгарии заявил, что, нацеливаясь на Балканы, Россия стремится осуществить «гибридную военную» кампанию, направленную на дестабилизацию всей Европы. «Для России очень эффективный и безопасный способ дестабилизировать Европу – это действовать через Балканы. Вот почему Путин фокусируется на этом. Мы хотим сказать ЕС, генсеку НАТО, нашим партнерам и западным союзникам, что Балканы должны находиться в самом сердце политики европейской безопасности. Делайте для нас больше, чтобы делать больше для самих себя»[2]. Но на этот раз и премьер Болгарии, и вице-президент без восторга отреагировали на провокационное заявление своего президента. «Я не такой уж ястреб. Баланс в мире настолько хрупок, что мы должны контролировать свои слова. Даже на встрече G-20 все были "осторожны" в своих заявлениях. Так что я не собираюсь ничего комментировать», – заявил Б. Борисов по поводу этого интервью президента[3]. Позже в одном из своих выступлений он, в ответ на вопрос о неких российских кибератаках, заявил: «Можешь осудить или изобличить в чем-то только имея абсолютные доказательства, а у нас их нет, есть сомнения, а о сомнениях не говорят вслух, так как это вызывает скандалы. У нас сегодня появилась возможность вернуть российских туристов, а они вернутся в следующем году, это практически гарантировано. Есть возможность экспортировать в Россию болгарскую продукцию, не попавшую под санкции»[4].

Осторожно выступила вице-президент Болгарии М. Попова: «В такой момент, когда нам угрожают террористическими ударами, никто не заинтересован в том, чтобы высказываться против России, против Франции, против Великобритании. Напротив, сегодня все должны объединиться во имя человечества и сохранения памяти о том, что было создано»[5].

Но Плевнелиев продолжал свою русофобскую риторику. После начала украинского кризиса Европа и Россия находятся в состоянии «холодного мира», а все проблемы, с которыми сталкиваются страны, порождены

1. Борисов не се разграничи от плана на одържавяване на американски инвестиции. – www.mediapool.bg 30.12.2015.

2. Президент Болгарии: Россия планирует кампанию «гибридной войны», направленную на дестабилизацию Европы. – www.inopressa.ru 16.11.2015.

3. Не съм такъв ястреб, за да коментира Русия. – www.mediapool.bg 16.11.2015.

4. Премьер: У Болгарии появился шанс вернуть российских туристов и газ. – www.mediapool.bg 05.12.2015.

5. Вице-президент Болгарии назвала ошибкой заявление президента против России. – www.news.bg.ru 18.11.2015.

несоблюдением правил некоторыми игроками, заявил он в январе 2016 г. на сессии ПАСЕ в Страсбурге. «Сегодня Россия действует согласно идеологии великих сил и их сфер интересов», – подчеркнул он. Запад и Россия вновь стали оппонентами, а Европа вошла в новую фазу «холодного мира». Аннексия Крыма стала грубым нарушением международных законов и его принципов. Болгария твердо поддерживает украинский суверенитет и территориальную целостность[6].

Санкции против России должны быть продлены – это категорическая позиция Болгарии, заявил в интервью телеканалу «Европа» в начале июня 2016 г. министр иностранных дел Д. Митов. ЕС должен убедить Москву вернуть Крым Украине путем диалога. Призывы Германии и Франции отменить санкции Митов считает попытками уменьшить напряжение в самих этих странах и на общеевропейском уровне подобное решение не будет принято[7].

Складывается впечатление, что президент Болгарии и его соратники-министры в середине 2016 г. самой главной геополитической проблемой попрежнему считают «аннексию» Крыма, 96% жителей которого высказались за присоединение к России.

В 2015 г. в российско-болгаро-турецких отношениях наметилось несколько болевых точек. Первая была связана с согласием Турции на сооружение газопровода «Турецкий поток», который предположительно должен был заменить «Южный поток», а также строительством «Росатомом» АЭС «Акай» практически на турецко-болгарской границе. Оба проекта вызывали негативную реакцию, не раз высказанную болгарскими властями в адрес России и Турции.

После атаки на российский бомбардировщик СУ-24 эти вопросы, по крайней мере до улучшения российско-турецких отношений, были отодвинуты на второй план, и Болгарии пришлось реагировать на создавшуюся серьезную проблему. После анализа имеющейся у Болгарии как члена НАТО и ЕС информации и по результатам срочно проведенного заседания Североатлантического совета болгарская сторона констатировала, что вместе со своими союзниками она заинтересована в скорейшей деэскалации напряженности, возникшей в результате инцидента. Решения должны быть найдены на двусторонней основе через активные контакты между Москвой и Анкарой. Болгарский министр обороны в своих комментариях выразил уверенность,

6. Болгария стала оплотом стабильности в Балканском регионе. – www.coe.int.ru 26.01.2016.

7. Глава МИД Болгарии: Санкции против России должны быть продлены. – www.rus.bg 08.06.2016.

что «нет ни прямой, ни косвенной угрозы национальной безопасности Болгарии»[8].

Однако удержаться в рамках декларированного нейтралитета Болгарии не удалось. Председатель партии ДПС Л. Местан, сменивший в 2013 г. на посту лидера А. Догана, не дожидаясь общей позиции НАТО по конфликту между Москвой и Анкарой, зачитал в парламенте декларацию от имени парламентской группы ДПС, полностью поддерживающую позицию Турции и содержащую обвинения в адрес России. Это означало полный отход от традиционной для ДПС установки – не заниматься проблемами внешней политики (за исключением отрицания геноцида армян в Османской империи). К России отношение ДПС всегда было лояльным, впрочем также за одним исключением – порицанием действий российской Императорской армии на Балканах в XVIII и XIX вв., в результате чего возникли независимые православные государства на территории Османской империи. Почетный председатель ДПС Доган понял, что в условиях постепенного сближения Москвы, Брюсселя и Вашингтона на основе совместной борьбы с реальным союзником Анкары – террористической группировкой ИГИЛ ДПС рискует оказаться в полной изоляции в болгарском политическом пространстве и изолировать турок и остальных мусульман Болгарии от большинства населения. И в очередной раз поменял партийное руководство, как неоднократно делал это и раньше, когда к партийному рулю пробирались безропотные исполнители воли Анкары. В своем выступлении бывший лидер ДПС резко осудил заявление Местана по поводу сбитого Турцией российского самолета и представил изложенную позицию ДПС в качестве инструмента турецкого влияния в Болгарии.

В конце декабря в одном из своих выступлений премьер Б. Борисов заявил, что после скандала в ДПС распространяются странные слухи о том, что через внутрипартийный спор в Болгарии выясняются отношения между Россией и Турцией. «Я хочу иметь дружеские отношения и с Россией, и с Турцией. Я выбрал этот путь, мое призвание защищать Болгарию и думаю, что делаю это наилучшим способом. Надеюсь, что Россия и Турция будут брать с нас пример и прекратят распространение конспирологических теорий о том, что кто-то может повлиять на Болгарию», – подчеркнул Борисов. Дабы не усугублять ситуацию, Борисов обратился к турецкому руководству с предложением отменить намеченный на январь 2016 г. визит в Болгарию турецкого министра иностранных дел и сообщил о своем отказе от встречи с ним[9].

8. Колкото по-малко проявяваме воинственост, по-добре за държавата. – www.mediapool.bg 25.11.2015.

9. Борисов призова Турция да не се бърка във вътрешните ни работи. – www.mediapool.bg 30.12.2015.

Когда стало известно, что перед своим предполагаемым смещением Местан укрывался в турецком посольстве, болгарское Министерство иностранных дел вынуждено было вручить ноту турецкому послу. Д. Митов объяснил, что в соответствии с существующими правилами он вызвал посла Турции, чтобы «преодолеть создавшееся в нашем обществе впечатление, что он вмешивается во внутренние дела Болгарии и что им не соблюдаются нормы Венской конвенции о дипломатических отношениях». Он добавил, что «драмы в одной политической партии в Болгарии не могут превращаться в лакмусовую бумагу двусторонних отношений»[10].

Судя по всему, болгарское руководство с чисто прагматической точки зрения было склонно придерживаться заявленного им нейтралитета в российско-турецком конфликте. Б. Борисов на встрече бизнеса с правительством 18 января 2016 г. заявил, что после разрыва отношений между Россией и Турцией от Болгарии требовали занять крайнюю позицию. «Когда сталкиваются два титана, от нас хотят, чтобы мы заявили о своей пророссийской или протурецкой позиции. Мы не придерживаемся обеих этих позиций. У Болгарии есть своя ясная евроатлантическая политика, и мы стремимся к добрососедству, надеюсь, они это тоже понимают»[11].

Однако у российской стороны вызвало немалое удивление решение Народного собрания страны о создании временной парламентской комиссии по изучению фактов и обстоятельств, связанных с утверждениями о вмешательстве РФ и Турции во внутренние дела Болгарии. В заявлении представителя МИД РФ указывалось, что история действительно знает примеры своеобразного так называемого «вмешательства» России во внутренние дела Болгарии, когда русский солдат приходил на территорию этой страны с оружием в руках, для того чтобы противостоять фашизму и освободить своих братьев. Ранее – освободить славян от пятивекового ига той же Турции. Когда возникают подобные нелепые абсурдные органы, которые, не пытаясь что-то выяснить, заранее утверждают заведомо ложные вещи, то в этой ситуации напомнить о нашей совместной общей истории всегда уместно[12].

Б. Борисов остался недоволен созданием комиссии. По его словам, от нее не было бы никакого толку, кроме ухудшения отношений и с Россией, и с Турцией. «Обе страны остро отреагировали на эту инициативу. И это в момент, когда мы стремимся к максимальной координации действий по

10. Външно министерство връчило протестна нота на турския посланик. – www.mediapool.bg 14.01.2016.

11. Премьер: Болгария ни с Россией, ни с Турцией, мы за добрососедство. – www.rus.bg 19.01.2016.

12. МИД России опасается, что в Болгарии может начаться «неомаккартизм». – www.mid.ru 25.02.2016.

разрешению миграционного кризиса. И Россия сделала большой поворот в отношении российского турпотока в Болгарию. Я смог сбалансировать отношения с этими двумя странами!» – заявил Борисов. Он подчеркнул, что не вмешивается в работу парламента, но обратился к председателю парламентской группы ГЕРБ и заместителю председателя партии Ц. Цветанову, попросив его оценить необходимость этой комиссии[13]. В конечном счете комиссия, так и не начав свою работу, была распущена.

Представляющий в правительстве антироссийское лобби, которое солидаризируется с президентом страны, Д. Митов решил «по-крупному» ответить на заявление представителя российского МИДа. В газете «24 часа» в статье «Болгарская память и история не нуждаются в регулировщике» он заявил, что болгарский народ помнит не только русские освободительные войска в 1877–1878 гг., но и «советскую оккупацию» в 1944 г. И уточнил, что «наставничество не является формой, в которой можно вести диалог с Болгарией». «В последнее время различные представители политической элиты в Москве позволяют себе различные комментарии в отношении болгарского народа и его институциональных представителей. К сожалению, их слова не помогают нашему стремлению к плодотворному диалогу и сотрудничеству, как и не соответствуют уровню взаимоуважения между болгарским и русским народами. Периодические комментарии от официальных представителей российского государства, последний пример которых последовал в эти дни, не соответствуют и общепринятым стандартам дипломатии», – заявил болгарский министр иностранных дел[14].

На сложном геополитическом фоне непросто складывалось и экономическое взаимодействие России и Болгарии. Существенно снизились объемы взаимного внешнеторгового товарооборота. В 2014 г. наблюдалось падение почти на четверть российского экспорта, связанное с общемировым снижением цен на углеводородное сырье. Близкими темпами он продолжал снижаться и в 2015 г. Болгарский же экспорт упал в минувшем году значительно сильнее, чем в 2014 г. – на четверть. Это было связано с воздействием на его объемы российских контрсанкций, существенно меньше повлиявших на него в 2014 г. По-прежнему почти 90% российских поставок обеспечивал сырьевой сектор, а именно – сырая нефть, нефтяные масла, природный газ и ядерное топливо для АЭС. Болгарский экспорт в Россию, как и в предыдущие годы, был более диверсифицирован: преобладали медикаменты, запасные части для автомобилей и оборудования, виноградные вина; из него, однако,

13. Борисов не очаквал нищо добро от комисията, разследваща намесата на Турция и Русия у нас. – www.mediapool.bg 28.02.2016.

14. Болгария заговорила о «советской оккупации» страны в 1944 г. – www.regnum.ru 03.03.2016.

была устранена продукция пищевкусовой промышленности, прежде всего молочной.

В мае 2015 г. на территории нефтеперерабатывающего завода «Лукойл Нефтохим Бургас» президент ОАО «ЛУКОЙЛ» В. Алекперов и премьер-министр Б. Борисов открыли комплекс по переработке тяжелых остатков. Это позволило повысить эффективность нефтепереработки за счет повышения ее глубины до 90% и увеличения производства светлых видов топлива с высокой добавленной стоимостью. Было начато производство высококачественных нефтепродуктов (горючего газа, бензина, дизельного топлива), отвечающих самым строгим требованиям Евросоюза. Комплекс потребовал от компании вложений в размере 1 млрд евро, а в целом за время своего существования с 1999 г. она стала крупнейшим иностранным инвестором в Болгарии[15].

«Лукойл Нефтохим Бургас» – крупное структурообразующее предприятие страны, направляющее существенные налоговые поступления в ее казну, оно обеспечивает работой и социальными гарантиями большой трудовой коллектив и является одним из ведущих болгарских экспортеров (в отдельные годы – до 10% всего экспорта). Несмотря на все это, российское происхождение предприятия служит поводом для недружественных выпадов со стороны антироссийски настроенных болгарских политиков. В последние два года значительно увеличилось количество внеплановых проверок компании, что отрицательно влияет на ее работу.

Обострение двусторонних отношений, однако, практически не помешало работам по увеличению сроков эксплуатации пятого и шестого энергоблоков на АЭС «Козлодуй». Выведя из эксплуатации по требованию ЕС существенно раньше срока четыре реактора на «Козлодуе», отказавшись от сооружения АЭС «Белене» Болгария на десятилетия вперед осталась только с двумя козлодуйскими энергоблоками. Для ее экономики решение этой проблемы является жизненно важным. Модернизацией и продлением срока работы пятого агрегата занимается выигравший тендер консорциум в составе российских «Росэнергоатома», «Русатом сервиса» и французской *Electricite de France*. Поскольку проведенные анализы реакторов, построенных Россией, доказали их отличное состояние, стоимость работ не превысит 360 млн евро. Обследование оборудования блоков показало, что имеется возможность получить разрешение от российской стороны еще на 30 лет эксплуатации.

В конце января 2016 г. в Софии было подписан контракт между АЭС «Козлодуй» с болгарской стороны и «Росатомом» и «Риск инжиниринг» – с российской о продлении срока эксплуатации шестого блока АЭС на 60 лет.

15. В Болгарии «ЛУКОЙЛ» открыл комплекс по переработке тяжелых остатков. – www.newsbg.ru 20.05.2015.

Продление срока эксплуатации пятого и шестого блоков, сообщала пресс-служба атомной станции, имеет важное значение не только для АЭС, но и для всей энергетики Болгарии. Оба блока вырабатывают более одной трети электроэнергии в стране и своей надежной работой обеспечивают ее энергетическую безопасность[16].

В июне 2016 г. арбитражный суд Парижа принял решение в пользу «Атомстройэкспорта» в споре с «НЕК» Болгарии о прекращении проекта АЭС «Белене» и постановил заплатить российской компании 1,1 млрд левов (550 млн евро). Суд удовлетворил лишь половину суммы иска российской компании. Арбитраж признал, что «НЕК» заказала оборудование, но не использовала его из-за остановки проекта.

Премьер Б. Борисов пояснил, что самые худшие опасения относительно итогов судебного дела обошли Болгарию стороной. «На практике Болгария купит то, что заказала ранее». Он сообщил, что дал поручение связаться с российской стороной и после консультаций с Еврокомиссией договориться, что делать с реактором – устанавливать его в стране или продавать. Борисов призвал политические партии, имеющие хорошие отношения с Россией, содействовать в реализации одного из двух вариантов.

Ставший заложником политических интриг газопровод «Южный поток» тоже мог быть взаимовыгодным инвестиционным проектом на территории Болгарии. Осенью 2015 г. Б. Борисов заявил, что «если бы первое правительство ГЕРБ не потеряло власть, газопровод сейчас уже строился бы», причем за меньшие деньги и что проект, который Болгария остановила из-за несоответствия европейским требованиям, был полезен для страны[17]. Не только с экономической точки зрения, но и с геополитической: наличие такого крупного трансъевропейского инфраструктурного объекта значительно укрепил бы репутацию государства.

Несмотря на решение России прекратить строительство «Южного потока», продиктованное отказом от его реализации ЕК и Болгарией, более года Болгария не получала официального подтверждения закрытия проекта. Периодически в печати появлялись заявления то одной, то другой стороны о возможном продолжении сооружения газопровода в том или ином виде.

Сразу после решения России прекратить сооружение газопровода болгарское правительство выступило на европейском уровне с инициативой сооружения в Варне газового хаба. Несколько месяцев Болгария обсуждала с ЕК возможность строительства сокращенного варианта «Южного потока»,

16. Болгария и Россия продолжат сотрудничество в энергетике. – www.rus.bg 28.01.2016.

17. Борисов: «Южен поток» щеше да се строи ако първият кабинет на ГЕРБ не беше паднал. – www.mediapool.bg 09.10.2015.

который поставлял бы российский газ до приемного терминала близ Варны по дну Черного моря. «Если мы сумеем под эгидой ЕК доставить российский газ до нашей территории, до Варны, откуда ЕС или европейский консорциум будет покупать его, – заявил болгарский премьер, – мы профинансируем свой газопровод, не предоставляя никому доли в нем, и будем получать транзитную таксу, соблюдая Третий либерализационный энергетический пакет»[18].

Между тем на внеочередных заседаниях акционеров болгаро-российской компании «Южный поток Болгария», состоявшихся в январе 2016 г. «Газпромом» было принято решение о расторжении договоров с тремя компаниями, занимающимися реализацией проекта на болгарской территории. Акционеры «Газпрома» и Болгарский энергетический холдинг, владеющие «Южным потоком Болгария» на паритетных условиях, договорились расторгнуть договоры с этими тремя компаниями. Это решение явилось продолжением процесса расторжения договоров, заключенных ранее по строительству газопровода.

В 2015 г. обострилась еще одна проблема в двусторонних отношениях, связанная с ремонтом российских военных самолетов, находящихся на вооружении болгарских Военно-воздушных сил. Еще в начале осени болгарские власти окончательно отказались от проведения ремонта самолетостроительной корпорацией «МиГ» под предлогом, что он обошелся бы дороже. В октябре болгарский министр обороны подписал с польским коллегой соглашение о ремонте шести двигателей российских истребителей МиГ-29. Выполнение ремонта на польских предприятиях станет основанием для приостановки РСК «МиГ», дальнейшего исполнения контрактных обязательств по поддержанию самолетов МиГ-29 ВВС Болгарии. Это поставит под вопрос не только правомерность дальнейшего использования таких самолетов, но и безопасность жизни летчиков[19]. Так что в очередной раз интересы страны принесены в жертву политическим интересам болгарского руководства.

Состоявшееся в январе 2015 г. в Софии после пятилетнего перерыва 15-е заседание МПК было посвящено накопившимся проблемам двустороннего взаимодействия, расширению контактов в таких сферах, как торгово-экономическое, инвестиционное и региональное сотрудничество, сотрудничество малых и средних предприятий, сотрудничество в энергетике, строительстве, сельском хозяйстве, в области судостроения и судоремонта, транспорта, культуры и туризма, информационно-коммуникационных технологий, в научно-технической сфере и образовании.

18. Премьер: У Болгарии появился шанс вернуть российских туристов и газ. – www.newsbg.ru 05.12.2015.

19. Российская корпорация МИГ «пожаловалась» послу РФ в Болгарии. – www.newsbg.ru 28.10.2015.

По окончании заседания болгарский министр экономики, сопредседатель комиссии Б. Лукарский заявил, что состояние двустороннего экономического сотрудничества, а конкретнее – товарообмен с Россией Болгарию не удовлетворяет: у нее есть возможность увеличить объем экспорта в Россию. По его словам, негативные тенденции в товарообмене двух стран, которые стали результатом введения санкций, могут быть преодолены с помощью создания совместных предприятий по консервированию овощей и фруктов, строительства оранжерей на территории России, в которых будут выращивать традиционную для Болгарии сельскохозяйственную продукцию. Он сообщил, что агентство поддержки малых и средних предприятий Болгарии и российское агентство поддержки малого и среднего бизнеса договорились о развитии совместных предприятий и участии болгарских предприятий на выставках в регионах России[20].

На Петербургском международном экономическом форуме Б. Лукарский предложил создание совместных болгаро-российских предприятий по производству высокотехнологических изделий для продажи в России, ЕС и других странах. Болгария, сказал он, готова создать совместное предприятие по производству морских судов и плавающих платформ; она заинтересована в производстве судов и оборудования для них, в проведении их ремонта совместно с российскими компаниями, а также в восстановлении кооперативного производства мостов для «Камазов» в Болгарии.

Итак, резкое осложнение политической обстановки, обостряющиеся экономические проблемы России и отсутствие консенсуса в рядах болгарских политиков делают перспективы российско-болгарских отношений весьма неопределенными. Ясно пока лишь одно: никаких крупных совместных проектов с Болгарией как с несамостоятельным государством, не имеющим возможностей отстаивать свои интересы ни на европейском, ни на американском поле, России начинать не следует. Агрессивные антироссийские настроения части правящей элиты, готовой жертвовать интересами страны в угоду евроатлантическим союзникам, будут и далее препятствовать улучшению двусторонних отношений. Это отнюдь не способствует преодолению Болгарией статуса самой бедной страны Евросоюза, отягощенной тяжелыми демографическими и социальными проблемами.

20. Увеличение товарооборота и усиление экономического сотрудничества – приоритеты двусторонних отношений Болгарии и России. – www.rus.bg 29.01.2016.

СЕГОДНЯШНЯЯ УКРАИНА

В.Н. Бабенко

«МАЙДАННАЯ» УКРАИНА (2005–2014): МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОСОЮЗОМ

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Термин «майданная» Украина в последнее время стал достаточно широко применяться некоторыми публицистами и политологами. Его связывают с появлением на Украине своеобразного института «народовластия», который создавался в период президентских выборов 2004 г. и после отказа В. Януковича осенью 2013 г. подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Особый порядок формирования этого «института» определял, что ядро его активистов должно было состоять из представителей правых и националистических партий и движений. Поэтому ассоциировать майдан с вечевым собранием Древней Руси, которое принимало участие в решении важнейших государственных вопросов, учитывая его представительность и легитимность, было бы неверно. Тем не менее майдан принимал активное участие в борьбе за отмену результатов второго тура президентских выборов в декабре 2004 г., в подготовке и совершении государственного переворота в феврале 2014 г. Насколько долго будет применяться данный термин и ощущаться последствия потрясений, настигших Украину во время этих двух майданов, будет зависеть от зрелости и решительности обманутого и униженного украинского народа. Как же случилось, что лидеры и политические элиты Украины смогли довести страну фактически до катастрофы?

* * *

После распада СССР Украине впервые в ее истории пришлось в достаточно сложной внутриполитической обстановке искать свое место в международном сообществе и мировой экономике, разрабатывать основные

направления своей внешней политики. При этом ее руководство не всегда учитывало особенности политических, экономических и историко-культурных факторов. А это нередко приводило, с одной стороны, к противостоянию различных политических сил в стране, с другой – к возникновению проблем в отношениях с Россией, с которой в советский период сложились тесные политические и экономические связи.

В то же время в геополитической стратегии США и государств ЕС главной целью стало стремление политически и экономически оторвать Украину от России, втянуть ее не только в Евросоюз, но и в НАТО. «Как хорошо видно по риторике и действиям американских политиков и должностных лиц, украинский конфликт изначально организовывался США против России, его ближайшей реальной целью является окончательный отрыв Украины от России», – отмечает академик РАН С. Глазьев [4, с. 104]. В свою очередь украинский политолог Г.В. Касьянов обосновывает западный курс Украины необходимостью найти у США и ЕС «поддержку и противовес России». Он считает, что этому в значительной мере способствовали политические элиты Украины, которые, с одной стороны, «балансировали между Россией и Западом и тонули в коррупции», а с другой – не желали «заходить слишком далеко в перетягивании каната с Россией» [8, с. 111–112].

Важное значение приобретают в связи с этим вопросы, касающиеся роли первых президентов, внесших свой вклад не только в определение политического выбора Украины, но и в разрушение национальной экономики и начавшийся процесс распада страны. Особый интерес представляет собой период 2005–2014 гг., когда происходили существенные изменения в избирательной системе и в органах государственной власти, приведшие к февральскому перевороту 2014 г. Это было в значительной мере обусловлено тем, что в Конституции и других нормативных актах Украины президенту и премьер-министру предоставлялись достаточно широкие полномочия, особенно в сфере реализации внешнеполитических решений. Правовая неурегулированность этих вопросов нередко приводила к возникновению конфликтных ситуаций. Противоречия в этот период были связаны с разработкой основных направлений национальной внешнеполитической стратегии. Они тесно переплетались с решением вопроса о выборе главного вектора интеграции: вступление Украины в ЕС и НАТО или в Таможенный союз. Руководство Украины пыталось решать этот вопрос по-разному, в зависимости от складывавшейся политической конъюнктуры и других факторов.

При президенте Л. Кравчуке (1991–1994) Украине и России не удалось решить следующие проблемы: заключить двусторонний договор о взаимовыгодном сотрудничестве; завершить раздел Черноморского флота и определить места его базирования; осуществить вывод и утилизацию ядерного оружия и боеприпасов, находившихся на территории Украины; провести

демаркацию сухопутных и морских границ между двумя странами; согласовать взаимоприемлемую модель формирования цен на газ и другие энергоресурсы.

Определяющую роль в решении этих проблем должны были сыграть глава государства и Верховная рада Украины, которые представляли интересы соответствующих политических элит. Однако они полностью игнорировали общие историко-культурные связи и традиции двух братских народов в угоду псевдолиберальным и националистическим устремлениям. Кроме того, Л. Кравчука не без оснований обвиняют в том, что в годы его правления в органах государственной власти достаточно сильно распространилась коррупция, а также резко снизился уровень экономического развития страны. Его критикуют также за отказ от ядерного оружия. Хотя окончательное решение по данному вопросу принимал уже следующий президент Л. Кучма.

Итогам деятельности Л. Кравчука на посту президента Украины дал лаконичную, но предельно точную оценку французский политолог К. Моро, подчеркнув, что они так же «плачевны, как и результаты президента Ельцина» [13, с. 49].

В период президентства Л. Кучмы (1994–2004) удалось заметно активизировать украинско-российские отношения, прежде всего во второй половине 1990-х годов. Была существенно расширена нормативно-правовая база двусторонних отношений. Так, 28 мая 1997 г. были подписаны три соглашения, определявшие параметры раздела Черноморского флота, статус и условия пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины, порядок взаиморасчетов, связанных с разделом Черноморского флота. 31 мая 1997 г. был заключен «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной», который определил основные принципы взаимоотношений двух стран.

Как видим, была значительно расширена нормативно-правовая база равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между Украиной и РФ. Тем не менее в полной мере реализовать провозглашавшиеся в названных документах цели, к сожалению, не удалось. В то же время Украина развивала отношения с Евросоюзом, которые базировались на Указе президента Л. Кучмы от 11 июня 1998 г. Затем на его основе была утверждена «Стратегия интеграции Украины в Европейский союз». Кроме того, 10 декабря 1999 г. на Хельсинкском саммите Европейского совета была принята «Общая стратегия ЕС в отношении Украины». Естественно, украинская политика балансирования между Россией и Евросоюзом не могла тогда устроить ни одну из сторон.

Г.В. Касьянов охарактеризовал внешнюю политику Украины в начале XXI в. как «прыжки в сторону». По его мнению, украинско-российские отношения развивались в этот период неровно, так как они «в значительной

мере определялись взаимодействиями между кланово-олигархическими структурами обеих стран, в первую очередь теми, которые касались рынка энергоносителей (через украинскую газотранспортную систему проходило 90% газа, который Россия продавала за рубеж)» [8, с. 289–290]. К тому же на развитие двусторонних отношений оказывало значительное влияние русское и русскоязычное население, компактно проживавшее в Восточных и Юго-Восточных регионах страны, которые и имели самые тесные экономические и культурные связи с Россией.

Несмотря на то что в этот период появилась, как отмечает Г.В. Касьянов, очевидная тенденция сближения между двумя странами, отдельные действия двух государств заметно ей противоречили. К ним относятся прежде всего «ограничения на импорт украинских товаров в Россию, в частности на продукцию сахарной и спиртовой промышленности, на металлургические изделия (трубы)» [там же, с. 290]. Кроме того, неприятный осадок остался и от переговоров о создании украинско-российского газотранспортного консорциума, в котором Украина стремилась получить контрольный пакет акций, а бóльшую часть затрат на модернизацию газопровода стремилась переложить на Россию. Негативное влияние на развитие двусторонних отношений оказал и инцидент с российским авиалайнером Ту-154, ошибочно сбитым украинскими ПВО над Черным морем 4 октября 2001 г. Как известно, первоначально Украина отрицала свою причастность к трагедии. Серьезным испытанием для развития украинско-российских отношений стали события осени 2003 г., связанные со спорами по поводу принадлежности острова Тузла в Керченском проливе.

Бывший глава администрации президента Украины и заместитель премьер-министра Украины Д. Табачник отмечает, что «попытки сбалансировать западное влияние российским предпринимались постоянно и во многом стали причиной ставки Вашингтона на замену достаточно лояльной, но излишне самостоятельной в отстаивании государственных интересов Украины администрации Кучмы своей прямой марионеткой, что стало реальностью после государственного переворота конца 2004 г.» [15].

Положительные аспекты украинско-российского сотрудничества были омрачены провозглашением украинским руководством курса на вступление в Евросоюз и НАТО. А это напрямую противоречило соглашениям о создании Единого экономического пространства, подписанным Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной и подтверждало «многовекторный» характер внешней политики Украины.

Внешнеполитический курс Украины в этот период политологи определили как «прыжки в сторону», «шаг в сторону России, два в сторону Запада», «евроизоляцию» Украины, политику балансирования между Россией и Западом и т.п. Недальновидная и двуликая политика президента Л. Кучмы, а так-

же отсутствие у российского руководства концептуально обоснованной внешнеполитической стратегии в отношении Украины не позволили использовать уникальный исторический шанс, чтобы установить между двумя странами взаимовыгодные отношения на долгосрочную перспективу. Как отмечает К. Моро, Л. Кучма не стал сторонником сближения с Россией, а его правление «имело такие же плачевные результаты, как и президентство его предшественника» [13, с. 49].

Политические оппоненты обвиняли Л. Кучму в преследовании оппозиционных лидеров, незаконной торговле оружием, в коррупционных связях с олигархами и т.п. В ноябре 2000 г. разразился так называемый «кассетный скандал», когда Л. Кучму обвинили в устранении популярного журналиста Георгия Гонгадзе. После этого оппозицией была организована акция «Украина без Кучмы», которая затем переросла в крупные демонстрации и в создание палаточных городков в центре Киева. По существу, это явилось прообразом будущего майдана.

Следующий президент Украины Виктор Андреевич Ющенко родился 23 февраля 1954 г. в селе Хоружевка Сумской области Украинской ССР. В 1975 г. он окончил Тернопольский финансово-экономический институт. Прошел путь от заместителя главного бухгалтера колхоза «40-летие Октября» в Ивано-Франковской области до председателя правления Национального банка Украины в 1993 г. С декабря 1999 г. по апрель 2001 г. В. Ющенко являлся премьер-министром Украины. Он был отправлен в отставку в результате вотума недоверия, объявленного Верховой радой кабинету министров. В конце 2001 г. он сформировал избирательный блок «Наша Украина», в состав которого вошли несколько правых партий и движений. Во время президентских выборов 2004 г. В. Ющенко в первом туре набрал 39,7% голосов избирателей, а во втором туре – 46,61% и потерпел поражение от В. Януковича. Большая финансовая помощь и поддержка со стороны США и лидеров Евросоюза способствовали организации в Киеве майдана, под влиянием которого Верховный суд Украины признал недействительными результаты второго тура президентских выборов. Было назначено повторное голосование на 26 декабря 2004 г., в ходе которого В. Ющенко набрал 51,99% голосов и 10 января 2005 г. был объявлен победителем. А 23 января 2005 г. он вступил в должность президента Украины.

Как видим, уже в период президентских выборов возникли юридические коллизии и противоречия между основными политическими элитами. Они затем достаточно остро проявились в трактовке и соблюдении подписанных ранее нормативных документов, регулировавших украинско-российские отношения, и в практических действиях властей Украины. Основой двусторонних отношений формально оставался «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве» от 31 мая 1997 г., который 1 октября 2008 г. был автоматиче-

ски продлен на ближайшее десятилетие. Оставались в силе и многие другие соглашения, заключенные во времена президентства Л. Кучмы.

Однако В. Ющенко начал предпринимать шаги, противоречившие принципам дружбы и партнерства с Россией, закрепленным в Договоре 1997 г. К. Моро абсолютно справедливо утверждает, что после прихода к власти В. Ющенко открылся «новый виток галицизации, усилилась борьба против русского языка, продолжилось движение в сторону НАТО, начатое его предшественниками» [13, с 49–50].

В действительности В. Ющенко, пришедший к власти в результате «оранжевой» революции, сразу четко заявил о своем геополитическом выборе, ориентированном на Евросоюз и НАТО. При этом он не учитывал такие факторы, как тесные экономические связи украинских предприятий с предприятиями стран СНГ, энергетическую зависимость Украины, историко-культурные традиции и др. Все это привело к острым противоречиям, возникшим между президентом В. Ющенко и премьер-министром Ю. Тимошенко, с одной стороны, «Партией регионов» во главе с В. Януковичем и рядом политических сил – с другой.

22 февраля 2008 г. В. Ющенко в интервью обозревателю газеты «Время новостей», пытался доказать свою непричастность к началу процесса интеграции Украины с ЕС и ее вступления в НАТО. «В 2003 году принимается, – отмечал он, – закон конституционным большинством в 319 депутатов Рады об основах национальной политики безопасности», одним из пунктов которого было «членство в НАТО». В том же году была принята «Национальная стратегия развития Украины до 2015 года», составителем которой являлся премьер-министр В. Янукович, а один из ее пунктов «посвящен нашей интеграции в НАТО». Как подчеркивал В. Ющенко, «программа действий по членству (ПДЧ) в НАТО должна была быть выполнена в 2006 году, а членство в НАТО – в 2008 году». Вступление Украины в НАТО было якобы обусловлено необходимостью гарантировать ей «суверенитет и сохранение национальной целостности». При этом он указывал, что это «не несет ни одной угрозы России» [2, с. 2]. О каком суверенитете государства, вступившего в ЕС и НАТО, можно всерьез рассуждать? Ведь, вступая в эти надгосударственные образования, любая страна делегирует им значительную часть своих властных полномочий в экономической, внешнеполитической и военной сферах.

Для получения поддержки руководителей западных государств и изменения общественного мнения внутри страны лидеры «оранжевой» революции использовали различные приемы. К ним можно отнести настойчивые попытки В. Ющенко добиться признания голода 1932–1933 гг., поразившего кроме Украины и значительные территории РСФСР, геноцидом украинского народа.

Кроме того, руководство Украины заняло особую позицию после нападения Грузии на Южную Осетию. Оно квалифицировало эти агрессивные действия как внутреннее дело Грузии, якобы наводившей порядок на своей территории, безжалостно уничтожая мирное население и российских миротворцев. Президент В. Ющенко не только всецело поддержал агрессию Грузии, но и 13 августа 2008 г. издал указ, в соответствии с которым предлагал ввести ограничения на передвижения кораблей Черноморского флота, что было прямым нарушением положения действовавшего в то время «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» 1997 г. Это вызвало достаточно жесткую реакцию со стороны руководства России.

В период президентства В. Ющенко активизировалась деятельность русофобов и бывших фашистских пособников, которые получали поддержку со стороны руководителей отдельных областей Украины. Однако не все средства массовой информации адекватно реагировали на них. На Международном экспертно-политическом форуме «Форос-2008» первый вице-спикер Крымского парламента С. Цеков отмечал, что основной причиной ухудшения российско-украинских отношений является «антироссийская и даже русофобская политика органов госвласти Украины» [10, с. 7].

Депутат Верховной рады В. Колесниченко указывал, что после «оранжевой» революции в стране «происходит систематическая, системная, последовательная политика националистических кругов Украины на расторжение отношений с Российской Федерацией и создание из нее стратегического врага» [9, с. 12]. Для реализации этих задач данная часть политической элиты Украины использует: «попрание прав русскоязычного населения, искоренение русского языка и литературы, истории, в том числе Великой Отечественной войны» [там же]. Было очевидно, что украинская властная элита не в состоянии адекватно оценивать сложную политическую и социально-экономическую ситуацию в стране, а также многовековой исторический опыт. К сожалению, предвидение В. Колесниченко, высказанное в начале 2009 г., в настоящее время сбылось. Нынешний президент П. Порошенко в своих выступлениях неоднократно называл главным врагом Украины Россию.

Несмотря на массовые протесты населения и требования оппозиционных партий провести референдум по вопросу о вступлении Украины в Евросоюз и НАТО, руководители Украины не прислушались к мнению большинства граждан страны. Внешнеполитический курс администрации В. Ющенко, по мнению Д. Табачника, полностью подчинен «интересам США и ничего общего не имеет ни с государственными интересами Украины, ни с волей и убеждениями большинства украинских избирателей», превратившись в политику «воинствующей русофобии и пещерного национализма» [15].

Характеризуя роль В. Ющенко в изменении приоритетов во внешней политике страны, автор указывает, что он «отличается от остальных украинских политиков националистического лагеря тем, что не просто шкодит соседу по мелочам, а искренне считает Россию врагом, которого следует уничтожить, и не менее искренне надеется, что США это сделают» [15].

В одном из своих интервью Л. Кучма подверг резкой критике внешнюю политику президента Украины В. Ющенко, подчеркнув при этом, что только «Россия может позволить себе развиваться в том направлении, которое считает нужным». Зависимость же Украины во многих областях является настолько очевидной, что «нам не с чем идти в Европу» [6, с. 3]. Остается только сожалеть о том, что прозрение у экс-президента Украины наступило так поздно. Ведь ошибки, допущенные в период его президентства, как раз и способствовали образованию в Киеве «майдана» и приходу к власти «оранжевого» руководства, а также возникновению острого политического и социально-экономического кризиса в стране и привели к серьезному обострению украинско-российских отношений.

После прихода в 2005 г. к власти «оранжевой» коалиции украинско-российское торгово-экономическое сотрудничество все чаще стали связывать с экономической, политической и военной безопасностью страны. Украина предпринимала попытки существенно разнообразить источники энергоснабжения для укрепления собственной экономической безопасности. Россия же стремилась в этот период добиться диверсификации транзитных маршрутов доставки газа и нефти основным европейским потребителям с тем, чтобы свести до минимума зависимость от политических демаршей украинских властей.

Академик НАН Украины В.М. Геец на заседании российско-украинского Круглого стола (Москва, 7–8 октября 2008 г.) вынужден был признать, что проблемы реструктуризации экономики Украины так и не были решены. «Мы однозначно можем констатировать, – отмечал он, – что структура экономики Украины остается неэффективной, то есть такой, которая нерационально использует свои природные ресурсы, что пагубно для нее, а энергоемкость производства остается одной из самых высоких среди многих стран» [3, с. 54–55].

Касаясь попыток президента В. Ющенко и его окружения фальсифицировать общую историю двух стран, академик НАН Украины П. Толочко в интервью газете «Известия» достаточно подробно остановился на основных вопросах, которые подвергаются откровенной фальсификации. Стремление приписать России уничтожение украинской культуры и языка, считает он, не имеет никаких оснований. В то же время он отметил, что Россия уделяет ничтожно мало внимания работе в самой Украине, учредив только один филиал Института стран СНГ. «А хозяйничают, – подчеркивает П. Толочко, –

американцы: разные фонды, институты, центры, какие-то благотворительные организации», где «кормится» вся политологическая элита Украины [16, с. 4].

Г.В. Касьянов справедливо указывает, что попытки фальсификации общей истории, предпринятые украинским руководством в 2005–2009 гг., органично вписались в общий контекст «похолодания» в украинско-российских отношениях, которое наступило после победы «оранжевой» революции. «Последовавшие за этим энергетические, таможенные, тарифные, мясомолочные, сахарные, трубопрокатные и пр. "войны" были прямым следствием прихода к власти на Украине сил, которые воспринимались В. Путиным, Д. Медведевым и их окружением как "прозападные", "антироссийские", "националистические"» [7, с. 22]. Стремление Украины вступить в НАТО и Евросоюз рассматривались Россией как «угроза нарушения реального или гипотетического баланса в регионе традиционного доминирования», а это, считает Г.В. Касьянов, и спровоцировало «экономические, политические и идеологические санкции против Украины, резонанс от которых усугублялся отсутствием реальных реформ на Украине и хаосом во власти, последовавшим за оранжевой революцией» [там же].

Таким образом, В. Ющенко и его администрация под влиянием ведущих западных государств и в первую очередь США проводили широкомасштабную пропагандистскую кампанию по разъяснению среди населения преимуществ вступления страны в НАТО, используя всевозможные методы и средства для формирования негативного образа России. Против России фактически была развернута хорошо организованная информационная война.

В целом к концу 2009 г. «оранжевая» власть во главе с В. Ющенко завела украинско-российские отношения в тупик. Попытка сменить принцип «многовекторности», широко применявшийся в украинской внешней политике при президенте Л. Кучме, на единственный «западный вектор», предполагавший вступление Украины в ЕС и НАТО, потерпела крах. А усилия президента В. Ющенко добиться включения своей страны в общеевропейскую систему безопасности без России остались бесперспективными. Украина в результате некомпетентной политики «оранжевого» руководства оказалась в тяжелой политической и социально-экономической ситуации.

Четвертый президент Украины Виктор Федорович Янукович родился 9 июля 1950 г. в поселке Жуковка Донецкой области. В 1980 г. заочно окончил Донецкий политехнический институт по специальности «инженер-механик». До 1989 г. он прошел путь от автослесаря до механика автомобильного предприятия. Затем являлся генеральным директором таких крупных объединений, как «Донбасстрансремонт», «Углепромтранс» и «Донецкавтотранс». В 1997 г. он стал губернатором Донецкой области. А в ноябре 2002 г. был назначен премьер-министром Украины. В апреле 2003 г. В. Янукович был избран председателем Партии регионов, а в июне

2004 г. выдвинут кандидатом в президенты Украины. В результате отмены Верховным судом результатов голосования и переноса второго тура на 26 декабря 2004 г. он уступил победу В. Ющенко. Тем не менее в августе 2006 – декабре 2007 г. он исполнял обязанности премьер-министра Украины. В начале 2010 г. на очередных президентских выборах он опередил Ю. Тимошенко на 3,48%, набрав во втором туре 48,95% голосов избирателей. 25 февраля 2010 г. В. Янукович вступил в должность президента Украины.

Первые заявления и действия В. Януковича позволяли надеяться, что «похолодание» в украинско-российских отношениях будет окончательно преодолено. Это нашло подтверждение 5 марта 2010 г. в Москве в совместном заявлении президентов двух государств. Затем последовали конкретные шаги, которые воплощались в соответствующих соглашениях. Так, 21 апреля 2010 г. Д. Медведев и В. Янукович подписали в Харькове соглашение о продлении базирования Черноморского флота РФ в Крыму до 2042 г. и получении Украиной существенной скидки на российский газ. К тому же в ходе визита 17–18 мая 2010 г. Д. Медведева в Киев были подписаны следующие соглашения: о демаркации российско-украинской границы, о сотрудничестве в сфере использования и развития навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, о межбанковском сотрудничестве между Укрэксимбанком и банком ВТБ, о первоочередных мерах по развитию научно-образовательного сотрудничества на 2010–2012 гг., а также Программа сотрудничества между Министерством культуры и туризма Украины и Министерством культуры РФ на 2010–2014 гг.

Ярким примером двустороннего сотрудничества в области авиастроения явился уже совместно реализованный проект создания самолета Ан-148, который начали выпускать в Воронеже и Киеве [12, с. 3]. Важно отметить, что украинские и российские предприятия совместно решали в то время любые возникавшие технологические и производственные проблемы.

Тем не менее С. Жильцов считает, что такая уступчивость украинского руководства была связана прежде всего с трудным социально-экономическим положением, сложившимся в стране. «Как ни цинично звучит, но пока в Украине сохраняется сложная ситуация и востребованы ресурсы “старшего брата”, украинские власти будут делать все, – указывал он, – чтобы в Москве были уверены, что отказ от наследия Виктора Ющенко – это всерьез и надолго» [5].

28 июня 2010 г. во время встречи в Москве глав правительств двух стран было принято решение о том, что Россия предоставит Украине начиная с 2011 г. квоту на беспошлинный ввоз в Россию сахара в размере 300 тыс. т в год. Намечено также расширение сотрудничества в сфере электроэнергетики, атомной энергетики и т.д. Переговоры по вопросу объединения «Газпрома» и «Нафтогаза», начатые по инициативе российского премьера, не были

завершены, так как украинская сторона, обещая уступки, воздерживалась от конкретных шагов. В то же время руководитель российской компании А. Миллер осторожно высказался о возможном создании совместного предприятия с равными долями капитала. Глава правительства Украины Н. Азаров заявил: «Никакого слияния “Нафтогаза” и “Газпрома” не будет», а в настоящее время лишь ведется «поиск организационной формы, которая позволит синтезировать эффект работы нашего “Нафтогаза” и “Газпрома”» [14]. Стало очевидно, что украинская сторона не желала договариваться о модернизации своей газотранспортной системы только с Россией, стремясь включить в этот процесс и ЕС, с которым она уже имела соответствующее соглашение, заключенное в период президентства В. Ющенко.

Украинское руководство к тому времени не смогло извлечь уроки из просчетов недавнего прошлого, когда Украина пыталась модернизировать свою ГТС только при помощи ЕС. И никто не может ответить на вопрос: где же обещанная помощь и модернизация? Поэтому украинское правительство вынуждено было изменить свою тактику. Оно пыталось осуществить нажим на руководство Евросоюза с тем, чтобы ЕС оказал давление на Россию в решении этого вопроса. Естественно, такая тактика не принесла успеха, а наоборот насторожила Россию при подготовке с Украиной новых соглашений.

В принятом Верховной радой 1 июля и утвержденном президентом Украины В. Януковичем 15 июля 2010 г. Законе «Об основах внутренней и внешней политики» провозглашалась внеблоковость Украины, что фактически означало ее отказ от вступления в НАТО. В то же время в законе подчеркивалось, что, поддерживая политику внеблоковости, Украина будет продолжать конструктивное партнерство с НАТО и другими военно-политическими блоками в вопросах, представляющих взаимный интерес. Важной целью ее внешней политики является также вступление в Европейский союз. Несмотря на существенный прогресс по сравнению с внешнеполитической стратегией его предшественника В. Ющенко, стали настораживать высказывания В. Януковича по поводу европейской интеграции, сделанные в ходе его первого зарубежного визита в Брюссель в качестве президента Украины. Он подчеркивал, что необходимо решить три основных вопроса: заключить соглашение о безвизовом режиме, создать зону свободной торговли и предоставить Украине статус ассоциированного члена ЕС. И здесь возникает вопрос: насколько можно сочетать такую политику с экономической и политической интеграцией Украины с Россией и другими странами СНГ? Продолжать тактику Л. Кучмы «шаг в сторону России, два в сторону Запада» бесперспективно. Ведь опыт такого балансирования между Западом и Россией в начале XXI в. привел, как известно, к серьезному внутриполитическому кризису в стране и «оранжевой» революции.

Очевидно, прав К. Моро, указывая, что В. Янукович попытался использовать слабость украинской оппозиции, дискредитировавшей себя союзом с неонацистской «Свободой», решил отказаться «от своей предвыборной программы по сближению с Россией и приданию русскому языку официального статуса и начал подготовку соглашения об ассоциации с Евросоюзом». По его мнению, В. Янукович считал, что на президентских выборах 2015 г. «юго-восток все равно проголосует за него, даже если будет чувствовать себя обманутым» [13, с. 63]. Тем не менее, осознав свои просчеты, он отказался подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. «И только в декабре 2013 г., буквально загнанный в угол Евросоюзом, он обращается к России, – пишет К. Моро, – так и не вступив в Таможенный союз» [там же, с. 67–68]. Однако было уже поздно. В. Янукович к тому времени полностью потерял поддержку политических элит Украины, на которых оказывали большое влияние их западные покровители во главе с США. Надвигавшийся новый «майдан» он уже был не в состоянии остановить.

* * *

Следует напомнить, что во время инаугураций президенты Украины клялись на Священном Писании служить верой и правдой украинскому народу, обещали привести страну к процветанию. Но в реальной политике они быстро забывали свои обещания. А это неоднократно приводило к глубокому политическому и социально-экономическому кризису и «евромайдану». «Государственный переворот, который 21 февраля 2014 г. осуществили самые радикальные участники Майдана, – подчеркивает К. Моро, – положил конец преемственности украинской конституции, худо-бедно пережившей оранжевую революцию и 23 года общей неразберихи» [13, с. 91].

Бывший премьер-министр Н. Азаров считает, что «Майдан был прямой диверсией против народа Украины организаторов переворота, олигархов и их зарубежных покровителей» [1, с. 478]. Он резко обвиняет нынешнюю киевскую власть: «Мало того, что почти полгода на Украине действовал не предусмотренный никаким законодательством исполняющий обязанности Президента, но этот деятель взял еще на себя ответственность подписать Указ о проведении антитеррористической операции (АТО), в результате которой погибли десятки тысяч граждан Украины, причинен колоссальный ущерб народному хозяйству, разрушены города и села, заводы и фабрики, угольные шахты и теплоэлектростанции» [там же, с. 486].

Как справедливо отмечает К.П. Курылев, «опыт Украины убеждает в том, что сценарий, запущенный США в регионе СНГ, призван решить главную геостратегическую, политико-экономическую и военную задачу – устранение России как окрепшего и независимого игрока в условиях становления

нового миропорядка» [11, с. 44]. По мнению К. Моро, «Украине необходимо в обязательном порядке отгородиться от идеологии Галиции, осознать свою принадлежность к Древней Руси на равных с Россией и построить многоязычное государство-нацию, основанное на идее гражданского общества, а не идеологическом господстве фанатичного и манипулируемого меньшинства» [13, с. 159].

Нынешнее руководство Украины, легитимность которого многие эксперты оспаривают, не является самостоятельным и находится под достаточно сильным внешним влиянием. Поэтому решить острые внутриполитические и социально-экономические вопросы даже в условиях массированного распространения русофобии в стране и добиться обещанной США и Евросоюзом помощи оно не в состоянии. Очевидно, что в условиях кризиса, возникшего в связи с выходом Великобритании из ЕС, никто Украину с распростертыми объятиями в Евросоюзе не ждет. Хотелось бы надеяться, что в ближайшие годы народ Украины осознает все произошедшее и потребует, чтобы нынешнее руководство, приведшее к развалу страну, развязавшее кровавую гражданскую войну, практически уничтожившее промышленность и расколовшее украинское общество, уступило власть правительству народного единства. Только оно способно очистить Украину от неонацистской идеологии и восстановить разрушенную экономику при помощи России на основе взаимовыгодного сотрудничества и добрососедских отношений.

Литература

1. Азаров Н.Я. Украина на перепутье. Записки премьер-министра. – М.: Вече, 2015. – 512 с.
2. Виктор Ющенко: Вступление Украины в НАТО не несет новых угроз России // Время новостей. – М., 2008. – № 29, 22 февраля. – С. 1–2.
3. Геец В.М. Проблемность структурных трансформаций экономики стран с развивающимися рынками // Економіка і прогнозування. – Київ, 2009. – № 1. – С. 54–69.
4. Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. – М.: Книжный мир, 2016. – 512 с.
5. Жильцов С. Контуры стратегического партнерства: Экономическая ситуация заставляет Киев проявлять гибкость // Независимая газета. – М., 2010. – № 113, 7 июня. – С. 11.
6. Кассетный скандал: Украинские таможенники забрали у наших журналистов видеоматериалы // Известия. – М., 2008. – № 131, 21 июля. – С. 1, 3.
7. Касьянов Г. «Комиссия Медведева»: Взгляд с Украины // Европа = Europa. – Warszawa, 2009. – Т. 9, № 2. – С. 19–23.
8. Касьянов Г. Україна 1991–2007: Нариси новітньої історії. – Київ, 2007. – 432 с.
9. Колесниченко В. Политика меньшей значимости: Без наращивания кооперационных связей интеграция в СНГ невозможна // Независимая газета. – М., 2009. – № 31, 16 февраля. – С. 12.
10. Криминальные разборки: Политклуб «Известий» горячо обсудил в Форосе российско-украинские отношения // Известия. – М., 2008. – № 132, 22 июля. – С. 1, 7.

11. Курылев К.П. Внешнеполитическая концепция Украины в условиях формирования европейской системы безопасности (1991–2014 гг.): Автореф. дис. …д-ра ист. наук. – М., 2015. – 50 с.

12. Летящие вместе: Украина предложила России объединиться в производстве самолетов // Известия. – М., 2010. – № 92, 25 мая. – С. 1–3.

13. Моро К. Украина: В чем ошиблась Франция / Пер. с фр. яз. А.Л. Астаниной, Е.А. Беляевой. – М.: Фонд исторической перспективы, 2016. – 160 с.

14. Москва и Киев запутались в словах: Споря об объединении «Нафтогаза» с «Газпромом», украинская сторона оказывает давление на ЕС // Независимая газета. – М., 2010. – № 124, 22 июня. – С. 6.

15. Табачник Д. Украина: Политика упущенных возможностей // 2000: Еженедельник. – Киев, 2008. – № 42, 17–23 октября. – С. 5.

16. Толочко П. «Нельзя отдать на растерзание Ющенко нашу общую историю» // Известия. – М., 2008. – № 211, 12 ноября. – С. 1, 4.

В.Ю. Даренский

МАССОВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ОСМЫСЛЕНИЯ

Даренский Виталий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент Луганского государственного университета им. В. Даля.

Феномен радикального национализма, фактически пришедшего к власти в современной Украине, представляет собой актуальный предмет социально-психологического и теоретического исследования. В первую очередь требуют анализа и поиска причин две главные особенности современного радикального украинского национализма.

Во-первых, он давно уже не является маргинальным явлением, как это имеет место в Европе. Он стал *массовым* явлением, охватившим как минимум половину населения Украины, абсолютно доминирует ныне в украинской политике, путем жестоких репрессий подавив всех своих оппонентов. В этом отношении украинский национализм является экстраординарным явлением для современной Европы и ныне имеет некоторые аналоги лишь в ряде стран Африки и Азии.

Во-вторых, современный украинский национализм сознательно декларирует свою преемственность по отношению к украинским нацистам 1930–1940-х годов, участвовавших в войне с СССР на стороне гитлеровской Германии (в частности, активно участвовавших в геноциде советских военнопленных и евреев, а также по собственной инициативе устроивших геноцид поляков). Кроме этого по ряду идеологических признаков, о которых будет сказано далее, современный украинский радикальный национализм имеет много общего и с *идеологией классического нацизма* 1930–1940-х годов.

Как отмечает Ю. Бялый, в российском обществе царит «определенное недоумение: откуда взялась эта преисполненная ненависти к “москалям” и “омоскаленным” дьявольская сила, которая уже несколько месяцев “панует” на Украине? Между тем идеи, которые пропитывают эту силу, уже почти столетие инфицируют украинскую народную толщу. Эти идеи создали бан-

деровский нацизм и его военно-политическое воплощение в 30–40-х годах XX века… И эти же идеи в постсоветское время вышли на идеологический и политический простор… и создали предпосылки для попытки бандеровского реванша… Имя этим идеям – украинский нацизм» [2].

В недавних публикациях В.Н. Бабенко и Ю.И. Игрицкого по актуальной украинской тематике [1; 8] основное внимание было обращено на социально-исторические, политические и правовые аспекты гражданской войны на Украине. Не менее актуально и исследование ее ментальных, идеологических предпосылок, возникших на Украине в период с 1991 г., внутренние психологические мотивы обращения людей к идеологии украинского национализма как особому «состоянию души», более всего похожему на состояние души человека, вовлеченного в тоталитарную секту.

Чем порождаются такие странности массового сознания, вследствие которых оно в ряде случаев опускается до откровенного неонацизма? В классическом исследовании В. Райха возникновение германского нацизма объясняется его функцией компенсатора болезненных комплексов массового сознания: «Ясно, что фашизм – это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека… склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т.е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с “величием нации”. Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником “национального наследия” и “нации”. Это ощущение не позволяет ему презирать “массы” и противопоставлять себя им в качестве индивидуума» [10, с. 10]. Все эти психологические черты очень четко прослеживаются в современном украинском национализме, особенно в его идеологических манифестациях. Эти черты могут как смягчаться на уровне индивидуального общения, так и наоборот, радикализироваться в формах массовой агрессии, как это имело место на «майдане», в событиях в Одессе 2014 г. и др.

В ходе анализа социальных процессов в постсоветском обществе Л.Я. Гозман сформулировал одну из ключевых проблем следующим образом: «Интерес, однако, представляет не столько насилие, исходящее от власти, сколько насилие, осуществляемое самими гражданами, точнее – внутренняя готовность к осуществлению насилия»; «терпимость к насилию, фактический отказ от традиционных моральных норм определяются, помимо прочего, еще и ощущением переходности нынешнего периода… постоянные разговоры о том, что наш сегодняшний день – это лишь переход от одного типа социального устройства к другому… что это состояние сугубо временное, преходящее, делает следование социальным нормам необязательным… Экстремальность, временность обстоятельств “списывает” и ложь, и жесто-

кость» [3]. Очевидно, что именно эта закономерность и была использована теми политическими силами на Украине, которые уже с 1991 г. усиленно пропагандировали идеологию радикального национализма, добившись в конце концов ее широкого внедрения в массовое сознание.

Известные киевские социологи Е. Донченко и А. Овчаров еще в 1999 г. в работе «Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса» констатировали наличие тяжелого социально-психологического невроза, свойственного массовому сознанию населения Украины. Они писали: «На примере современной Украины мы видим, как Разум, отбрасывающий человеческую мораль, великую религию и малые традиции, превращается в Безумие… Если политика времен социальных кризисов в психологическом аспекте традиционно выступает реальным средством использования иррациональности масс, то политика в Украине стала одновременно и иррациональным средством потенциального саморазрушения и самоуничтожения». Вследствие этого доминантами массового сознания становятся эгоцентризм и комплекс неполноценности [6, с. 179]. В этой ситуации «даже простые задачи – не утратить свой социальный статус, избежать снижения самооценки, а вместе с этим не лишиться уверенности в своих силах, сохранить необходимый круг общения, так называемую микросреду, не растерять систему собственных ценностей – на этом этапе социальной инволюции выполнить просто невозможно. Массы выступают как рассредоточенная анонимная толпа, требующая вождя и лидера, без которого ничего не сделать и даже не выжить. Массы – это не сумма индивидов. Это – толпа… Характер толпы – эмоциональный и капризный, своевольный и легкомысленный – определяет основные ее черты: пассивность, внушаемость, подчиненность, нетерпимость, коварство, склонность к экстремизму и крайностям» [там же, с. 184].

В книге «Фашизм в Украине: угроза или реальность?» два известных украинских политика и публициста Г. Крючков и Д. Табачник «призывают читателя осознать эту угрозу и выступить на борьбу с ней, пока не стало слишком поздно… фашизм необходимо остановить в Украине именно сегодня, пока он не набрал силы и не разрушил страну». «Вся майданная политика – это калька оккупационной не только по содержанию, но и по форме. Только слабость режима пока не дает поклонникам “Нахтигаля” и этнических чисток вновь во всю силу показать, что “наша власть должна быть страшной” (С. Бандера)» [9, с. 270]. Это было написано в 2008 г., а неофашистский госпереворот на втором «майдане» произошел в 2014 г., после чего лозунг С. Бандеры вполне воплотился в гражданской войне на Донбассе.

Авторы напоминают, что в период Великой Отечественной войны гитлеровцы, «оставившие в глубоком тылу незначительные силы, фактически выполняли роль надзирателей, а непосредственными исполнителями всех злодеяний были националисты, возводимые ныне на пьедестал национальных

героев. Из почти миллионного довоенного Киева в живых после освобождения осталось 183 тыс. человек, каждый третий киевлянин во время оккупации был убит… Подавляющее большинство жертв приходится на долю националистических коллаборационистов, не только рьяно выполнявших приказы гитлеровских хозяев, но и проявлявших незаурядную энергию и инициативу. Это было тогда ясно всем киевлянам, относившимся к коллаборационистам (в подавляющем большинстве своем приехавшим в обозах вермахта из Галиции) с ненавистью и презрением» [9, с. 271].

Это не удивительно. В период Великой Отечественной войны украинские нацисты-бандеровцы воевали вместе с гитлеровцами против СССР, и это был отнюдь не «временный союз» – это было именно *кровное идеологическое единство двух разновидностей нацизма*. В украинском, бандеровском, нацизме есть все те же самые элементы, которые содержатся и в гитлеровском «Майн Кампф». Во-первых, *миф о расовом превосходстве* одной нации над другими и вывод о необходимости господства над ними (в том числе и занятия соответствующего «жизненного пространства»). Миф, который с 1991 г. усиленно пропагандируется в СМИ, в школах и вузах, состоит в том, что в отличие от украинцев как европейцев и древнейших из славян, россияне якобы – азиаты, наделенные «рабской психологией», и не славяне, а «смесь финно-угров и татар». И если в учебниках этот миф обычно выражается в наукообразной форме, то на уровне массового сознания он всегда приобретает агрессивно-оскорбительный характер, направленный на дискредитацию и отторжение всего российского. Выводом из этого мифа является тезис о необходимости «украинизации» той части населения Украины, которое является носителем русского языка и российских культурно-исторических традиций. Это население маркируется сознательно унизительной кличкой «совка» и de facto рассматривается как неполноценное, подлежащее перевоспитанию. Иногда по отношению к нему прямо используется классическое нацистское выражение «недочеловеки» – в том числе публичными политиками. Его употребил, например, по отношению к противникам «евромайдана» тогдашний премьер-министр А. Яценюк в своем выступлении в США[1]. Оно подразумевает не только тотальное господство украинской идеологии, но, как показали события 2014 г., и физическое уничтожение оппонентов. Причем речь идет не только о боевых действиях на Донбассе, но и о «пропаже без вести» тысяч людей, имевших «пророссийские взгляды». Убийство лучшего публициста Украины О. Бузины неонацистами «Правого сектора» (запре-

1. В английском тексте заявления было использовано слово «subhuman», по сути являющееся калькой с использованного немецкими нацистами слова «untermensch» – «недочеловек». Позднее в английском тексте слово «subhuman» было заменено на «inhuman» («нелюдь») // URL http: //vz.ru/news/2014/6/16/691357.html

щенной в России террористической организации) – это лишь «вершина айсберга». Сущностный признак неонацизма – стремление к полному господству одной нации над другими, вплоть до физического уничтожения несогласных – уже присутствует в современной Украине.

Во-вторых, это *психология завоевателей и угнетателей*. Подобно тому, как А. Гитлер намеревался заселить европейскую часть СССР «полноценными арийцами», так и идейные украинцы мечтают о так называемой «украинской Украине», т.е. о том, чтобы все население без исключения заговорило на официальном, искусственно сконструированном украинском языке и уверовало в эту нацистскую идеологию. Все остальные официально объявляются «врагами украинского народа» и «пятой колонной Москвы». При этом создается лицемерный миф о якобы «вековом угнетении» со стороны России – но именно для того, чтобы замаскировать собственное стремление к угнетению и насильственной «украинизации». А если учесть, что русскоязычные составляют как минимум половину населения Украины, то ситуация становится совершенно абсурдной – ведь «неправильной» и подлежащей «перевоспитанию» оказывается половина (!) граждан страны. И эти *колонизаторские* планы активно воплощаются в жизнь, начиная уже с 1991 г. – в виде навязывания этой идеологии через систему образования и СМИ. Скандальный факт: Украина ныне является единственной страной в мире, где язык половины населения не является государственным или хотя бы официальным! Таких стран, кроме Украины, сейчас вообще не существует нигде.

Не менее скандален и тот факт, что украинская власть всегда принципиально отказывалась даже рассматривать идею федеративного устройства государства, которое было бы более чем естественным для страны со столь разными регионами. А в настоящее время такая идея фактически приравнивается к «сепаратизму» и государственной измене – и за публичную поддержку идеи федерализации можно получить соответствующую уголовную статью. Но принятие конституции с признанием ЛНР и ДНР частями федеративной Украины фактически предусматривается Минскими соглашениями, поскольку именно это является единственной возможностью завершения гражданской войны. Однако из-за массовых выступлений и угроз неонацистов Верховная рада не может принять даже самый скромный закон об особом статусе Донбасса, предусмотренный этими соглашениями, не говоря уже о пересмотре конституции.

Столь злобное неприятие идеи федеративной Украины свидетельствует о том, что «идейное украинство» всегда рассматривали русскоязычные регионы (а это около половины территории страны – от Харькова до Одессы) фактически как бесправную колонию «правильной», украиноязычной Украины, и поэтому они лишь подлежали насильственной «украинизации», и не имели никакого права на защиту своих прав в сфере языка и идентичности.

А в период гражданской войны такое отношение приобрело самые вопиющие формы: население этих регионов систематически оскорбляется уже на официальном уровне и рассматривается в качестве неполноценного. Среди бойцов украинских «добровольческих батальонов», состоящих в основном из убежденных неонацистов, очень популярны не только знаки свастики и эсэсовские руны, но и нашивки на рукаве с надписью «Рабовласник», т.е. «Рабовладелец». Они ярко отражают их отношение к местному населению.

Наиболее авторитетный среди современных украинских националистов и неонацистов идеолог, создатель «интегрального национализма» Д. Донцов, нисколько не стесняясь, требовал от «идейных украинцев» двух главных качеств – *фанатизма* и *аморальности*. Он подчеркивал, что «национальная идея должна была быть аморальной», а реализовать ее должен фанатик, который «считает свою правду единственной, общей, обязательной для других. Отсюда его агрессивность и нетерпимость к иным взглядам»; специфически «украинский» «аморализм предполагает, по Д. Донцову, что носители национальной идеи должны подняться над мещанской, обыденной моралью, к ним нужно подходить с иными моральными мерками. Их мораль предполагает ненависть к врагу, даже если он не сделал им ничего плохого, ненависть к “добрым людям”, которые “добры”, так как недостаточно сильны, чтобы стать злыми» [5, с. 286]; потому, что, как он утверждал, «живут и господствуют только расы, которые не знают сомнений, которые не задумываются над правом на собственное существование за счет слабых» [5, с. 297].

Эта человеконенавистническая идеология имела глубокие исторические корни. Н.И. Ульянов в своем классическом труде «Происхождение украинского сепаратизма» приводит цитату из журнала «Украинська Хата» за 1912 г. (он издавался в Галиции и нелегально переправлялся в Россию): «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом – ненависть к ее врагам… Возрождение Украины синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину – значит пожертвовать кацапской родней» [13, с. 148]. Такова изначальная суть той особой формы «идейного украинства», которая сейчас на Украине фактически стала государственной идеологией и «единственно правильной точкой зрения».

Людей, попавших под влияние этой идеологии, можно понять. Ведь после 1991 г. население Украины живет в состоянии лишь постоянной разрухи и разочарования. На Украине, в отличие от России, так и не началось возрождение государства и народа – наоборот, разруха все усиливается. И поэтому люди тянутся к такой идеологии, которая, с одной стороны, в качестве «компенсации» создает им иллюзию собственного «величия», а с другой – создает и «образ врага», на которого можно свалить все беды. Одновременно русофобская идеология позволяет замаскировать зависть населения Украины

к успехам возрождающейся России. В украинских СМИ какой-либо позитивной информации о России не было даже во времена В. Януковича, не говоря уже о нынешних. Здесь всегда полностью господствовала русофобия, в настоящее время достигнув крайней степени.

В 2014 г. в полной мере проявился и такой важнейший признак неонацизма, как милитаризация и война за «жизненное пространство на востоке». В ответ на симметричные по отношению к киевскому «евромайдану» действия – захват административных зданий в некоторых городах Донбасса – киевская власть начала боевые действия против населения, которые со временем переросли в обычную войну регионального масштаба. Характерно, что требования протестующих на Донбассе были намного более скромными, чем киевского «майдана» – вовсе не полная смена власти, а всего лишь федерализация страны. Страх киевских властей перед федерализацией – совершенно абсурдный с точки зрения мирового опыта, поскольку почти все самые развитые страны мира являются именно федерациями, – легко объясняется их националистическим мышлением. Ведь федерализация Украины делает невозможной реализацию проекта радикального национализма и защищает права русскоязычной половины населения страны.

В современной Украине в полной мере проявился, пусть и в завуалированной форме, еще один атрибутивный признак неонацизма – господство одной-единственной партии. Хотя формально в стране существуют десятки партий, и парламент также многопартийный, в реальности – все это лишь внешняя видимость, поскольку реальной возможности политического выражения альтернативных идеологических позиций в настоящее время не существует. Все они уже заранее объявлены якобы «антиукраинскими» и «антигосударственными», их представители подвергаются преследованиям, а иногда и физическому уничтожению. Во время президентских и парламентских выборов на Украине 2014 г. все попытки политической деятельности «антимайданных» кандидатов в президенты и депутаты парламента полностью блокировались организованными группами неонацистов. Эти кандидаты и их доверенные лица подвергались нападениям и избиениям даже в городах южной и восточной Украины, а в западную и центральную их вообще не пускали местные власти. Поэтому ни о какой «свободе выборов» на Украине в 2014 г. не может быть и речи, а значит, по международным правилам, существующая ныне в Украине власть не может считаться легитимной. Явка на этих выборах оказалась самой низкой за всю историю Украины – русскоязычная часть страны, не видя никакого реального выбора, массово игнорировала их. Все-таки в парламент попало некоторое количество оппозиционных депутатов, но они там подвергаются постоянной агрессии и оскорблениям, прямо именуются «внутренними врагами» и «пособниками врага» (имеется в виду, естественно, Россия). То обстоятельство, что эти

депутаты выбраны населением, а следовательно, «врагами», следовало бы объявить и значительную часть граждан страны, «обвинителям» даже не приходит в голову. Эти факты – яркое выражение тоталитарного сознания, свойственного остальной части парламента. Фактически остается одна радикально-националистическая «партия власти», а ее формальное разделение на несколько разных «партий» связано лишь с различием источников финансирования разных конкурирующих «фюреров».

Стоит отметить, что и в предшествующем составе парламента, где была коалиция, созданная вокруг «Партии регионов», а националисты были еще в меньшинстве, имела место та же ситуация. Это меньшинство именовало правящую коалицию «антиукраинской» и «антигосударственной», совершенно игнорируя тот факт, что она избрана большинством населения страны. Это и не удивительно: с точки зрения неонацистской «логики», бóльшая половина населения должна считаться «врагами», если она не разделяет их идеологии. При этом сами себя неонацисты именовали «демократической оппозицией».

Это весьма характерно: люди, исповедующие неонацистскую идеологию и имеющие ярко выраженный тоталитарный тип сознания с его нетерпимостью и неспособностью к саморефлексии и диалогу с оппонентами, одновременно объявляют себя «приверженцами европейских ценностей» (правда, не умея объяснить, что это такое, и ограничиваясь лишь парой стандартных фраз о «правах личности», которые они сами принципиально игнорируют по отношению к оппонентам). Такая алогичность массового сознания особо ярко проявилась и во время так называемого «евромайдана», в результате которого неонацисты пришли к власти в 2014 г. Выступая под лозунгами «достоинства», «евромайдан» игнорировал тот факт, что ассоциация с ЕС полностью лишает самостоятельности экономику Украины, окончательно превращая ее в колониальный сырьевой придаток. Выступая «против олигархов», «евромайдан» напрямую финансировался самими олигархами, а затем привел к власти президента-олигарха – все это уже самые откровенные проявления массового «раздвоения сознания». Каковы его причины?

Они отчасти были объяснены на аналогичном материале Прибалтики. Так, А. Усманова отмечает, что «негативное отношение в современной Литве к советскому прошлому следует рассматривать не столько в контексте доминирующей интерпретативной схемы (советское время – период оккупации), сколько с точки зрения нерационализируемого отторжения советского опыта как опыта модернизации и радикальной смены всего уклада жизни. Оттого ностальгия по Золотому веку в истории независимости Литвы – это в первую очередь реминисценции о патриархальной аграрной культуре и ее ценностям… С другой стороны… именно в советское время сложились условия для вызревания национальной идентичности современной урбанизированной Литвы» [14].

Тем самым рецидивы радикального национализма как в Прибалтике, так и на Украине – это не что иное, как подсознательная тоска по патриархальной культуре и ее «племенным» ценностям. Этим и объясняется возможность логически абсурдного соединения фактического неонацизма с декларативной приверженностью «европейским ценностям»: это возможно потому, что и то, и другое является способом отторжения советского и «имперского» прошлого.

Построить идентичность из обломков родового сознания, с одной стороны, и из поверхностно-эпигонского усвоения элементов европейской культуры – с другой, совершенно невозможно. Национальная идентичность создается только реальным опытом Модерна. А этот опыт был у украинцев – исключительно общерусский и общесоветский. Все реальные культурные и исторические достижения самого южнорусского этноса, именуемого ныне украинцами, были именно в общерусском и советском прошлом, а период независимости не принес ничего, кроме тотальной деградации.

На первый взгляд, парадоксальны оказавшиеся пророческими размышления Достоевского: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит... Начнут они непременно с того, что… убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись… я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению»; при этом эти народы будут «трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» [7, с. 373–375].

Реальная идентичность населения Украины de facto является локальным вариантом постсоветской идентичности, почти не отличающейся от культурной идентичности россиян. Поэтому сознательная попытка выстроить *другую* идентичность неизбежно сводится к стремлению *разрушить* свою *реальную* идентичность. Возникает особый культурно-исторический *невроз симулятивной идентичности* – и именно отсюда тот эгоцентризм и комплекс неполноценности как доминанты массового сознания, о которых писали киевские социологи. На этой глубинной, психологической почве формируется тот тип «идейного украинца», которому, по классической характеристике Н.С. Трубецкого, всегда свойственны «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности… дух постоянной подо-

зрительности, вечного страха перед конкуренцией» [12, с. 373]. Общаясь с «идейными украинцами», каждый раз ужасаешься, в какую «экзистенциальную яму», в какую культурную и психологическую резервацию они сами себя загоняют. Их обычным состоянием является поза вечной обиженности, ощущение постоянной окруженности врагами и предателями, сочетающаяся с особой злобой, надменностью и агрессивностью по отношению к инакомыслящим, на которых навешивается ярлык «манкуртов», «янычар», «бандитов», «пятой колонны» и т.д.

Эта неспособность видеть Другого, замкнутый монологизм сознания – признак архаичности сознания, не прошедшего Модерн и продолжающего воспринимать социальную общность по архаической модели «свое» (хорошее) – «чужое» (плохое, враждебное). Поскольку понятие «свое» переносится на все население Украины, полностью игнорируя его культурно-мировоззренческую неоднородность, то возникает, по сути, тоталитарная установка – требование унификации взглядов всего населения на происходящие события и навязывания всем своей собственной «идентичности». Те, кто не хочет подчиняться тоталитарной установке на унификацию взглядов, автоматически квалифицируются как «враги Украины». Этот рецидив классического тоталитарного сознания несколько уравновешивается наличием неофициального уровня общения людей, выражающих свои взгляды в кругу единомышленников, но делать это на публичном уровне они не имеют возможности.

Публицисту Вяч. Липинскому, искавшему причины неудачи украинского самостийничества в период Гражданской войны 1917–1929 гг., принадлежит термин «государство-разрушительный национализм». Он отмечал, что «характерной особенностью украинского этнонационализма является желание прислуживать внешним силам для получения поддержки в подавлении сопротивления внутри страны» [цит. по: 9, с. 387]. Этот, по его выражению, «украинский шовинизм для лавочников» «всегда будет представлен озлобленными и эгоистическими типамии, которые своей бессильной злобой все творческое, жизнеспособное на Украине от Украины будут отгонять» [там же]. «Увы, – писали еще в 2008 г. Г.К. Крючков и Д.В. Табачник, – именно подобные типы вновь у руля высшей государственной власти делают все возможное для провоцирования гражданского противостояния, разжигания межнациональной и межрелигиозной вражды. Вновь они опираются на зарубежных хозяев, заинтересованных в создании антироссийского плацдарма» [9, с. 387–388]. С тех пор ситуация усугубилась. В наше время уже многие адепты радикального украинского национализма – это русскоязычные, немалое число которых даже не умеют говорить на официально принятом украинском языке.

Наблюдавший за событиями 1918–1920 гг. академик Н.К. Гудзий сделал такой вывод: «Самостийники и количественно и качественно… незначительны

и вербовались они или среди галичан, или среди тех, кто на всякой политической идеологии способен был делать себе карьеру… Для кого большая духовная культура России была пустым звуком, о тех можно сказать, что за душой ничего у них не было и, отказываясь от России, им терять было нечего» [4, с. 186]. В свою очередь, Н.И. Ульянов в своем исследовании отмечал «самую “интимную” тайну украинского сепаратизма, отличающую его от всех других подобных явлений – его искусственность, выдуманность… До прихода к власти большевиков он только драпировался в национальную тогу, а на самом деле был авантюрой, заговором кучки маньяков. Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвигал программу отмежевания от русской культуры, вразрез со всеобщим желанием. Не будучи народен, шел не на гребне волны массового движения, а путем интриг и союза со всеми антидемократическими силами, будь то русский большевизм или австро-польский либо германский нацизмы» [13, с. 217].

Аналогичное явление наблюдалось и в период распада СССР, когда республиканские партноменклатуры «приватизировали» свои республики под видом создания «независимых» государств. Это произошло и на Украине, почти без какого-либо сопротивления русскоязычных граждан, составляющих около половины населения. Как отмечает С.Н. Сидоренко, «количественно ничтожная часть нынешних граждан Украины, – включающая население трех областей Галиции и кучку “национально свидомых” киевских “интеллектуалов”, – которая имела хоть и примитивную, но собственную идеологию, состоящую из самохвальства и завистливой враждебности ко всему русскому – легко смогла подчинить себе всю эту огромную пустоту, наполнив ее своей идеологией» [11, с. 247]. Для принятия этой идеологии вовсе не нужно подлинных знаний и убеждений, нужно лишь бессмысленное повторение нескольких мифов, тешащих самолюбие. В этом отношении современный массовый украинский национализм явно опирается на некоторые стереотипы советской идеологии, например на культ «светлого будущего», которым теперь является уже не коммунизм, а «европейский выбор». Утопическая суть того и другого одинакова.

Итак, причины массового распространения украинского национализма состоят в том, что он служит: 1) мощным психологическим компенсатором социокультурной деградации общества; 2) психологическим компенсатором неосознаваемого чувства исторической вины – предательства своей подлинной общерусской и советской идентичности, отказа от подлинной исторической памяти и большой культурной традиции; 3) заполнением массового сознания ощущением иллюзорного «величия».

Литература

1. Бабенко В.Н. Украина в паутине национализма: Политические и правовые последствия // Россия и современный мир. – 2014. – № 2 (83). – С. 211–221.

2. Бялый Ю. К чему стадам дары свободы... // Электронный ресурс. URL: http: // ss69100.livejournal.com/1587301.html

3. Гозман Л.Я. Психология перехода // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 173–186.

4. Гудзий Н.К. Конец украинской самостийности // Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источниковеда. – Симферополь: «ЧерноморПРЕСС», 2006. – С. 184–189.

5. Донцов Д. Націоналізм. 3-е изд. – Лондон, 1966. – 412 с.

6. Донченко Е., Овчаров А. Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса // Социология: Теория, методы, маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 173–190.

7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – СПб.: «Азбука-классика», 2010. – 464 с.

8. Игрицкий Ю.И. Украина в огне // Россия и современный мир. – 2014. – № 3 (84). – С. 56–86.

9. Крючков Г.К., Табачник Д.В. Фашизм в Украине: Угроза или реальность? – Харьков: Фолио, 2008. – 414 с.

10. Райх В. Психология масс и фашизм. – М.: АСТ, Мидгард, 2004. – 544 с.

11. Сидоренко С.Н. Украина – Россия: Преодоление распада. – К.: МиП, 2006. – 354 с.

12. Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Наука, 1995. – С. 359–381.

13. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. – М.: Вагриус, 1996. – 236 с.

14. Усманова А. Негативная память о советском как травма модернизации, или О чем «молчит» литовское кино // Электронный ресурс. URL: http://www.nlobooks.ru/node/1686

В.А. Радзиевский

О СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ МИФАХ

Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств.

В условиях нагнетания антироссийских настроений в сегодняшней Украине насаждаются новые изощренные антинаучные мифы, характерная черта которых – преувеличение местных особенностей (доходящее до самовосхваления и самолюбования) и антирусская направленность. Сущность разжигаемого противостояния сводится к конфликту: «мы» (древние носители всего лучшего) и «они» (многовековые эксплуататоры, агрессоры, угнетатели, оккупанты).

Разумеется, среди украинских ученых, занимающихся историей Украины и ее культуры, есть объективные исследователи (П. Толочко, Г. Ивакин, А. Моця, А. Толочко, В. Король, В. Орленко, Н. Щербак и др.), но немало и тенденциозных авторов (А. Дубина, А. Кур, С. Наливайко, С. Плачинда, В. Сергийчук, Л. Силенко, Ю. Шилов, П. Штепа, М. Чмыхов и пр.).

Появляются «исследователи», обнаружившие, что государству Украина и украинской народности – «семь тысяч лет»[1], и «именно украинцы населяли эту землю 45 тыс. лет назад»[2]. Украинцы, спускаясь с горы Арарат, стали, по сути, «прародителями всех». Они – «самый древний народ Европы»[3].

Этим авторам вторят и другие. Вот лишь некоторые образцы их мифотворчества[4]. Украина «древнее Шумера. И шумеры пошли от нас», а «япон-

1. Плачинда С. Лебедія. Як і коли виникла Україна. – К.: ВД «Калита», 2006. – С. 4.

2. Бесчастная М. И Бог создал украинку // Еженедельник 2000, 2013. – 8 ноября. – С. 7.

3. Бесчастная М. Цит. соч. – С. 7.

4. Голубов А. Троя на Днепре // Корреспондент, 2013. – № 1 (540), 11 января. – С. 26–28.

ская сакура – это украинская вишня»[5]. Говорят о святых «украинских» князьях Владимире Великом, Борисе и Глебе, ведь «мы – народ от племени Христа и Девы Марии»[6]. Доходят до утверждений, что «Адам и Ева были украинцами»[7].

Согласно другому мифу, ковчег Ноя остановился на Украине, и в окрестностях нынешнего Киева возникла цивилизация Гипербореев, от которой, по мнению последователей И. Каганца, пошли другие общества и государства. Ю. Шилов и ряд других современных мифотворцев считают, что Трипольская цивилизация – самое древнее государство планеты. Сенсационны «открытия», обосновывающие, что украинцы населяли не только Трою и Рим (В. Бебик), но даже учили астрономии, математике и физике цивилизации майя, ацтеков и инков.

Сенсационные «открытия» гласят, что Иисус Христос был галичанином (Ю. Каныгин), а Будда – украинцем (В. Бебик). Небезынтересно и сообщение, что украинский борщ – «древнее трипольское блюдо»[8]. Но даже в Киевской Руси борща еще не было.

Проблема «обрусения» украинских фамилий представлена в литературе («Шельменко-денщик», «За двумя зайцами» и т.д.). В комедии «За двумя зайцами» Голохвастый превращается в Голохвастова, Сирко – в Сиркова. Предки Хрущёва, как утверждается, носили фамилию Хрущ, которую поменяли на русскую «в силу сложившихся исторических обстоятельств». Валерий Чкалов – на самом деле украинец по фамилии Чкало[9]. А вот образец еще более радикального утверждения: в 1941 г. «немецкие войска во многих населенных пунктах встречали хлебом-солью, принимая немцев как освободителей»[10]. Ведь немцы – европейцы, у них иная культура и «вообще исторически мы тяготеем к Европе больше, чем к России»[11]. Не стоит удивляться тому, что 18 февраля 2016 г. Верховная рада дала ход законопроекту № 974-VIII, «который запрещает термин “Россия” и его производных в отно-

5. Почему Украина не Россия. Автор-составитель Котюха А.А. – Харьков: Фолио, 2005. – С. 83.

6. Канигін Ю.М. Віхи священної історії: Русь-Україна. – К.: А. С. К., 2006. – С. 200.

7. Голубов А. Цит. соч. Подробнее: Радзиевский В.А. К вопросу об основных направлениях украинской субкультурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – СПб., 2015. – № 2 (23), июнь 2015. – С. 139–144.

8. Голубов А. Цит. соч. – С. 27.

9. Почему Украина не Россия. Автор-составитель Котюха А.А. – Харьков: Фолио, 2005. – С. 258.

10. Там же. – С. 225.

11. Там же. – С. 226.

шении РФ»[12] и, «в частности, предлагает Россию переименовать в Московию»[13].

В 1990-х годах историк А. Дубина «обосновал», что украинцы открыли Америку; украинцы решающим образом влияли на историю многих континентов, созидая культуру тамошних автохтонов. Утверждается, что «доказано украинское происхождение мамелюков, которые правили в Египте с 1250 по 1517 год»[14].

В ходе научных «изысканий» доходят до нелепых утверждений, что Христофор Колумб был «украинцем» из Коломыи (нынешняя Ивано-Франковская область)[15], его соратник Хуан де Коса – тоже украинцем (модификация от Ивана Казака[16]). Открыватель Америки имел-де сугубо «национальные» планы: он скрывал «и цель, и результаты своих путешествий, чтобы совершить в будущем переселение украинцев на открытые им земли»[17]. Вывезенное испанцами золото «по праву принадлежит Украине, представители которой открыли Новый свет»[18]. С 1966 г. на желто-синем флаге Барбадоса якобы красуется украинский национальный трезубец, намекая на «свою» «подлинную» метрополию. (Казаки, заметим, действительно совершали великие подвиги в Европе и в Азии, но зачем их «засылать» в Перу и на Мадагаскар?) Новое мифотворчество приводит к тому, что, стремясь уйти «подальше от Москвы», некоторые готовы перевести украинский язык на латиницу, отказавшись от кириллицы[19]. Ведь «Украина – особенный регион мира… у многих казаков разговорная речь – латынь»[20].

Украинские историки обоснованно гордятся морскими походами запорожцев на владения Османской империи[21]. Но разве не было ответных кара-

12. В Украине дали ход запрету слова «Россия», обозначающее Россию. – http://www.vesti-ukr.com›…v-ukraine…zapretit-slovo-rossija…

13. Там же.

14. Там же. – С. 24.

15. Там же.

16. Радзиевский В.А. К вопросу об основных направлениях украинской субкультурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – СПб., 2015. – № 2 (23), июнь. – С. 139–144.

17. Москаленко С. Как казаки Америку открывали // Радонеж, 1997. – № 16–17 (61), октябрь. – С. 25.

18. Там же. – С. 25.

19. Украинский предлагают перевести на латиницу // Вести. – 2014. – 6 ноября. – С. 4.

20. Почему Украина не Россия / Автор-составитель Котюха А.А. – Харьков: Фолио, 2005. – С. 44.

21. Ср., например: Сергійчук В. Морські походи запорожців. – К.: Фотовідеосервіс, 1992. – С. 3–60. Король В.Ю. Історія України: навч. посіб., 2-ге вид., доп. – К.: ВЦ «Академія», 2008. – 496 с.

тельных походов крымских и турецких правителей? Разве крымский хан и османский султан не совершали своих актов возмездия? На тысячу соотечественников, освобожденных украинскими казаками из рабства, приходилось огромное число невинно убиенных и уведенных в рабство турками и крымскими татарами. Сказанное ни в коем случае не умаляет отваги и решительности запорожцев, многие казаки были патриотами и героями, традиционно отличались хозяйственностью и трудолюбием.

В сегодняшней Украине молчат о западноукраинском (тогдашнем «русском») геноциде 1914–1917 гг., об ужасных концлагерях Первой мировой – Талергофе и Терезине. Были казнены десятки тысяч карпатских русских (в том числе дети «5–7 лет и даже грудные младенцы»[22]), сотни тысяч сторонников Москвы стали узниками концлагерей, миллионы депортированы. Вспоминаются слова С. Грабовского о том, что на Украине в начале 2000-х годов из учебных программ исчез термин «Великая Отечественная война», а потом было «бурное участие студенчества и старшеклассников по всей стране в оранжевой революции»[23]. Он задается вопросом: «почему столько новейших “докторов геббельсов” выросло в Украине в 1990-е на западных грантах»?[24] Более десяти лет у некоторых украинцев в моде одежда, например, футболки с антирусскими надписями «Спасибо тебе, Господи, что я не москаль»[25]. С весны 2014 г. носителей георгиевских лент на Украине стали оскорбительно называть «колорадами». (Напомним: награды миллионов украинцев, сражавшихся с фашистами, тоже имеют цвета Георгиевской ленты.) Вот еще один «перл» того же свойства: «Советским солдатам, входившим на территорию Германии, негласно позволялось вести себя как победителям – и они правами победителя пользовались в полной мере, унося с собой в качестве приза всевозможные трофеи, а женщин брали в качестве трофеев тут же, на месте»[26].

Профессор С. Крымский писал: «В украинскую культуру кинулись авантюристы, которые пишут неизвестно что. Я уже не говорю, что очень вредное влияние оказала диаспора, у которой не было серьезных материалов. Представители диаспоры наговорили такое, что воспринимается теперь как

22. Подробнее см.: Каревин А. «Русь нерусская» (Как рождалась «рідна мова»). – http://www.russian.kiev.ua/books/karevin/rusnorus/rusnorus01.shtml

23. Грабовский С. Украинская интеллигенция: Горе от ума и от... грантов // День. – М., 2011. – № 199.

24. Там же.

25. Подробнее см.: Радзиевский В.А. Украинские реалии как актуальный вопрос культурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – СПб., 2015. – № 4 (25) декабрь. – С. 41–48.

26. Почему Украина не Россия / Автор-составитель Котюха А.А. – Харьков: Фолио, 2005. – С. 309.

последняя истина»[27]. По терминологии эмигранта П. Штепы, его «научной» школы и единомышленников, стремительно набирающих популярность на Украине, русские – это «москвины». В России даже в XX в., – по утверждению этого «ученого» канадца, – гостей могли угощать пельменями, «приготовленными из человеческого мяса»[28]. Этот знаток русских, не слишком заботясь об аргументах, утверждает, что русская ментальность, кроме дикости и жестокости, полна лжи и воровства, ведь всё, «что имеют – или украли у иностранцев, или сотворили немосквины»[29], а «Московщина была большевистской: и при Иване IV, и при Петре I, и при Екатерине II, и при Николае I»[30]. «Праукраинец, – утверждает он же, – опередил культурно другие европейские народы»[31]. Это ничем не напоминает завуалированный постнацизм?

Заметим, что работы П. Штепы изобилуют ссылками на источники (правда, всегда ли они известны?) Из них получается, что «Львов фактически на шестьсот лет старше, чем его официальная метрика 1256 года»[32], «москвины начали печатать книги на сто шестьдесят лет позже украинцев»[33], а Украина в союзе с Москвой – это немного на фоне великой украинской «пятитысячелетней истории»[34]. «Праукраинцы распространялись быстрее и больше, чем другие европейцы. Пять тысяч лет тому существовала в Праукраине… величайшая от Волги до Дуная страна. Она была очень перенаселена»[35]. Только «украинское казачество имеет две тысячи лет традиции»[36], «украинский народ занимается земледелием как минимум пять тысяч лет»[37] и «Киев заселили… пять тысяч лет назад… Имеем право называть Киев вечным городом»[38]. Академии в Европе возникли раньше, чем в России, но «в Украине они возникли в IV веке»[39]. Академии в Украине еще лет за 100 до основателя Киева – князя Кия? Где увидеть эти «ценные источники», если нет ссылок? Финалом опуса заокеанского украиноведа стало утверждение,

27. Почему Украина не Россия / Автор-составитель Котюха А.А. – Харьков: Фолио, 2005. – С. 44.
28. Там же.
29. Там же. – С. 101.
30. Там же. – С. 321.
31. Там же. – С. 355.
32. Там же. – С. 363.
33. Там же. – С. 365.
34. Там же. – С. 366.
35. Там же. – С. 356.
36. Там же. – С. 359.
37. Там же. – С. 104.
38. Там же. – С. 363.
39. Там же. – С. 184.

что «никто и ничто не сможет привести к союзу Украины с Московией, как никто и ничто не сможет привести к союзу Христа с антихристом…»[40]. У автора есть издатели, спонсоры и читатели. Потребность в этой мифологии культивируется.

Мифотворцы из украинской диаспоры восхваляют тех, кто противостоял некой «русской экспансии». Но среди украинцев, созидавших великую страну, было много чиновников, профессоров, генералов, сенаторов, академиков, деятелей культуры. Заокеанские «просветители», негодуя, заявляют, что эти украинцы «были искренними патриотами московской империи и врагами украинской государственной независимости… без украинских янычар… сами москвины никогда бы не построили из своей убогой Московщины великой империи»[41].

Восхваляя европейскую экспансию, эти украинские эмигранты противопоставляют ей мнимое негативное влияние России. Москва якобы истребляла украинцев и уничтожала их культуру, в то время как явившиеся на новый континент европейцы помогали и заботились об американских туземцах[42]. Воистину: «чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят». Рецепты современных русофобов изощреннее пропагандистов рейха. На службе у сегодняшних пропагандистов новые средства манипуляций и кодирования, НЛП и последние разработки психологов, продажные СМИ и многое другое. Мечта Гитлера частично достигнута: оба народа в затяжной ссоре.

Советские пятилетки… Вспомним хотя бы стройки начала 1930-х годов на советской Украине («Запорожсталь», Новокраматорский машиностроительный завод, Харьковский тракторный завод, Днепрогэс и т.д.). Во время войны фашисты уничтожили украинскую промышленность, но к 1948 г. в УРСР достигается довоенный уровень промышленного производства, в 1950 г. происходит индустриальный рывок и «в 60-е годы уровень украинской промышленности снова превосходит экономически развитые страны мира»[43]. Киевский завод «Арсенал», основанный более 250 лет назад, гордость империи и флагман всесоюзной промышленности едва существует, а сотни украинских предприятий уничтожены еще в 1990-х. Можно гордиться украинским «внутренним экспортом» в СССР и тем, что Украина кормила весь Союз. Сегодня она и себя «не может обеспечить съестными продуктами»[44].

40. Почему Украина не Россия / Автор-составитель Котюха А.А. – Харьков: Фолио, 2005. – С. 391.

41. Там же. – С. 133.

42. Там же. – С. 182–183.

43. Там же. – С. 251.

44. Шмідт А. Україна. Країна майбутнього. – Ужгород: Карпати, 2006. – С. 44.

В 1992 г. население Украины составляло более 52 млн, на 1 января 2016 г. число граждан превышает лишь 42 млн. Возникает вопрос: «Почему в 1941–1945 гг. погибло меньше украинцев, чем “потеряно” граждан в независимой Украине?» Украинцы были на грани вымирания в XVI–XVII вв. из-за турецко-татарских набегов и польской экспансии. Наступил период освобождения от угнетателей (сопряженный сначала с кровавым восстанием, долгой войной, дальнейшей разрухой и многолетними нестроениями второй половины XVII в.). Если правда, что при Богдане Хмельницком население тогдашней Украины едва насчитывало 700 тыс. человек, то, по переписи 1897 г., малороссов в пределах империи было уже более 22,5 млн.[45] С конца XVII и до конца XIX в. население Украины увеличилось во много раз.

Но сегодня украинская нация стареет, сокращается и деградирует. Алкоголизм – бич Украины. Состояние населения подходит к роковой черте: увеличивается число стариков, рождается мало детей, истощается духовный потенциал и т.д. Надвигается угроза вымирания.

Эта реальность сегодняшней Украины дополняется мифотворческой интоксикацией вкупе с вестернизацией и латинизацией, которые в итоге могут сделать Украину неукраинской.

45. Ср., например: Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Когда на Украине было жить хорошо – 2 // Сегодня, 2008. – 22 февраля.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А.Г. Донгаров

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА: ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ЭКСПРОМТ

Донгаров Александр Герасимович – историк, дипломат.

От редакции

В этом году исполняется семьдесят семь лет со дня подписания советско-германского Договора о ненападении. Сколько событий произошло за это время, кардинально изменился мир. Но по-прежнему этот документ как магнит притягивает к себе внимание исследователей. Более того, это далекое событие (его причины и последствия) является важным фактом современной историко-политико-идеологической дискуссии.

Свою точку зрения отстаивает и автор предлагаемого текста. Он – дипломат и историк. И для него совершенно естественно обращение к истории международных отношений, к тому ее периоду, который непосредственно предшествовал заключению «пакта Молотова–Риббентропа». Редакция нашего журнала согласна далеко не со всеми предположениями и выводами автора. Однако, как всегда, мы остаемся «площадкой», на которой могут звучать различные мнения. Единственное условие: оставаться в пределах научного дискурса.

академик РАН Ю.С. Пивоваров

За 70 лет своего существования советская власть оставила нам множество мифов и легенд.

По версии их хранителей, заключение советско-германского Договора о ненападении было полнейшим экспромтом, результатом дипломатического сальто-мортале, трудным с моральной точки зрения, но не имевшим альтернативы, а потому единственно верным, спасительным для страны решением.

Предшествовавшие подписанию пакта события выстраиваются ими в следующую цепочку. После прихода к власти в Германии Гитлера с его идеями реванша на западе и завоевания «жизненного пространства» на востоке континента правительство СССР, стремясь к сохранению общеевропейского мира, предложило всем заинтересованным государствам, прежде всего Великобритании и Франции, создание системы коллективной безопасности. В рамках этой программы весной 1935 г. был заключен советско-французский договор о взаимопомощи. Он, однако, остался политическим жестом, поскольку взятые сторонами друг перед другом военные обязательства никак не были конкретизированы.

Вскоре в Париже и Лондоне вообще сочли более уместной политику умиротворения Германии за счет согласия на ее притязания к соседям на востоке и в центре Европы. В результате этого курса, апофеозом которого стала дипломатическая капитуляция Франции и Великобритании перед Гитлером на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г., к рейху были присоединены Австрия и Судетская область Чехословакии. Оказалось, однако, что эти уступки не могли удовлетворить германские аппетиты, и весной 1939 г. Гитлер захватил всю Чехию и отторгнул от Литвы город Мемель с областью (г. Клайпеда и Клайпедский край).

Вызывающий характер действий Берлина продемонстрировал крах «политики умиротворения» и необходимость возврата к идее коллективной безопасности. По дипломатическим каналам Лондон и Париж сигнализировали в Москву о готовности начать трехсторонние военно-политические переговоры. 17 апреля 1939 г. правительство СССР выступило с ответным предложением заключить тройственный договор о военной взаимопомощи и совместном гарантировании безопасности ближайших западных соседей Советского Союза: Румынии, Польши, трех Балтийских стран и Финляндии.

Вскоре после начала англо-франко-советских переговоров выяснилось, однако, что в Париже и, особенно, Лондоне видели в них скорее средство давления на Германию, надеясь сдержать ее агрессивные намерения на западе континента одними разговорами о возможности коалиции с СССР, не идя на ее фактическое создание. Со своей стороны, уверяют нас, советское правительство искренне стремилось к достижению тройственного соглашения, и только выявившаяся к 20-м числам августа 1939 г. полная бесперспективность дальнейших переговоров с англо-французской дипломатией заставила его принять германское предложение о заключении знаменитого Договора о ненападении.

Утверждается, наконец, что благодаря подписанному с Берлином соглашению удалось отсрочить фашистское нашествие на СССР на полтора года, которые были использованы для подготовки к отражению агрессии. Указывается и на увеличение глубины стратегической обороны на 150–250 км

в результате воссоединения с СССР захваченных ранее Польшей западно-белорусских и западно-украинских земель, возврата Бессарабии, отторгнутой Румынией от России в годы Гражданской войны, а также присоединения к Советскому Союзу румынской Буковины. И конечно, «добровольное вхождение» в СССР трех прибалтийских государств, позволившее создать в этом регионе новый рубеж обороны. (50 лет связь этих территориально-политических приобретений с пактом-39 нами отрицалась и была признана только в 1989 г.) Наконец, утверждается также, что подписанный договор расстроил германо-японское сотрудничество на базе Антикоминтерновского пакта, направленного против СССР, и, тем самым, уберег нас от открытия второго – Дальневосточного, фронта в 1941 г.

Существует, однако, и иной взгляд на описываемые события. Согласно ему, и на трехсторонних переговорах, и при подписании договора с Германией советские власти преследовали – в действительности! – совершенно иные цели и решали совершенно иные задачи, нежели декларируемые. Ниже мы их назовем.

А был ли экспромт?

Если заключение пакта и выглядело как экспромт, то исключительно на фоне продолжавшихся с середины июня 1939 г. трехсторонних англо-франко-советских переговоров. Однако в более продолжительной ретроспективе экспромтом и кульбитом являлись сами эти переговоры, а соглашение с Берлином было возвращением в центральную, хорошо наезженную за 20 лет колею советской внешней политики, известную под названием «использование межимпериалистических противоречий в интересах советской власти».

Начиналась колея первым же документом этой власти – знаменитым Декретом о мире. Провозглашенный им нейтралитет России в продолжавшейся Мировой войне стал фундаментом виртуозной политики игры на противоречиях между Антантой и германским блоком. Задачу уцелеть между этими жерновами Ленин решал так: отбивался от попыток Берлина навязать его правительству полномасштабные союзнические отношения, угрожая возобновить военный альянс с Антантой, а антантовским попыткам вернуть Россию в войну с Германией противопоставлял угрозу союза с Берлином. Ввиду очевидной успешности этой стратегии она была положена советским руководством в основу его международной деятельности на годы вперед.

Вместе с тем у формального советского нейтралитета 1917–1918 гг. был сильный прогерманский привкус: на долю Берлина приходились дивиденды, поскольку Россия вышла из войны с Германией, а на долю Парижа и Лондона, по той же причине, – исключительно издержки от «срединного» курса Москвы. В 1920–1921 гг. в Кремле принимается решение об уже стратегиче-

ском партнерстве с Германией – до следующей мировой войны. Причем слово «война» следует понимать в данном контексте не столько как указатель временного предела, но как заветную конечную цель этого партнерства. Курс на советско-германское сближение в пику Антанте был зафиксирован договором, подписанным сторонами в итальянском городке Рапалло 16 апреля 1922 г.

Это соглашение создавало в Европе совершенно новую, по сравнению с временами англо-франко-русского союза, геополитическую реальность. Союз дореволюционной России с Антантой имел целью сохранение существовавшего миропорядка путем пресечения германских попыток взорвать его ради передела в свою пользу. Теперь же советская Россия предлагала Берлину полную поддержку и содействие в достижении этой цели. Конечно, не во имя германских интересов, а потому что сама стремилась к переделу мира, но только под лозунгом мировой пролетарской революции, постепенно трансформировавшимся в суперидею строительства Всемирной красной империи. Соответственно, недавние (и, кстати, в скором времени будущие) союзники России – Великобритания и Франция – были «назначены» Москвой своими смертельными врагами.

Для реализации поставленной цели нужна была сильная Германия; поэтому ее восстановление из послевоенных руин становится одной из важнейших задач советской внешней политики 20-х – начала 30-х годов. Самый показательный пример – это военное сотрудничество между двумя странами. Начало ему было положено тайным советско-германским соглашением февраля 1921 г. о «восстановлении немецкой военной промышленности» на территории СССР, в развитие которого 11 августа 1922 г. было заключено Временное соглашение о сотрудничестве между Красной Армией и Рейхсвером. В результате Германия получила возможность, в обход ограничений, наложенных на нее Парижским мирным договором, производить на принадлежавших ей концессионных предприятиях и приобретать в СССР авиабомбы, самолеты, химическое оружие, подводные лодки, танки и т.д., а также готовить в учебных заведениях РККА и собственных военных училищах в Липецке, Казани и Вольске высшие командные кадры армии, танковые экипажи, летчиков ВВС и специалистов по ведению химической войны. В 1926 г. в рамках этого соглашения осваивалась треть годового бюджета Рейхсвера, порядка 150 млн золотых марок [3, с. 788]. По общему мнению специалистов, советская помощь двинула дело возрождения немецкой армии вперед на десять лет. Образно говоря, германский меч реванша ковался в сталинской кузнице.

За собственную безопасность в Кремле не опасались, справедливо считая, что оставшаяся в берлинской повестке дня задача передела мира могла быть решена только за счет прав и владений Великобритании и Франции. Там

полагали, кроме того, что знают магическое слово, способное остановить германскую агрессию против СССР, и слово это было – «Польша». О таком безотказном инструменте сохранения «дружбы» с Германией как новый раздел Польши говорилось, в частности, в обзорном письме о европейской политике, направленном в середине 20-х годов тогдашним наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным членам Политбюро ЦК ВКП(б). За несколькими «исключениями», сделанными в ходе чисток 1937–1938 гг., адресатами Чичерина были те самые люди, которые принимали решение в августе 1939 г.

В национал-социалистическом Берлине также прекрасно сознавали непреходящее значение рапалльской политики, иными словами, координации внешнеполитических усилий с СССР, на весь период борьбы против Версаля. Буквально «на следующий день» после прихода к власти, в апреле 1933 г., Гитлер согласился с советским предложением о бессрочном продлении действия Договора 1926 г. о ненападении и нейтралитете, ведущего свое политическое и юридическое родство от рапалльского соглашения 1922 г. Следует отметить, что ранее правительство Веймарской Республики отвергло эту инициативу; так что в некотором смысле Гитлер оставался последним в Берлине сторонником рапалльской стратегии Кремля.

Однако прежде им была полностью отыграна прямо противоположная – антибольшевистская, антикоминтерновская, карта. Под обещание двинуться на восток и оставить ее в покое, фюрер выторговал у западной коалиции все, что только было политически возможно: отмену ограничений на вооружения для Германии, ремилитаризацию Рейнской области, аншлюс Австрии, захват Чехословакии и Клайпедского края Литвы. Только тогда он достал из рукава свой кремлевский козырь и пустил его в дипломатическую игру.

Впрочем, и период между апрелем 1933 и августом 1939 г. нельзя назвать «мертвым сезоном» в советско-германских отношениях. Ухаживающей, – но все безрезультатно! – стороной была Москва. Тогда Кремль, раздраженный неуступчивостью фюрера, затеял в целях шантажа Германии большую дипломатическую контригру под названием «создание системы коллективной безопасности в Европе», которая увенчалась в 1935 г. подписанием договора о взаимопомощи с Францией. Настало время забеспокоиться Берлину. Именно с этим было связано согласие, данное Гитлером в конце 1936 г., на сугубо тайные контакты рейхсминистра Г. Геринга и директора Имперского банка Я. Шахта с советским торговым представителем в Германии Д. Канделаки. Последний действовал напрямую по поручению Сталина и Молотова с целью нащупать возможность улучшения отношений между двумя странами [3, с. 1001]. Никаких зримых результатов эти контакты, как и планировалось Берлином, не принесли и были вскоре прерваны по распоряжению фюрера.

Ввиду этой неудачи в Москве решили пойти ва-банк и поставить на кон «польский вопрос». В советской печати на протяжении 1938 г. появился ряд

статей руководителей НКИД – сначала заместителя наркома Потемкина, а затем и Литвинова, в которых Польше «предсказывалась», в наказание за ее нехорошее поведение, возможность четвертого раздела. Начиная с осени 1938 г. польская тема также постоянно поднималась руководителями НКИД в беседах с европейскими дипломатами. Последний советский козырь был разыгран, теперь оставалось только ждать ответа из Берлина.

Ответ пришел далеко не сразу. В Берлине правильно рассчитали, что пожали еще не все плоды англо-французской политики умиротворения и сорвали Мюнхенский приз! После этого триумфа рассчитывать на новые уступки стратегического порядка от Парижа и Лондона уже не приходилось. Наступил момент переориентировать свою внешнюю политику на Москву. Первой ласточкой новой весны в советско-германских отношениях стало достигнутое в октябре 1938 г. соглашение о взаимном прекращении нападок по радио и в печати на руководящих деятелей обеих стран. Затем последовало заключение в декабре 1938 г. советско-германского торгового соглашения.

Драматически зримо новая политика Берлина в отношении СССР была продемонстрирована 12 января 1939 г. на новогоднем правительственном приеме для дипломатического корпуса: Гитлер необычайно долго (целых семь минут!) любезно беседовал с советским послом А. Мерекаловым, которого до того демонстративно игнорировал. Согласно имеющимся данным, фюрер высказался за возобновление двустороннего диалога на высоком правительственном уровне, на что, по его словам, Сталин ранее (вероятно через Канделаки) уже дал свое предварительное согласие. Ответной любезностью советского вождя стала его речь на XVIII!!! съезде ВКП(б) в марте 1939 г., в которой он фактически назвал Великобританию и Францию поджигателями войны, а в адрес Берлина не проронил ни одного критического словца.

1939 год вообще можно назвать «годом СССР в Германии». С января полностью прекращается критика в адрес советского режима в немецких средствах массовой информации и выступлениях официальных деятелей Третьего рейха. В начале мая германское правительство удовлетворяет просьбу Москвы о признании действующими заключенных ею ранее, до поглощения Чехии Германией, контрактов с чешскими заводами «Шкода» на поставку в СССР продукции явно оборонного назначения [4, с. 31]. В июне, принимая во внимание советскую озабоченность положением в Прибалтике, Германия по собственной инициативе идет на подписание договоров о ненападении с Латвией и Эстонией. Германский посол в Москве Вальтер фон Шуленбург назвал этот шаг «первым политическим взносом» Германии в дело улучшения отношений с СССР [4, с. 35]. В апреле на уровне посольств начались, а в июле-августе были максимально ускорены переговоры по всему

комплексу отношений между двумя странами. Далее мы приведем их хронологию.

С учетом сказанного повторимся: дипломатическим сальто-мортале, т.е. драматическим отступлением от генеральной линии внешней политики СССР, выглядит как раз не заключение пакта Молотова–Риббентропа, а наоборот, недолгое участие Москвы в переговорах о создании системы коллективной безопасности в Европе в 1935 и 1939 гг.

Действительно, Сталин считал стратегический союз СССР с западными партнерами ложным шагом, уводящим в сторону от решения истинных – партийных – задач его режима на международной арене, заключавшихся в экспорте революции как по старым каналам Коминтерна, так и все в большей мере методами военно-политического «принуждения к социализму», т.е. с помощью силы. В условиях европейского мира последнее было совершенно невозможно. Поэтому у Сталина не могло быть ни малейшего желания становиться соавтором второго, улучшенного за счет советского участия, издания Версаля, на сей раз под названием «система коллективной безопасности в Европе». В беседе с британским послом в Советском Союзе С. Криппсом летом 1940 г. Сталин прямо заявил, что «СССР не является сторонником восстановления прежнего европейского равновесия», потому что оно направлено против советских интересов [4, с. 223].

Деятельность Литвинова по созданию системы коллективной безопасности была терпима Кремлем, поскольку могла заставить Гитлера вернуться к политике Рапалло из опасения, что эта система сдерживания Германии действительно будет создана в результате переговоров наркома в Париже и Лондоне. Однако как только обозначилась перспектива нормализации советско-германских отношений, энтузиазм наркома по поводу коллективной безопасности стал неуместен, как и он сам: Литвинова обвинили в англо- и франкофильстве и непроведении партийной линии во внешней политике. Учли в Москве и то обстоятельство, что для берлинского режима наркомеврей был наихудшим выбором на роль партнера по предстоявшим деликатным переговорам. В результате в мае 1939 г. Литвинов был отправлен в отставку.

Четыре месяца изучения всего комплекса советско-германских отношений по дипломатическим каналам завершились 11 августа 1939 г. принятием Политбюро решения «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов». Дорога ко «второму Рапалло», как часто называют договор 1939 г., была открыта.

Следует иметь в виду, что «Рапалло» – это меньше всего лист бумаги с напечатанным на нем в 1922 г. текстом. Куда важнее сущностная сторона вопроса. Суть же заключалась в том, что в силу объективных условий каждая из сторон рапалльского процесса – советская и германская, могла реализовать

свою внешнеполитическую программу, рассчитанную на весь версальский период европейской истории, *только* и *исключительно* в связке с другой стороной, заменить которую было некем. Германский посол в СССР в 1922–1928 гг. Ульрих фон Брокфорд-Ранцау называл это «общностью судеб». И в Берлине, и в Москве прекрасно осознавали эту взаимную обреченность на сотрудничество друг с другом в решающий момент перехода из версальского миропорядка в какой-то иной в результате новой европейской войны и социальной революции. В августе 1939 г. Европа стояла на пороге этих перемен, и «возвращение в Рапалло» стало неизбежным.

Запрограммированный провал

Как отмечалось выше, идея англо-франко-советских переговоров родилась в середине апреля 1939 г. Это был период наименьшей определенности в отношениях между тремя европейскими центрами силы. Поэтому как западные союзники, так и СССР сочли разумным «подстелить соломки», т.е. заручиться взаимной поддержкой на тот случай, если договориться с Германией им так и не удастся. Условия оказания такой взаимопомощи и предстояло согласовать в ходе трехсторонних встреч.

Парадоксальность ситуации, однако, заключалась в том, что вступая в эти переговоры, и англо-французская коалиция, и СССР мечтали об их срыве в результате достижения собственной сепаратной договоренности с Германией: столь тяжелым, на грани неприемлемого, был для них успешный с формальной точки зрения исход переговоров. Для Москвы военно-политическое окружение Третьего рейха означало бы одно из двух: либо полный отказ от планов завоевания Европы, если окруженная Германия откажется от войны; либо ополовинивание этих успехов, если все же Берлин решится на войну и проиграет ее объединенной коалиции союзников с участием СССР. После колоссальных жертв, которые страна понесла в годы коллективизации и индустриализации ради подготовки к большой войне за господство на континенте, столь невнятный итог неизбежно ставил бы под сомнение правильность всего внутри- и внешнеполитического курса сталинского руководства.

В те же дни в западных столицах мучительно решали вопрос о том, что им обойдется дороже: немецкая болезнь или советское лекарство. Было ясно, что за помощь СССР в войне с Германией придется заплатить согласием на установление контроля Москвы над Восточной и большей частью Центральной Европы. Даже если бы войны удалось избежать путем принуждения Германии к миру, то и в этом случае Восточная Европа попадала под сильнейшее влияние Москвы. Дело в том, что в качестве непременного условия своего участия в трехстороннем соглашении СССР выдвинул требование

о признании за ним права вводить войска на территории соседних восточноевропейских стран всякий раз, когда, по его мнению, для них возникнет угроза прямой и даже так называемой «косвенной» агрессии со стороны Германии. Последний термин трактовался столь расширительно (включал и чрезмерную экономическую зависимость, и усиление влияния прогерманских элементов внутри этих стран и пр.), что ставил их в сильнейшую зависимость от суверенной воли Кремля.

Вот почему, вступая в переговоры, каждая из сторон поспешила дать понять Берлину, что именно ее участие в них – это всего лишь подготовка «запасного аэродрома» и что она предпочла бы договориться обо всем с самой Германией. Впрочем, по-настоящему свободным в выборе образа дальнейших действий был только СССР, не имевший никаких обязательств перед остальными участниками комбинации, тогда как гарантии безопасности, данные Великобританией и Францией Польше, заметно сужали для них политическое пространство для маневра.

Уже отмечалось, что советская внешнеполитическая пропаганда обвиняла западных партнеров в грехе «закулисных» контактов с Берлином, предпринимаемых в надежде достичь с ним модус вивенди без участия СССР. Сами по себе эти «обвинения» обоснованы. Однако о параллельных и куда более интенсивных советско-германских переговорах умалчивалось. Приведем хронологию наиболее значимых из них:

– 17 апреля: беседа полпреда Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Вайцзеккером о возможности кардинального улучшения отношений между двумя странами. Беседа состоялась, вероятно не случайно, в тот самый день, когда в Москве заявили о согласии вступить в трехсторонние переговоры с Великобританией и Францией [4, с. 28–29];

– 5 мая: беседа заведующего восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Ю. Шнурре с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. Астаховым о положительном решении относительно выполнения советских заказов заводам «Шкоды». Астахов зондирует перспективы советско-германских отношений [4, с. 31];

– 17 мая: беседа Шнурре с Астаховым об удовлетворении советской просьбы о сохранении Торгпредства СССР в Чехословакии и о продолжении действия заключенных ранее с Чехословакией торговых соглашений. Обсуждение общих перспектив советско-германских отношений. Астахов ссылается на Рапалльский договор и ставит под сомнение успех трехсторонних переговоров. (Выступать самостоятельно со столь важными политическими заявлениями Астахову было явно не по рангу, т.е. это было сделано по прямому указанию из Москвы в качестве реверанса в сторону Берлина.) [4, с. 31–33];

– 28 мая: беседа Шуленбурга с Молотовым. Шуленбург: «Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его» [4, с. 34];

– 22 июля: возобновление переговоров о торговле и кредите;

– ночь с 26 на 27 июля: беседа Шнурре с Астаховым относительно скорейшего достижения стратегического советско-германского согласия [4, с. 38–43];

– 2 августа: беседа Риббентропа с Астаховым о судьбе Польши и Балтики в контексте советско-германского сближения [4, с. 44–46];

– 13 августа: беседа Астахова со Шнурре. Астахов подтверждает заинтересованность СССР в обсуждении поднятых немцами вопросов [4, с. 46–47];

– 14 августа: послание Риббентропа Молотову с предложением о широкоформатных переговорах в ходе его предполагаемого визита в Москву. Молотов предлагает заключить пакт о ненападении или подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. «с одновременным подписанием специального протокола», фиксирующим условия советско-германского территориально-политического размежевания в Восточной Европе [4, с. 47–56];

– 16 августа: послание Риббентропа Молотову о согласии имперского правительства на советские предложения, в частности о пакте. Молотов заявляет Шуленбургу о готовности Москвы заключить торгово-экономическое и политическое соглашения с Германией. Выражается принципиальное согласие на визит Риббентропа [4, с. 57–61];

– 19 августа: состоялись две беседы Шуленбурга с Молотовым о заключении пакта и сроках визита Риббентропа в Москву [4, с. 64–66];

– 19 августа: подписано торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией;

– 21 августа: послание Гитлера Сталину с согласием на советский проект пакта и просьбой ускорить приезд Риббентропа в Москву [4, с. 70–71];

– 21 августа: ответ Сталина Гитлеру с согласием на приезд Риббентропа 23 августа [4, с. 72–74].

Как видим, «закулисная» активность советской дипломатии по интенсивности и содержательности была исключительной.

В упрек западным партнерам ставился также неспешный приезд в СССР на пассажирском пароходе их военных делегаций и недостаточно высокий официальный уровень представительства. Опять-таки эти претензии вполне справедливы. Следует, однако, иметь в виду, что еще прежде того из Москвы в Берлин были посланы два куда более мощных сигнала об ее истинном отношении к предстоящим переговорам с Лондоном и Парижем. Мы говорим, во-первых, об отказе наркома обороны К.Е. Ворошилова от приглашения посетить большие учения британской армии весной 1939 г. Накануне войны в отношении будущего союзника так не поступают.

Однако куда более значимым жестом стала отставка европейски признанного архитектора системы коллективной безопасности М.М. Литвинова с поста наркома буквально накануне начала переговоров о создании этой самой системы. Москва демонстративно давала Берлину понять, что рассматривает, как более предпочтительный, вариант советско-германского сближения. Там, конечно, это так и расценили. «Отставка Литвинова явилась решающим шагом, – докладывал Гитлер высшим военным чинам рейха на совещании 22 августа 1939 г. – После этого я моментально понял, что в Москве отношение к западным державам изменилось». Для Лондона и Парижа отставка наркома также стала знаковым событием. В этих условиях неоправданно высокий уровень представительства западной коалиции мог создать впечатление ее слабости и особой зависимости от «милостей Кремля».

Еще одним обстоятельством, в значительной мере предопределившим неуспех московских переговоров, была весьма низкая оценка Лондоном и Парижем военной «союзоспособности» СССР. Иными словами: способен ли был СССР оказать союзникам эффективную и своевременную военную помощь, и стоила ли она тех территориально-политических уступок, которыми придется за нее заплатить? Эта оценка может показаться странной. Однако Сталинграду предшествовали полтора года отступления Красной Армии. Надо было обладать советской по размеру территорией, огромным призывным контингентом и сходными природно-климатическими условиями, чтобы постепенно абсорбировать удар германской военной машины, сохраняя при этом обширные тыловые районы для проведения мобилизационных мероприятий и развертывания производства вооружений. Такой благодатью Франция не обладала, и полутора лет на отступление у нее не было. В формате *столкновения армий,* а не *народов и государств,* РККА действительно оказалась бы незавидным союзником, что вскоре и подтвердила война с Финляндией.

Если исходные позиции обеих сторон на переговорах следует признать почти идентичными, то при рассмотрении их в динамике обнаруживаются прямо противоположные тенденции: заинтересованность Москвы в успехе трехсторонних переговоров, если изначально она вообще имелась, постоянно падает, а Великобритании и, особенно, Франции – только растет. Причина ясна: советской дипломатии удалось, а англо-французской – нет, нащупать почву для сепаратной договоренности с Берлином.

К концу июля Лондон и Париж фактически ставят крест на дальнейших попытках прийти к согласию с Германией в виду непреодолимых противоречий между сторонами. Исчезает опасность сепаратной сделки между ними. Из этого факта в Москве могли сделать только два практических вывода, каждый из которых предопределял избрание одной из двух разнонаправленных стратегий в вопросах войны и мира. Первый вывод: перед лицом все

более вероятной войны с Германией успех или провал трехсторонних переговоров становится для западной коалиции вопросом жизни или смерти, что гарантирует ее искреннее стремление к достижению соглашения с СССР; в таком случае советско-германские переговоры можно и нужно прекращать. Вывод второй: перед лицом запланированной Берлином войны против Польши и, следовательно, ее западных союзников он обречен искать соглашения с Кремлем, в связи с чем от страховки в виде переговоров с англо-французской коалицией можно отказаться, а советско-германские переговоры следует максимально интенсифицировать.

Какой из названных вариантов был выбран хорошо известно. 23 августа в Москве ждали прибытия министра иностранных дел Германии Й. фон Риббентропа. С трехсторонними переговорами следовало быстро заканчивать, объявив их неуспешными, что и было сделано Ворошиловым 22 августа. В качестве предлога был выбран отказ Польши пропустить через свою территорию советские войска для участия в боевых действиях против Германии.

Этот «польский аргумент» бездумно повторяется вот уже более 70 лет, однако что он доказывает – наверное, непонятно и тем, кто на него постоянно ссылается. Действительно, *что* в создаваемом таким образом раскладе могло не устраивать Кремль? Ведь выходило, что СССР практически в одностороннем порядке получал от Великобритании и Франции полноценные союзнические гарантии, сам будучи освобожденным польским отказом пропустить войска от фактического выполнения встречных обязательств перед Лондоном и Парижем. Мол, мы бы и рады повоевать за союзников, да вот Польша не велит! При этом никто не мешал СССР, будь у него желание воевать, осуществлять авиационные бомбардировки Германии, открыть боевые действия на море, использовать воздушный и морской десанты, послать экспедиционные войска для участия в боях на Западном фронте, перерезать пути снабжения Германии стратегическим сырьем, оказывать военно-политическое давление на страны, от скандинавских до Ирана, с целью удержать их в орбите антигитлеровской коалиции и т.д. Это в теории. На практике западная коалиция соглашалась на такой формально неэквивалентный обмен гарантиями с СССР потому, что всем было ясно, что после германского удара правительство Польши само запросит советскую помощь, либо еще из Варшавы, либо уже «из Лондона», т.е. будучи правительством в изгнании. Кстати, наша историческая литература даже не задается рядом важнейших вопросов, касающихся польской проблематики. Например, почему годом ранее, в дни судетского кризиса, СССР обещал Чехословакии вооруженную помощь, нисколько не увязывая ее оказание с получением согласия Румынии и той же Польши на проход советских войск? Или почему Москва самоустранилась от переговоров с Варшавой о пропуске войск и не довела до ее

сведения предложенный Генштабом РККА компромиссный вариант маршрута – по окраинным районам страны через Виленский коридор и Галицию. Также упорно обходится вниманием тот факт, что в конце концов французской дипломатии удалось-таки вырвать у польского министра иностранных дел Ю. Бека подобие согласия на военно-техническое сотрудничество с СССР в случае германской агрессии [1, с. 316–318].

Слагаемые Победы или издержки?

Знание истории заключения пакта-39 позволяет независимым исследователям утверждать, что при его подписании Сталин был озабочен не столько вопросом обеспечения безопасности СССР традиционными методами в смысле создания практических заделов для отражения будущей германской агрессии, сколько решением данной проблемы на путях европейской геополитики. Забегая вперед, скажем: в том-то и была «беда» пакта, что положенный в его основу геополитический расчет оказался в корне неверным, а предпринятые, исходя из него, практические мероприятия – строго контрпродуктивными. Стремление официальной историографии скрыть неудобную правду о геополитической стороне этого провалившегося проекта и одновременно представить успешными его промежуточные результаты, делают эту миссию в принципе невыполнимой.

Действительно, если взять ту же знаменитую «отсрочку», то совершенно очевидно, что нападать на СССР в 1939 г. у Германии не было ни малейшего намерения, ни малейшей возможности. Для начала достаточно указать на отсутствие общей границы между двумя странами. (Согласно известному историческому анекдоту, Наполеону в подобных случаях никаких дополнительных доказательств уже не требовалось.) Немецкое нападение на СССР через территорию Польши означало бы для Германии войну одновременно на двух фронтах – западном и восточном. Вероятность осознанного выбора Германией этого самоубийственного пути никем в Европе даже не рассматривалась. Не предполагало германской агрессии и соотношение сил двух сторон: 147 дивизий у СССР и только 53 – у Германии; 21 тыс. танков у СССР и только 3,4 тыс. – у Германии; 11 тыс. самолетов у СССР и только 4,3 тыс. – у Германии и т.д. В 1939 г. советско-германской войны не было даже в проекте, даже в виде штабной игры Объединенного верховного командования вермахта. По оценке одного из его руководителей генерала В. Варлимонта, германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г., в результате дефицита в вооружениях и отсутствия необходимых резервов личного состава [5, с. 55].

Рассуждения о судьбоносном значении пакта как документа вообще теряют смысл, поскольку на 23 августа 1939 г. между СССР и Германией **уже**

действовал Договор о ненападении и нейтралитете. Как указывалось выше, договор был подписан в Берлине в 1926 г. и в апреле 1933 г. по договоренности между советским правительством и правительством Гитлера продлен на неопределенный срок с правом денонсации при условии предупреждения за один год. Объем и характер взаимных обязательств сторон по обоим договорам – 1926 г. и 1939 г. – были практически идентичны. Кроме того, вплоть до 22 июня 1941 г. сохраняла силу советско-германская Конвенция о согласительной процедуре, обязывавшая стороны прибегать исключительно к ненасильственным способам урегулирования спорных вопросов между ними.

Таким образом, необходимые бумажные гарантии ненападения от Гитлера у Сталина имелись и до визита Риббентропа. Поэтому первоначально оформить новое советско-германское сближение предполагалось путем простого подтверждения (в чем, впрочем, не было никакой юридической необходимости) договора 1926 г. [4, с. 38, 55, 60]. На деле для Сталина пакт-39 был не более чем пустым конвертом, в который Гитлер должен был положить взятку в виде согласия на территориально-политические уступки Кремлю в Восточной Европе, чтобы заручиться сохранением благожелательного по отношению к Берлину советского нейтралитета в войне Германии против Польши и ее западных союзников. Как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе Риббентроп, по приезде в Москву ему с порога было заявлено без обиняков, что если размер «взятки» окажется недостаточным, он может сразу вылетать назад в Берлин [2, с. 137].

Вместо «спасения отечества» от мифической германской угрозы подписание злосчастного пакта, точнее, вновь расцветшее на его рапалльском фундаменте сотрудничество Берлина и Москвы, в действительности имели для СССР смертельно опасный побочный эффект. Теснейшая координация действий двух стран на международной арене, а также поставки стратегического сырья из СССР вкупе с предоставленной возможностью транзита германских экспортно-импортных грузов через территорию нашей страны в обход установленной союзниками системы экономической блокады рейха, дали Лондону и Парижу основания рассматривать Советский Союз как **невоюющего союзника** Германии. Дважды на протяжении зимы-весны 1940 г. отношения СССР с упомянутыми державами приближались к критической черте, чреватой возникновением вооруженного конфликта. Первый раз речь шла о планах посылки в январе-феврале 1940 г. 100-тысячного англо-французского экспедиционного корпуса на помощь Финляндии в ее войне против СССР с одновременной оккупацией Мурманска и бомбардировкой мурманской железной дороги; только отказ Швеции и Норвегии пропустить иностранные войска через свои территории сорвал эти планы. Следующий пик обострения отношений пришелся на май 1940 г., когда

германские войска стояли на границе с Францией в полной готовности к нападению. В этих условиях поставки стратегического сырья, в особенности нефти, из СССР в Германию рассматривались западной коалицией как прямое содействие германской агрессии. В ответ была разработана операция по нанесению бомбовых ударов по бакинским нефтепромыслам, а также железнодорожной сети в районе советско-германской границы. Начало операции было запланировано на 15 мая, однако пятью днями раньше Германия напала на Францию, и союзникам стало не до бомбардировок.

Таким образом, отдаляя, – якобы! – несуществующую еще германскую угрозу, пакт-39 в действительности породил абсолютно реальную и чудовищную по своим потенциальным последствиям, как для самого Советского Союза, так и для всего человечества, опасность вступления СССР в войну на стороне сил Зла.

Столь же нелепой, как «теория отсрочки», выглядит попытка объяснить заключение пакта-39 стремлением отодвинуть государственную границу дальше на запад в целях увеличения глубины стратегической обороны на пару сотен километров. На деле, ни военная доктрина СССР, ни уставы Красной Армии вообще не рассматривали стратегическое отступление в качестве возможного вида боевых действий. «Рабоче-крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий», – гласил Полевой устав РККА 1939 г. Суть военной доктрины раскрывал лозунг: «Бить врага на его собственной территории!».

В действительности выдвижение советских войск на неосвоенные в инженерном отношении и политически негостеприимные присоединенные территории соседних государств повлекло за собой снижение их боеготовности. Обычным делом было отсутствие в новых местах дислокации частей РККА казарм, бань, медпунктов, стрельбищ, танкодромов и т.д., что серьезно затрудняло организацию боевой учебы и отдыха личного состава. Кроме того, красноармейская масса не отождествляла оборону новых рубежей и территорий с защитой Родины и под германским ударом быстро покатилась назад, создавая обстановку всеобщей паники и неразберихи. В результате вермахт прошел присоединенную территорию Белоруссии и вышел на старую границу **на третий из 1418 дней** Великой Отечественной войны. Для оккупации Литвы и Латвии понадобилась **неделя**. О каких «слагаемых Победы» можно говорить?! При этом как-то забывается, что с согласия Москвы немцы продвинулись в Польше на восток на 400 км.

Теперь обратимся к ситуации на Балтике. Бесполезной в войне с Германией оказалась советская военно-морская база на финском полуострове Ханко, с территории которой так и не было произведено ни одного залпа по вооруженным силам противника. Фактически превратились в ловушки для

базировавшихся там кораблей Балтийского флота порты Эстонии. Не стала особым препятствием для вермахта и территория трех прибалтийских стран.

Чем сомнительнее с точки зрения укрепления обороноспособности выглядят советские приобретения 1939–1940 гг. в Польше, Румынии и на Балтике, тем чудовищней представляется заплаченная за них цена. За Бессарабию и Буковину заплатили полномасштабным участием Румынии в войне против СССР, в которой в 1941–1944 гг. приняли участие порядка 1 млн ее солдат. Платой за плацдарм на Ханко, спор вокруг которого в конечном счете привел к срыву переговоров с Хельсинки, были две кровопролитные войны с Финляндией (1939–1940 и 1941–1944 гг.) и замыкание блокадного кольца вокруг Ленинграда с севера. В целом из 2 тыс. км Восточного фронта летом 1941 г. 1200 км удерживались Финляндией и Румынией, последней при незначительном венгерском участии. Это позволило вермахту сконцентрировать свои силы на центральном московском направлении и добиться здесь феноменальных побед. Без содействия румынской армии был бы также невозможен успех крупнейшей в мировой истории операции по окружению войск противника – так называемого Киевского котла, в котором оказались от 600 до 700 тыс. красноармейцев. Советизация Прибалтики, ставшая конечной точкой в развитии ситуации в этом регионе на базе принципов пакта-39, означала уничтожение трех союзных СССР государств с сильными антигерманскими настроениями и армиями военного времени суммарной численностью порядка 400 тыс. человек. Вместо этого в ответ на советизацию Кремль получил «лесных братьев» и участие 200 тыс. граждан прибалтийских стран в вооруженных формированиях Германии. Наконец, ликвидация польского государства означала исчезновение буфера, отделявшего агрессора (Германию) от его жертвы (СССР), причем по инициативе самой жертвы, и сделала возможной знаменитую «внезапность» нападения на Советский Союз.

Некоторые историки, прежде всего «от политики», приписывают пакту заслугу срыва одновременного с немецким японского нападения на СССР. Конечно, примирение Берлина с Москвой нанесло тяжелый удар по военно-политическому сотрудничеству Германии и Японии в рамках «Антикоминтерновского пакта». Однако к 22 июня 1941 г. Токио уже мог утешиться заключенным 27 сентября 1940 г. Берлинским пактом о тройственном союзе между Германией, Италией и Японией. И если второй дальневосточный фронт так и не был открыт, то это, скорее, стало следствием разгрома японских войск на Халхин-Голе в ходе операции, запланированной задолго и начатой за несколько дней до подписания советско-германского договора.

Итак, никаких следов практического укрепления безопасности СССР перед лицом вероятной германской агрессии не обнаруживается. Результат оказался прямо противоположным. **В таком случае остается предположить**

одно из двух: либо что Кремль был захвачен группой клинических идиотов, либо что нам предлагают рассматривать договор Молотова–Риббентропа совершенно не в том международном контексте, на который он был рассчитан, а подгоняя его задним числом под ситуацию 22 июня 1941 г.

Напротив, все начинает выглядеть предельно логичным, достаточно предположить, что пакт-39 был скроен не под оборону СССР от германского нападения, а под устранение этой угрозы методом превентивной войны против Германии под знаменем мировой пролетарской революции. Тогда ликвидация польского буфера из величайшей геополитической ошибки превращается в виртуозно выполненную операцию по устранению главного препятствия на пути Красной Армии в Европу, причем чужими – германскими – руками. В 1920 г. это препятствие оказалось непреодолимым для РККА; теперь же Германия бралась сама разрубить «польский узел», причем ценой официального вступления в войну с западной коалицией!

Становится понятным и значение переноса границ, а вернее – выдвижения советских войск на запад на 150–250 км. Во-первых, в масштабах Восточной и Центральной Европы эти километры являлись значительной частью пути на Бухарест, Будапешт, Краков и далее – на Вену и Берлин. Во-вторых, в тылу советских войск, т.е. уже преодоленными, оказывались приграничные укрепления Польши и Румынии, например тогда еще польская Брестская крепость. Этим создавались особо благоприятные условия для быстрого развертывания советского стратегического наступления на запад. Наконец, с бессарабских и буковинских позиций было легко контролировать румынские нефтепромыслы, прекращение поставок с которых обездвиживало германскую армию по истечении буквально нескольких недель.

Вне перспективы европейского похода РККА не может быть понято и требование об установлении советского протектората над Болгарией, выдвинутое Молотовым в ходе переговоров с Гитлером и Риббентропом в Берлине в ноябре 1940 г. Невозможно мотивировать подготовкой к отражению германской агрессии ввод войск в страну, даже не имевшую общей границы с СССР. Но вот в картину «Похищение Европы» обретение Советским Союзом плацдарма на Балканах вписывалось весьма удачно. (Болгарский вопрос имел также отношение к обеспечению внутренней безопасности СССР.)

Итак, «дружба» с Германией обещала целый ряд заманчивых перспектив как общеевропейского, так и регионального значения. Со своей стороны Берлин с убедительностью библейского змия соблазнял Москву сделать выбор именно в пользу советско-германского сближения. В роли змия выступил старый знакомец большевистского руководства, дипломат – специалист по восточноевропейским делам Ю. Шнурре. Вот как он представил баланс *pro*

& contra в связи с обеими возможными внешнеполитическими ориентациями СССР – прогерманской и просоюзнической, в беседе с советским поверенным в делах в Берлине Г. Астаховым 27 июля 1939 г.: «Что может Англия предложить России? Самое большое – участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт, и, если Москва пожелает, германо-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена (благословенные времена польских разделов. – *А. Д.*), обе страны получат выгоду» [4, с. 40].

В Москве, конечно, понимали, что шнурровский анализ ситуации верен, но только применительно к первой стадии европейского конфликта – войне на западном фронте. После ее окончания, – независимо от того, кто окажется победителем, – для СССР складывалась чрезвычайно опасная ситуация. Если это будет Германия, то тогда Кремль лишится всех потенциальных союзников и окажется один не только против победоносной державы, поставившей под свой контроль ресурсы всего континента, но и ее сателлитов из числа обиженных Москвой соседей. Если одержит верх англо-французская коалиция, она припомнит СССР его фактически союзнические отношения с Берлином и авторитетно потребует, как минимум, восстановить в Восточной Европе статус-кво, существовавший там до советско-германского сговора.

Выдвинутое Шнурре предложение являлось, по существу, дипломатической реинкарнацией разработанного еще в 1895 г. начальником Германского генерального штаба так называемого «плана Шлиффена». Его цель состояла в избавлении Германии от проклятия войны на два фронта после того, как был создан русско-французский военно-политический союз. Такая возможность возникала в связи с тем, что на осуществление всеобщей мобилизации России требовалось 105–120 дней, тогда как Германии – всего 15. Полученную фору в 90–105 дней Германия рассчитывала использовать для скорейшего сокрушения Франции и последующей переброски войск на восточный фронт против еще не до конца отмобилизованной Русской армии. *На время войны с Францией германский Генеральный штаб был готов полностью оголить свой восточный фланг ради усиления западной группировки войск и отвести свои армии за Вислу, сдав, – временно! – русским всю Восточную Пруссию с Кёнигсбергом, а также прочие территории*. Сделанное Шнурре предложение являлось, по существу, дипломатическим близнецом этого плана. Прежней оставалась цель: избежать войны на два фронта и бить своих противников поодиночке. Прежним оставалось средство: лишить Францию русского союзника на время войны с Германией. Прежней оставалась и цена, которую Берлин был готов заплатить за осуществление этих планов: времен-

ный, только временный, уход Германии из Восточной Европы и сдача ее русским.

Почему же было принято германское предложение? Ответ прост: в Москве не собирались ждать окончания войны на западе, а намеревались, выждав удобный момент, выступить как самостоятельная третья сила и, имея союзником измученные войной народные массы Европы, превратить ее в войну общеевропейскую гражданскую. В 1925 г. Сталин конкретизировал данный прогноз следующим образом: если начнется межимпериалистическая война, говорил он, «то нам не придется сидеть сложа руки – нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашу весов, гирю, которая могла бы перевесить». Эту мысль он практически повторил через 14 лет, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г.

Следует со всей силой подчеркнуть, **что вне плана нанесения советского превентивного удара по Европе фактическое согласие Кремля на реализацию предложенного немцами дипломатического варианта замысла Шлиффена пришлось бы квалифицировать как величайшую глупость или величайшее предательство в политической истории человечества.** Если же не считать кремлевское руководство коллективным глупцом или коллективным предателем, то принятие им немецкого предложения **однозначно свидетельствует о его намерении самостоятельно выбрать выгодный для СССР момент вступления в европейскую войну, причем, по определению, вступления именно в превентивном порядке.**

Вот во имя чего подписывался августовский договор. На этом фоне рассуждать о пресловутой «отсрочке» или километрах перенесенных границ столь же нелепо, как спорить о том, удобно или нет забивать гвозди микроскопом (что, в принципе, возможно), забывая о его истинном предназначении. Масштаб сталинского замысла на предстоящую войну был таков, что изучать его надо по глобусу, а не по карте в лейтенантском планшете.

Так чем же стал августовский пакт для внешней политики СССР – блестящим маневром или роковой ошибкой? Ответ может быть как тем, так и другим, и будет зависеть от того, что считать целью его подписания. Если она сводилась к получению Советским Союзом некоторых преференций тактического порядка в виде «отсрочки» и переноса границ, как нас уверяет официальная пропаганда, то на деле результат, – несмотря на все ее потуги доказать обратное, – оказался прямо противоположным. Если же в вопросе целеполагания придерживаться нашего взгляда, то ответ будет следующим. С одной стороны, вступить в войну, как планировали в Кремле, с выдвинутых на запад позиций в удобное для себя время и ценой малой крови завоевать всю континентальную Европу, конечно, не удалось: сказался просчет в оценке характера будущей войны, оценке, положенной в основу всего замысла. На

деле сначала дождались германского нашествия, затем отступали до волжских рубежей, оставив страну на разграбление и уничтожение врагам. Но, с другой стороны, сто раз прав историк Ю. Фельштинский, утверждая, что «операция по разжиганию войны в Европе руками Гитлера была столь крупномасштабна, что переломить ее наступательный победоносный дух не смогли даже величайшие поражения Красной армии летом и осенью 1941 г. Советские войска все равно вошли в Берлин и утвердили коммунистическую систему правления в Восточной Европе. Только произошло это четырьмя годами позже» [4, с. 22].

Однако этот грандиозный триумф также был всего лишь промежуточным итогом операции, начатой в итальянском Рапалло в далеком 1922 г. По гамбургскому счету запланированная там стратегическая многоходовка, ставшая на долгие десятилетия содержанием и смыслом советской внешней политики и имевшая целью построение Всемирной красной империи, оказалась губительной антинациональной авантюрой и к середине 80-х годов закончилась катастрофой для самого Советского Союза, рухнувшего под невыносимым бременем невыполнимых имперских задач.

Литература

1. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – Т. 2. – 431 с.

2. Зора Ю.Н., Лебедева Н.С. 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь. – М., 1989. – № 9. – С. 125–143.

3. «История России. XX век. 1894–1939». – М.: Изд-во АСТ – Астрель, 2009. – 1023 с.

4. СССР – Германия. 1939–1941. Секретные документы. – М.: Изд-во Эксмо, 2011. – 383 с.

5. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. – М.: Изд-во Высшая школа, 1992. – 302 с.

А.А. Мигранян, М.Ф. Ткаченко

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

Мигранян Аза Ашотовна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, заведующая отделом экономики Института стран СНГ.

Ткаченко Марина Федоровна – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Российской таможенной академии.

Современная Россия сталкивается с беспрецедентным миграционным потоком. Большая часть мигрантов в России – это представители стран постсоветского пространства. Поток мигрантов в Россию неоднороден по их правовому статусу, что объясняется разноуровневой степенью интеграции бывших советских республик. В силу этого возникают проблемы соотношения правового статуса трудового мигранта, включая членов его семьи (прибывших вместе с ним или рожденных на территории РФ), и гарантированного принимающим государством пакета трудовых и социально-экономических прав и свобод.

В условиях формирования общего рынка труда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) важно четко определить стратегию унификации правил поведения мигрантов в стране приема, вопросы закрепления их трудовых прав. Необходимо разработать стратегию миграционной политики в отношении мигрантов из стран ЕАЭС, из стран СНГ и «третьих» стран (не входящих в указанные интеграционные образования), которые могут впоследствии воспользоваться преимуществами безвизового пространства в ЕАЭС и СНГ.

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-02-00375.*

Членами ЕАЭС являются: Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Армения, Кыргызская Республика.

Создание ЕАЭС предполагало реализацию свободного перемещения товаров, услуг, рабочей силы, капитала. Наиболее реализованный из этих четырех свобод является на сегодняшний день свобода перемещения рабочей силы.

Правовое поле в сфере миграции в СНГ в сопоставлении с ЕАЭС

Безусловной заслугой СНГ является создание правовой базы регулирования различных сфер деятельности, в том числе в области перемещения трудовых ресурсов. Базовым правовым актом для стран СНГ является Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов от 15 апреля 1994 г.[1] (которое предусматривает создание лишь равных условий труда).

Основополагающим правовым актом, регулирующим вопросы трудовой миграции стран ЕАЭС, является Договор ЕАЭС от 29 мая 2014 г.[2], направленный на создание равенства условий проживания, пребывания мигрантов и их семей. При этом для всех стран – участниц ЕАЭС свойственно преобладание норм упомянутого Соглашения о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов по СНГ.

Сравнительный анализ этих документов выявляет следующие различия:

1. Разный подход к определению: если в Договоре ЕАЭС рассматривается категория «трудящийся» без выделения страновой принадлежности, что предполагает полное равенство в правах трудоустройства и пребывания (проживания) всех граждан стран ЕАЭС, то в Соглашении СНГ четко определяется статус «трудового мигранта», чьи права лишь приближены к правам граждан и определяются по специальной разрешительной системе с определенными ограничениями. При этом стороной найма в обоих случаях выступает работодатель, однако в Договоре ЕАЭС в качестве работодателя также рассматривается и заказчик услуг, что существенно расширяет круг нанимателей, предусматривая в будущем формирование единого рынка услуг всех стран ЕАЭС (сейчас действует лишь единый рынок товаров). При этом оба

1. Соглашение от 15.04.94 «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» (Москва 14.04.1994). – URL http://www.kadrovik.ru/docs/soglashenie.ot.15.04.94.htm

2. Договор ЕАЭС (раздел XXVI «Трудовая миграция»), от 29 мая 2014 г. – URL http://docs.cntd.ru/document/420205962

документа определяют трудовые ресурсы из других стран как «иммигрантов», без дифференциации работников на категории.

2. Статус пребывания иммигранта в Договоре ЕАЭС определяется как временное пребывание, поскольку принцип свободного перемещения трудящихся не требует формирования условий временного и постоянного проживания. В Соглашении СНГ определение статуса пребывания иммигранта опирается на отсылочную норму национального законодательства стран и двусторонние соглашения, что предполагает дифференцированный подход к регулированию пребывания иммигранта по признаку страны происхождения. Данный подход остается определяющим и поныне, поскольку в странах ЕАЭС пока отсутствует проработанная нормативная база по вопросам правоприменительной практики основных положений Договора.

3. Исходя из принципа Договора ЕАЭС «свободы перемещения трудовых ресурсов» этот правовой акт не требует разрешительных документов на въезд в страну трудоустройства. Между тем положения Соглашения СНГ имеют отсылочную норму на национальное законодательство. Для трудоустройства в обоих правовых документах требуется разрешение на работу по договору с работодателем, заключаемому до въезда на территорию этой страны. Однако Договор ЕАЭС предполагает расширение возможностей трудоустройства на основе гражданско-правового договора (правоприменительная практика пока не проработана). Срок пребывания (проживания) на основе Договора ЕАЭС ограничивается сроком действия трудового договора (с правом его продления). Соглашение СНГ предусматривает отсылочную норму на национальное законодательство или двусторонние соглашения, что существенно сужает сроки проживания и ужесточает условия проживания.

4. Доступ на рынок труда по Договору ЕАЭС не отягощен ограничениями и дополнительными требованиями; Соглашение СНГ допускает упрощенный порядок – при наличии оговоренных двусторонними соглашениями – оформление стажа и перевод заработанных денег в страну происхождения мигранта. Социальное страхование и социальное обеспечение по Договору ЕАЭС предполагает равенство прав иммигрантов наравне с гражданами страны пребывания (за исключением пенсионного обеспечения – на основе законодательства страны постоянного проживания мигранта). Предоставляется медицинская помощь, полноценное образование членам семьи мигранта.

Соглашение СНГ дает право пользования социальным страхованием и обеспечением с отсылкой на национальное законодательство страны трудоустройства. Медицинское обслуживание осуществляется за счет работодателя (нанимателя) стороны трудоустройства на одинаковом уровне с ее гражданами; оговаривается недопустимость двойного налогообложения, возмещение травм и потери трудоспособности со ссылкой на национальное законодательство, признание трудового стажа. Знание языка не оговаривается ни в одном

из актов; допускается въезд семей без ограничений. По Соглашению СНГ предусматривается досрочное прекращение трудовых отношений и возвращение трудящегося-мигранта в страну происхождения в случаях нарушения им законов стороны трудоустройства и правил пребывания иностранных граждан. По Договору ЕАЭС депортация не оговаривается, так как прекращение трудовой деятельности не является критерием пребывания, иммигрант имеет право смены работодателя, свободного перемещения внутри страны трудоустройства. Признание дипломов предусматривается в обоих правовых документах без легализации, но с ограничениями: по Договору ЕЭАС – дипломы по педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельности должны пройти процедуру признания по правилам, установленным в государстве трудоустройства; по Соглашению СНГ – документы должны быть заверены в установленном порядке на территории стороны выезда с переводом на государственный язык стороны трудоустройства или русский язык.

5. Отличие Договора о ЕАЭС от законодательных актов иных уровней состоит в том, что на граждан других государств – членов ЕАЭС распространяется действие национального режима, дающего равный доступ к системе социального обеспечения граждан государства-трудоустройства трудовым мигрантам, предоставляются гарантии и членам семьи. В Соглашении СНГ правило национального режима распространяется только на медицинское обслуживание.

Расхождения в этих двух базовых соглашениях обусловлены разным уровнем интеграции, что требует имплементации норм Договора в национальное законодательство стран ЕАЭС, и самое важное – необходима разработка нормативных положений, направленных на создание и развитие правоприменительного механизма.

Нормативно-правовая база регулирования миграции в Армении и Киргизии

Анализируя национальные законодательные акты Республики Армения (РА), двусторонние и многосторонние соглашения, участником которых является Армения, можно сделать вывод о недостаточно эффективной имплементации норм международных актов в национальное законодательство, отметить значительное количество отсылочных норм в многосторонних соглашениях, позволяющих трактовать их в соответствии с законодательством сторон или двусторонних соглашений, результатом чего является появление правовых несоответствий в области миграции.

Первое. Для Армении в области установления правоотношений в миграционной сфере с государствами – членами ЕАЭС базовым является Договор о ЕАЭС.

В связи с этим можно обратить внимание, например, на следующие правовые несоответствия.

До сих пор имеет статус действующего Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о порядке пребывания граждан Российской Федерации на территории Республики Армения и граждан Республики Армения на территории Российской Федерации (Сочи, 11 июля 2014 г.), в котором прописано требование, что при въезде необходимо заполнение миграционной карты в отличие от Договора о ЕАЭС, содержащего указание на то, что миграционная карта заполняется при въезде, если планируется временное пребывание в течение более 30 суток.

Второе. В области установления правоотношений в миграционной сфере с государствами – членами СНГ базовым является Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов от 15 апреля 1994 г., если не содержится указание на иные многосторонние и двусторонние соглашения.

При анализе правовых норм, содержащихся в базовом законе Республики Армения «Об иностранных лицах», выявлено наличие несоответствий как правовым нормам, содержащимся в Договоре о ЕАЭС, так и правовым нормам, содержащимся в Соглашении СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов.

Сопоставление норм национального права и соглашений по СНГ и договора о ЕАЭС выявило, что физические лица рассматриваются как возможные работодатели только в рамках правового поля ЕАЭС, в национальное законодательство РА такое понятие не имплементировано.

В законе Республики Армения «Об иностранных лицах», где прописываются вопросы въезда и трудоустройства граждан (гл. 4)[3] не содержится определения понятия «трудовой мигрант» или «трудящийся мигрант», все въезжающие в РА обозначаются как «иностранные лица». Это противоречит как базовому Договору о ЕАЭС, так и двусторонним соглашениям со странами – участницами СНГ: трудовые мигранты не признаются в качестве отдельного объекта регулирования.

В отношении статуса пребывания трудовых мигрантов выявлено, что во всех случаях в отношении трудового мигранта предусматривается временный статус пребывания, однако, если в Договоре о ЕАЭС предполагается возмож-

3. Закон Республики Армения «Об иностранных лицах». – URL http://mirpal.org/agreements.html

ность пребывания трудящегося мигранта в другом государстве ЕАЭС в течение срока действия контракта, то закон Республики Армения «Об иностранных лицах» устанавливает временный статус пребывания сроком до одного года с возможностью продления срока еще только на один год.

В этом же законе Республики Армения «Об иностранных лицах» хотя и содержится требование получения визы для въезжающих с целью трудоустройства, но есть и оговорка, что «правительство Республики Армения на основе принципа взаимности либо при необходимости также и в одностороннем порядке может устанавливать для граждан некоторых государств безвизовый режим пребывания или может освобождать определенную категорию лиц от требования получения визы на въезд», что не противоречит Договору о ЕАЭС, а также иным многосторонним и двусторонним соглашениям.

Во всех законодательных актах признается, что правовой основой трудоустройства является трудовой договор (контракт), который должен быть заключен до въезда в страну трудоустройства. Однако в Договоре о ЕАЭС признается отсутствие иных разрешительных документов на въезд и прием трудовых мигрантов без оценки потребностей рынка труда. В законе Республики Армения «Об иностранных лицах» имеется положение о необходимости оценки потребностей рынка труда и получении разрешения на работу, однако в пункте «з» ст. 23 этого же закона содержится указание на то, что без разрешения на работу в Республике Армения могут работать «з) специалисты или другие лица, прибывающие на основе международных договоров Республики Армения», что можно в целом трактовать как соответствие Договору о ЕАЭС.

Доступ на рынок труда осуществляется при наличии контракта во всех случаях. В национальном законодательстве Армении вопросы социального обеспечения работников в обязательном порядке должны закрепляться в трудовом договоре. При этом не содержится конкретных гарантий трудовым мигрантам и членам их семей в части зачета стажа, неприемлемости двойного налогообложения, получения компенсации работодателем или государством Армении в случае получения работником профзаболевания или увечья, перевода денежных средств и пр. По сути, это делает невозможным сопоставление правовых норм национального законодательства Армении с правовыми нормами иных действующих двусторонних и многосторонних соглашений.

Отличие Договора о ЕАЭС от законодательных актов иных уровней состоит в том, что на граждан других государств – членов ЕАЭС распространяется действие национального режима, дающего трудовым мигрантам равный доступ к системе социального обеспечения граждан государства-трудоустройства, даются гарантии и членам семьи. В Соглашении СНГ

правило национального режима распространяется только на медицинское обслуживание.

Пенсионное обеспечение должно рассматриваться отдельным соглашением, на что есть указание в законодательных актах всех уровней.

Въезд членов семьи мигранта и их совместное проживание допускается всеми законодательными актами.

Вопросы амнистии / депортации Договором о ЕАЭС не рассматриваются. Закон Республики Армения «Об иностранных лицах» вопросы амнистии не затрагивает вообще, допускает возможность депортации в случае нарушения законодательства страны пребывания, что также прописано в Соглашении СНГ. В двустороннем соглашении не содержится особых указаний по этому вопросу, что создает момент правовой коллизии.

Признание дипломов как правовая категория не рассматривается в законе Республики Армения «Об иностранных лицах», хотя в Договоре о ЕАЭС и Соглашении СНГ содержится требование о взаимном признании дипломов без особых процедур.

При подробном рассмотрении многосторонних и национальных законодательных актов Кыргызской Республики обращает на себя внимание наличие значительных противоречий в первую очередь в области квотирования трудовых мигрантов.

Согласно Договору о ЕАЭС, «государства – члены союза не устанавливают и не применяют законодательные ограничения для защиты национального рынка труда». Тем не менее в 2015 г. принято Постановление Правительства Кыргызской Республики № 58 от 13 февраля 2015 г. «Об определении квоты на трудовую миграцию, устанавливающей предельную численность иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Кыргызскую Республику в целях осуществления трудовой деятельности, по отраслям экономики и регионам Кыргызской Республики на 2015 год»[4]. В данном Постановлении декларировано установление определенного порогового значения объемов принимаемых трудовых мигрантов в 2015 г., при этом нет ни единого упоминания об особых законодательных условиях для стран – членов ЕАЭС или отсылок на договор о его создании.

В то же время в раннем Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов от 28 марта 1996 г.[5] также отмечалось: «В зависимости от ситуации на рынке труда Российской Федерации и Кыргызской Республики полномочные органы ежегодно не позднее

4. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=73846

5. URL:https://www.lawmix.ru/abrolaw/10850

30 ноября будут устанавливать по взаимному согласию годовую численность трудящихся-мигрантов».

В этом же Соглашении предусмотрены ограничения о максимальном сроке на основе трудового договора (контракта), заключенного с работодателем принимающего государства. В частности, трудовой договор может быть заключен максимум на два года с возможностью последующей пролонгации сроком до одного года. Однако в соответствии с Договором о ЕАЭС работник из страны – члена ЕАЭС может временно пребывать в России столько, сколько действует трудовой договор, т.е. без ограничения во времени.

Специфика правового регулирования миграции в странах СНГ, не входящих в ЕАЭС

Анализ многосторонних и национальных законодательных актов Азербайджанской Республики в области регулирования миграционных процессов не выявил заметного уровня расхождений и противоречий в ключевых международных, двусторонних и национальных законодательных актах. Однако необходимо отметить, что действующий с 1 августа 2013 г. Миграционный кодекс[6] Азербайджанской Республики потенциально содержит значительное число правовых несоответствий в сфере регулирования миграции.

Во-первых, одним из заметных противоречий являются вопросы, связанные с регистрацией мигрантов. В Миграционном кодексе РА зафиксировано: «Временно пребывающие в Азербайджанской Республике более трех дней иностранные граждане или лица без гражданства должны быть зарегистрированы по месту пребывания. Для этого администрация места пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства (гостиницы, санатория, дома отдыха, пансионата, кемпинга, туристской базы, больницы или иного подобного общественного места) или владелец квартиры, другого жилого помещения (далее – «принимающая сторона») должны в течение трех дней со дня въезда иностранного гражданина или лица без гражданства в страну отправить посредством информационного Интернет-ресурса соответствующего органа исполнительной власти, по почте, электронной почте или непосредственно представить в соответствующий орган исполнительной власти заявление-анкету о регистрации по месту пребывания и копию паспорта (иного проездного документа) данного лица (Кодекс, ст. 16)».

Во-вторых, согласно ст. 62 Миграционного кодекса РА: «С учетом потребностей внутреннего рынка труда соответствующим органом исполнительной власти могут быть внесены ограничения на трудовую миграцию

6. Миграционный кодекс Азербайджанской Республики от 01.08.2013 г. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62530

в Азербайджанскую Республику иностранных граждан и лиц без гражданства по отдельным направлениям деятельности».

В-третьих, согласно Миграционному кодексу РА, для осуществления трудовой деятельности обязательно требуются разрешения на работу.

Анализируя национальные законодательные акты Республики Узбекистан, двусторонние и многосторонние соглашения, участником которых является эта страна, приходим к следующим выводам.

1. Для Узбекистана в области установления правоотношений в миграционной сфере с государствами – членами СНГ приоритетным является Соглашение СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15 апреля 1994 г. Миграционное законодательство Республики Узбекистан в основе своей не противоречит основным положениям данного Соглашения.

2. В миграционном законодательстве Республики Узбекистан отражены правовые взаимоотношения с мигрантами всех категорий, в том числе и с трудовыми мигрантами, которые в документах называются «иностранная рабочая сила». Эта категория граждан предусматривается в базовом документе – в Постановлении Кабинета министров Республики Узбекистан от 19 октября 1995 г. № 408[7], которым утверждено Положение о порядке привлечения и использования иностранной рабочей силы в Республике Узбекистан (с дальнейшими изменениями и дополнениями).

Положения данного документа были дополнены Постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан от 21.11.1996 г. № 408[8]. Въезд иностранным гражданам, прибывающим в Республику Узбекистан по приглашениям юридических лиц на работу по контрактам и договорам на срок свыше трех месяцев, осуществляется на основании подтверждения права на трудовую деятельность, выданного иностранному гражданину Агентством по вопросам внешней трудовой миграции в соответствии с установленным порядком.

В соответствии с трехсторонним Соглашением между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан по созданию правовых, экономических

7. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 19 октября 1995 г. № 408 «О трудовой деятельности граждан Республики Узбекистан за рубежом и иностранных граждан в республике». – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5507

8. Постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан от 21.11.1996 г. № 408 «О порядке въезда, выезда, пребывания и транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Узбекистан». – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=823

и организационных условий для свободного перемещения рабочей силы от 14 марта 1997 г. между тремя республиками осуществляется свободное перемещение рабочей силы.

Работники, которые постоянно проживают на территории одного из государств – участников Договора о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан, осуществляют свою трудовую деятельность на предприятиях, в учреждениях, организациях всех форм собственности на территории другого государства – участника Соглашения в соответствии с законодательством стороны-въезда.

3. Поскольку Республика Узбекистан является трудоизбыточной, Постановлением Кабинета министров от 12 ноября 2003 г. № 505[9] предусмотрено расширение масштабов трудоустройства узбекских граждан за рубежом, преимущественно в экономически развитых странах. Агентство по вопросам внешней трудовой миграции выдает разрешения гражданам Республики Узбекистан на осуществление трудовой деятельности за рубежом, впрочем как и разрешения юридическим лицам на привлечение иностранной рабочей силы. Разрешение на трудовую деятельность за рубежом выдается на срок трудового контракта, за его продление взимается плата.

4. Согласно действующему законодательству (и в первую очередь, вышеуказанному Постановлению Кабинета министров от 12 ноября 2003 г. № 505), в республике создан хозрасчетный Центр предвыездной адаптации и обучения граждан, выезжающих за рубеж, который отвечает за:

– информирование граждан, выезжающих на работу за рубеж, об основах законодательства, традициях и нормах поведения в стране въезда;

– обучение языку страны въезда на уровне, достаточном для общения и выполнения трудовых функций, правилам техники безопасности и охраны труда на производствах, в которых предстоит трудоустройство по контракту;

– проведение, с привлечением уполномоченных медицинских учреждений, комплексного медицинского освидетельствования состояния здоровья граждан, направляемых для трудоустройства за рубеж, с учетом требований зарубежных работодателей.

5. Поскольку развивающаяся экономика Республики Узбекистан нуждается в высококвалифицированных кадрах, законодательство предусматривает выдачу разрешений на осуществление трудовой деятельности в Республике Узбекистан иностранным гражданам, имеющим высокую квалификацию

9. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию организации трудовой деятельности граждан Республики Узбекистан за рубежом» от 12 ноября 2003 г. № 505. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5534

и уникальный опыт производственной деятельности, в течение 15 рабочих дней со дня подачи работодателем документов. При этом наличие у иностранного гражданина высокой квалификации и уникального опыта производственной деятельности определяется работодателем.

В национальном миграционном законодательстве Республики Узбекистан нет четких указаний относительно социального обеспечения иностранных работников. Однако в действующих двусторонних (Российской Федерации и Республики Узбекистан) и многосторонних соглашениях (Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Узбекистан) предусматривается, что въехавшие работники пользуются социальными гарантиями и социальным обеспечением (кроме пенсионного) в соответствии с действующим на территории стороны-въезда законодательством. Их медицинское обслуживание осуществляется на одинаковом уровне с гражданами стороны-въезда. В двустороннем соглашении России и Республики Узбекистан предусмотрено, что медицинское обслуживание трудящихся-мигрантов осуществляется за счет средств работодателя (заказчика работ / услуг) в соответствии с законодательством принимающего государства. Вопросы пенсионного обеспечения работников и членов их семей регулируются Соглашением «О гарантиях прав граждан государств – участников СНГ в области пенсионного обеспечения» от 13 марта 1992 г. или (и) двусторонними соглашениями.

В национальном миграционном законодательстве Республики Узбекистан не отражено положение Соглашения СНГ о взаимном признании дипломов. При этом в двустороннем и трехстороннем соглашениях предусматривается, что каждое из государств – участников Соглашения признает (без легализации) дипломы, свидетельства об образовании, соответствующие документы о присвоении звания, разряда, квалификации и другие необходимые для осуществления трудовой деятельности документы, а также трудовой стаж, включая стаж на льготных основаниях и по специальности. Вынужденное (необходимое) обучение работника в интересах производства осуществляется за счет средств работодателя или с согласия приезжего за его счет. После успешного завершения обучения ему выдается свидетельство (сертификат) установленного образца данного государства.

В национальном законодательстве Республики Узбекистан нет четких указаний относительно совместного проживания с иностранным гражданином членов его семьи. При этом двусторонние и трехсторонние соглашения предусматривают данную ситуацию. Так, в двустороннем соглашении России и Узбекистана четко прописано, что трудящийся-мигрант имеет право пригласить в принимающее государство для совместного проживания членов своей семьи при условии, что он располагает средствами для их содержания, а также имеет жилье, отвечающее требованиям к жилым помещениям, установленным законодательством принимающего государства.

Национальное законодательство Республики Узбекистан предусматривает депортацию иностранных специалистов, въехавших в Узбекистан с целью осуществления трудовой деятельности или принятых на работу с нарушением законодательства. Выдворение осуществляется органами МВД Республики Узбекистан за счет средств работодателя. При этом в двусторонних и трехсторонних соглашениях никаких указаний по данному вопросу не содержится.

Узбекистаном не подписано Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г., но в специальном соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан от 4 июля 2007 г.[10] предусмотрено сотрудничество соответствующих органов России и Узбекистана в области борьбы с незаконной миграцией.

* * *

На основе проделанного анализа и сопоставлений авторы предлагают следующие рекомендации.

Исходя из того, что при установлении правоотношений в миграционной сфере для государств – членов ЕАЭС базовым является Договор о ЕАЭС, целесообразно отменить рассмотренные двусторонние соглашения для стран участников ЕАЭС, как противоречащие базовому документу.

В Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов от 15 апреля 1994 г. (далее – Соглашение) возможно внесение изменений с указанием на то, что порядок въезда, пребывания и трудоустройства граждан стран ЕАЭС должен регулироваться в соответствии с многосторонними соглашениями.

К Договору о ЕАЭС должен быть составлен и приложен Протокол о взаимодействии государств – членов ЕАЭС с третьими странами, причем страны СНГ должны быть выделены особо и прописаны отдельным пунктом.

В миграционном законодательстве Республики Армения необходимо конкретизировать правовые аспекты регулирования миграционных процессов для стран – членов ЕАЭС. Армении следовало бы принять базовый закон «О трудящихся-мигрантах», в котором будут уточнены требования о порядке въезда, пребывания и трудоустройства граждан других государств в зависимости от страны происхождения.

В связи с наличием законодательных противоречий между Договором о ЕАЭС и Постановлением Правительства Кыргызской Республики № 58

10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией от 4 июля 2007 г. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18617

от 13 февраля 2015 г. в последнее следовало бы внести поправки относительно квотирования трудовой миграции, необходимо провести новую редакцию Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов от 28 марта 1996 г. в связи с отменой предельных сроков пребывания трудовых мигрантов из стран – членов ЕАЭС, работающих по трудовому или гражданско-правовому договору.

В Республике Азербайджан следует либерализовать миграционное законодательство, снять ограничения по трудоустройству мигрантов из стран СНГ в соответствии с подписанными соглашениями, увеличить сроки пребывания без регистрации.

В Республике Узбекистан следует привести в соответствие с Соглашением дефиницию понятия «иностранная рабочая сила» как «трудящиеся-мигранты», поскольку оно используется только в двустороннем соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации от 4 июля 2007 г.

Поскольку Республика Узбекистан нуждается в притоке высококвалифицированной рабочей силы, следует разработать новый базовый закон «О трудящихся-мигрантах», содержащий требования о порядке въезда, пребывания и трудоустройства граждан других государств в зависимости от страны происхождения, в том числе из государств – участников СНГ.

И наконец, при заключении двусторонних и многосторонних соглашений по вопросам сотрудничества в области трудовой миграции и социальной защиты мигрантов необходимо четко прописывать вопросы депортации / амнистии, чтобы не допускать правовых коллизий.

Литература

1. Договор ЕАЭС (раздел XXVI «Трудовая миграция»), от 29 мая 2014. – URL http://docs.cntd.ru/document/420205962

2. Закон Республики Армения «Об иностранных лицах». – URL http://mirpal.org/agreements.html

3. Миграционный кодекс Азербайджанской Республики от 01.08.2013 г. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62530

4. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 19 октября 1995 года № 408 «О трудовой деятельности граждан Республики Узбекистан за рубежом и иностранных граждан в республике». – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5507

5. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 21.11.1996 г. № 408 «О порядке въезда, выезда, пребывания и транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Узбекистан». – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=823

6. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию организации трудовой деятельности граждан Республики Узбекистан за рубежом» от 12 ноября 2003 г. № 505. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5534

7. Постановление Правительства Кыргызской Республики № 58 от 13 февраля 2015 года «Об определении квоты на трудовую миграцию, устанавливающей предельную численность иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Кыргызскую Республику в целях осуществления трудовой деятельности, по отраслям экономики и регионам Кыргызской Республики на 2015 год. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=73846

8. Соглашение от 15.04.94 «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» (Москва 14.04.1994). – URL http://www.kadrovik.ru/docs/soglashenie.ot.15.04.94.htm

9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов от 28 марта 1996 г. – URL: https://www.lawmix.ru/abrolaw/10850

10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией от 4 июля 2007 г. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18617

А.В. Гордон

КИТАЙ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН.

Си Цзиньпин стал генеральным секретарем ЦК КПК и Председателем КНР после XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.). С приходом нового руководства в стране и за ее пределами связывали большие ожидания. Феноменальный рост экономики, который вывел Китай на второе место в мире по объему ВВП, начал давать сбои. Резко возросло социальное неравенство; коррупция, затронувшая не только местные эшелоны власти, но и центральные ведомства, армию, силовые структуры, подрывала доверие к правящей партии; с 2000-х годов страна переживает серьезный экологический кризис.

Си Цзиньпин своей яркой личностью, административным опытом и биографией олицетворял решимость партийно-государственной элиты справиться с возникшими проблемами и вывести страну на новый уровень развития, не изменяя руководящей роли КПК в обществе и идеалам «социализма с китайской спецификой».

Он пришел к руководству с лозунгом «всестороннего углубления и ускорения реформ», и этот курс воплотился через год в материалах 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.). Пленум принял «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ», программный документ развития страны на новом историческом этапе. Состоявшее из 60 пунктов, оно было беспрецедентным по широте и масштабности замыслов и детальной их проработанности, охватывая, как подчеркивалось в официальном комментарии, 15 сфер жизни китайского общества, формулируя 55 задач и намечая 300 различных мероприятий [1].

Провозглашались цели «построения общества среднезажиточного благосостояния», создания «могучего, демократического, цивилизованного, гармоничного модернизированного социалистического государства» и в конечном

итоге – «осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Основной упор при этом делался на радикальную перестройку экономической системы, которая должна была стать «локомотивом» реформирования других сфер.

Предусматривалось, что рынок будет играть «решающую роль в распределении ресурсов». Важным нововведением должно было стать смягчение государственной монополии в финансово-банковской сфере: частному капиталу разрешалось создавать средние и мелкие банки.

Расширение сферы действия рыночных механизмов объяснялось в духе установок Дэн Сяопина: страна будет еще «долгое время находиться на начальной стадии построения социализма, и потому развитие по-прежнему является ключом к решению всех проблем Китая».

Предусматривалась также демократизация политической системы. Торжественно провозглашалось: «Народ должен контролировать власть, а власть – действовать открыто». Требовалось «посадить власть в клетку институтов», что предполагало формирование механизмов «сдерживания и контроля за властью». Декларировалось также создание правового государства, ускоренное строительство «справедливой, эффективной и авторитетной социалистической правовой системы», «защита прав и интересов народа».

Отдельно говорилось, что «государство уважает и гарантирует права человека», «постепенно» сократится количество статей уголовного кодекса, предусматривающих смертную казнь, и будет отменен «режим трудового перевоспитания», иначе говоря, упразднена процветавшая со времени образования КНР система принудительно-исправительных работ.

Можно сказать, что принятая в конце 2013 г. программа реформ явилась для руководства КПК следствием уже имевшегося опыта. Необходимость нового этапа структурных преобразований подчеркивалась предшественниками Си, трезво оценивавшими нарастание серьезных проблем, в том числе в экономической сфере. Еще в 2007 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао характеризовал китайскую экономику как «нестабильную, несбалансированную, дезинтегрированную и неустойчивую». Руководители страны отдают себе отчет в том, что современные трудности носят не конъюнктурно-циклический, а системный характер. Китай достиг того уровня развития, на котором произошел резкий спад в экономическом росте других стран Восточной Азии, поражавших мир феноменальными темпами (Япония, Южная Корея).

Исключительно благоприятные условия для подъема Китая возникли благодаря тому, что широкое применение капиталов и технологий развитых стран сочеталось в ходе реформ с использованием демографических ресурсов, изобилие и дешевизна которых характерны для развивающихся стран. Теперь эффективность технологических дивидендов «догоняющего разви-

тия» снижается (Китай уже не может просто заимствовать технологию развитых экономик, он должен преуспеть в собственных инновациях), а демографическая нагрузка, как и давление всей социальной сферы на экономическое развитие, возрастает.

«Ни одна из реформировавшихся социалистических экономик не имела таких идеальных условий для капиталистической трансформации, как Китай», – обобщает директор Центра китайских исследований Мичиганского университета Мэри Галлахер. Китай стал *мастерской мира* благодаря тому, что его фабрики «выжимали колоссальный прибавочный продукт из деревни» в виде труда мигрантов. «Их жизненные потребности были минимальными», зато их стремление улучшить условия жизни – «безграничным». Эта энергетика огромной человеческой массы и реализовалась в экономическом рывке Китая [14, с. 81–82].

Как обстоит дело сейчас? К 2010 г. численность сельских мигрантов превысила 220 млн. В настоящее время пройдена и отметка в 260 млн[1]. Очевидно, это уже близко к демографическому пределу. Потенциал аграрного перенаселения исчерпан, приток дешевой рабочей силы снижается, рынок труда сужается. А это чревато не только экономическими, но и социальными последствиями.

Столкнувшись в начале реформ с актами массового возмущения увольняемых с государственных предприятий рабочих и служащих, КПК достигла успеха в демонтаже государственно-административной системы трудовых отношений, когда работники были прикреплены к предприятиям, от которых зависело жилье, пропитание и все социальное обеспечение (радикальная версия японского «пожизненного найма»). Этот успех в переходе к капиталистическому рынку труда был достигнут в немалой мере благодаря стремительному преуспеянию контингента профессиональных рабочих и специалистов за счет дискриминации низкоквалифицированного труда мигрантов.

Однако пассивности мигрантов приходит конец. Специалисты считают поворотной точкой для всего рабочего движения в Китае забастовку весной 2010 г. на заводе «Хонда» в провинции Гуандун, приведшую к остановке всех китайских предприятий фирмы и к цепной реакции стачек по всей стране. В промышленности наиболее развитых приморских провинций уже ощущается нехватка неквалифицированной рабочей силы. Как следствие с середины 2000-х годов зарплата мигрантов стала расти на 10% ежегодно и к 2012 г. в реальном исчислении в 2,5 раза превысила уровень 2003 г. Так Китай

1. «Chinese Migrant Workers Exceed 260 Million by 2012», Xinhua News Agency, May 23, 2013. – http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-05/27/c_132411765.htm (accessed August 1, 2013).

достиг важного поворотного пункта, который экономисты назвали «конец дешевого Китая» [19, с. 21].

Китай утратил сейчас важнейший «демографический дивиденд», когда трудоспособное население росло быстрее, чем население страны в целом. Ныне рост численности трудоспособного населения прекратился. Вслед за снижением его доли в общей численности народонаселения оно начало снижаться и в абсолютных цифрах. Уже в 2013 г. численность трудоспособного населения сократилась на 3 млн 450 тыс. человек [1]. Если в Японии между высшей точкой экономического роста и снижением численности трудоспособного населения прошло 25 лет, в Южной Корее – 15, в Китае эти исторические моменты совпали. С отягчающими последствиями и для продолжения экономического роста, и для функционирования системы социального обеспечения [19, с. 22].

Политика ограничения рождаемости («одна семья – один ребенок») способствовала феноменальному подъему Китая благодаря высокому удельному весу трудоспособного населения. После 30 лет реформ она обернулась превышением доли пожилых. К 2030 г. их доля составит 20%, больше чем в США или России (19%), в то время как в Индии 8%, во Вьетнаме 12% [19, с. 27]. По возрастной структуре населения Китай вышел на уровень развитых стран; однако, утратив демографические преимущества развивающихся обществ, он далеко не достиг уровня материального благосостояния развитых. Коротко ситуацию резюмирует афоризм: «Китай стал стареть, прежде чем стал богатым».

Неблагоприятной особенностью демографической динамики оказалась гендерная диспропорция. Политика «одного ребенка» при сохранении патриархальных традиций, а главное из-за длительного отсутствия государственной системы социального обеспечения в сельской местности стимулировала умерщвление девочек. Если в 1980 г. соотношение новорожденных мальчиков и девочек было 108 к 100, то в 1990-х дошло до 120 к 100. Причем в сельской местности эта динамика стала еще более критической, дойдя до 123 к 100, что, по некоторым подсчетам, сулит одиночество 38 млн юношам [9, с. 30].

Средства массовой информации КНР обоснованно бьют тревогу. Дефицит невест вызвал рост цен на брачные отношения, что обостряет социальное расслоение, обрекая потенциальных женихов из малоимущих семей, которые преобладают в деревнях Центрального и Западного Китая, на холостяцкий образ жизни. Нехватка женщин особенно тяжело сказывается на структуре и моральном климате у сельской семьи, в конечном счете – на ее устойчивости. Утверждается поколенная структура 2–2–1, когда единственному наследнику придется заботиться о двух представителях старшего и двух – среднего поколения семьи.

Нередко основная нагрузка падает на дочерей или невесток, которые тоже вслед за мужчинами отправляются на поиск лучшей доли в города. Между тем депопуляция деревни и деградация этого традиционного института китайского общества, помимо социальных последствий, подрывают всю аграрную сферу Китая, в которой преобладают крестьянские хозяйства семейного типа.

В целом, как замечают специалисты, демографические тенденции уже в ближайшие пять лет окажутся серьезным фактором замедления роста, а в социальной сфере их дестабилизирующий эффект будет нарастать по мере замедления роста. Реагируя на неблагоприятные тенденции, ноябрьский пленум ЦК 2013 г. наметил послабления в регулировании рождаемости, однако сложившийся в ходе реформ демографический механизм эти меры вряд ли смогут остановить. Более того, поступательная урбанизация (она также предусматривается документами пленума), стимулирующая миграцию в города, будет способствовать дальнейшей социальной деградации деревни.

Прямым негативным следствием экономического рывка сделалось разрушение природной среды. Предельная интенсивность использования ресурсов породила глубокий и непреходящий экологический кризис. Потребление энергии неуклонно растет – вопреки заданиям пятилетних планов о его снижении оно выросло за 2000–2010 гг. на 130%; и при этом 70% энергопотребления обеспечивается использованием каменного угля. Кроме катастроф на шахтах, оборотной стороной угольного «уклона» сделалось засорение воздушного пространства углекислотой и другими вредными примесями. Бурная автомобилизация последних 10–15 лет дополняет неблагоприятную картину, резко ухудшая условия жизни горожан. По данным международных обследований 500 крупнейших китайских городов, лишь несколько из них удовлетворяют нормам ВОЗ по качеству воздуха [11, с. 185–186].

Еще, может быть, хуже ситуация с водными ресурсами. Нет природного ресурса, дефицит которого внушал бы бóльшую тревогу китайским властям и нес бы бóльшую угрозу перспективам дальнейшего экономического подъема, чем вода. Не менее десяти провинций страдают от ее дефицита, а эти провинции дают 45% ВВП, 40% продукции сельского хозяйства и более половины промышленной продукции. По данным Геологический службы Китая, более четверти стоков основных речных систем страны непригодны даже для промышленного или сельскохозяйственного пользования [11, с. 186].

Исключительных размеров достигла деградация почвы. Традиционная житница Китая лёссовое плато в настоящее время не имеет равных в мире по степени почвенной эрозии. В связи с неумеренным применением минеральных удобрений и химических средств защиты растений интенсивно происходит загрязнение почвы и подпочвенных вод солями тяжелых металлов и диоксидами. Следствием стало появление «раковых деревень», где уровень

онкологической заболеваемости в десятки раз превышает общекитайские показатели[2].

В программных документах 2013 г. провозглашен курс на формирование в Китае «экологической цивилизации» в грандиозной перспективе создания «прекрасного Китая». Несомненно, это перспектива на долгие годы и даже десятилетия [20]. Пекин присоединился к международной программе борьбы с глобальным изменением климата. Личное участие Си Цзиньпина во Всемирном форуме по климату в Париже в декабре 2015 г. сделалось заметным событием, способствовав успеху его работы и укреплению авторитета китайского лидера. Между тем экологическая ситуация в самом Китае остается крайне неблагоприятной и ждет радикальных системных решений.

Среди издержек десятилетий бурного роста китайской экономики все более ощутимая неустойчивость финансовой системы. Предельно нарастив в 2008–2012 гг. инвестиции, Китай не только добился высших темпов прироста ВВП, но и попал в финансовую западню. Оборотной стороной оказалось изобилие убыточных проектов, которые бесконечно мультиплицированы местными властями. Последние, откликаясь на призывы центральных властей о наращивании темпов роста, набрали множество кредитов, с выплатой которых они не в состоянии справиться. По совокупности долги местных властей превышают 1,6 трлн долл., а общая государственная отягощенность «плохими долгами» достигает, по оценкам, 25% ВВП [19, с. 21].

В материалах ноябрьского пленума 2013 г. признается, что проблемы «соразмерения финансовых ресурсов с полномочиями центра и мест» сохраняются и эта ситуация не способствует созданию сбалансированной финансовой системы. Однако, как показали дальнейшие события, проявлялся неоправданный оптимизм: «В настоящее время риски, связанные с долгами местных правительств, находятся под контролем». Правда этому несколько противоречила следующая фраза: «Мы продолжим принимать эффективные меры с целью дальнейшего усиления контроля над долгами местных правительств».

Нестабильность финансово-банковской системы Китая с очевидностью продемонстрировала вызвавшее панику среди инвесторов падение курсов ценных бумаг на биржах Китая летом 2015 г. и повторно в январе 2016 г. Вместе с лихорадочными усилиями регулирующих органов разрядить ситуацию обвалы на финансовом рынке серьезно подорвали престиж национальной экономической системы, задели косвенно репутацию государственного руководства в стране и за ее пределами.

2. Лю, географ из университета Центрального Миссури (США), сообщал в 2010 г. о 459 установленных им «раковых деревнях», в части которых онкологическая заболеваемость в 30 раз превышала среднекитайский уровень [11, с. 187].

Фактором понижательной тенденции остается наращивание инвестиций при резком падении их эффективности. Подсчитано, что вложения в экономику Китая дают сейчас на 40% меньше отдачи для роста ВВП, чем десятилетием раньше, притом что прямые инвестиции обеспечивают в стране почти половину роста ВВП [19, с. 21].

Финансовые риски определенно сохраняются; и, как ни парадоксально, стремление стабилизировать экономическую систему усугубляет положение, поскольку регуляторы вместо реструктурирования убыточных предприятий побуждают государственные банки для их спасения от банкротства наращивать необеспеченные кредиты. Погашая долговременную задолженность краткосрочными субсидиями, власти вкладывают средства в проекты, не сулящие отдачи, и в заведомо убыточные корпорации.

Так возникает огромный сектор «фирм-зомби», «полумертвых-полуживых», что, отмечает профессор экономики Китая Калифорнийского университета (Сан-Диего) Барри Ноутон, порождает не только риск финансовой паники, но и экономической стагнации. Нечто подобное было в Японии: там тоже после феноменального роста в 1970–1980-х годах и под влиянием инерции роста длительное время избегали реструктурирования убыточных корпораций, и это обернулось целым «потерянным десятилетием», как назвали 1990-е годы сами японцы [19, с. 21].

С ростом доходов широких слоев населения стремление к рыночным реформам ослабло, а очевидная неспособность предшественников Си Цзиньпина к их продолжению, хотя официальная пропаганда постоянно «вбрасывала» сообщения о новых грандиозных планах, породила кризис доверия в способность КПК к переменам. Даже когда с приходом к руководству Си Цзиньпина – Ли Кэцзяна были сделаны решительные заявления о возобновлении рыночных реформ и осуждена «пустая болтовня» прежних лет, скептицизм в отношении политики реформ сохраняется. «Это правда? – говорят в народе. – Мы поверим в них, когда увидим» [19, с. 18].

Поэтому программные документы пленума 2013 г. могут восприниматься как заклинание: «Если поддерживать твердую веру в реформы, с еще большей политической смелостью и мудростью принимать более действенные меры и способы продвижения реформ, Китай непременно сможет добиться решающих успехов в области реформирования важнейших сфер и ключевых звеньев» [1].

В сущности, программа реформ нынешнего руководства КНР оставила неразрешимые противоречия. В экономике провозглашались создание «открытой системы», усиление роли рыночных механизмов и позиций частного капитала, а в культуре – консолидация «системы основных ценностей социализма». Предполагалось совершенствование механизмов контроля за властью, но сами механизмы оставались в руках власти. Высшее достижение

политической мысли КПК эпохи реформ «консультативная демократия» подразумевала лишь совещательную функцию общественного волеизъявления: «Под руководством Компартии Китая общество широко обсуждает важные вопросы социально-экономического развития страны и проблемы, касающиеся основных интересов народных масс». Установки на «строительство политической системы социалистической демократии» и «создание правового государства», защищающего «права человека», формально не противореча друг другу, были почерпнуты из диаметрально различных политических лексиконов.

Запрограммированное продвижение КНР по пути реформ за прошедшее с ноябрьского пленума 2013 г. время ощущается слабо, зато заметными сделались социально-психологические последствия торможения экономического роста. Китай в предшествовавшие десятилетия развивался столь стремительно, что рядовому жителю Поднебесной будущее виделось полным различных возможностей. Но на уровне бытовой повседневности подобные ожидания слабеют, возрастает тревога.

В сфере массового сознания происходили серьезные сдвига. В начале XX в. в Поднебесной говорили: «Только капитализм может спасти Китай», после прихода коммунистов к власти – «только социализм может спасти Китай», с распадом Советского Союза и крушением коммунизма в Восточной Европе – «только Китай может спасти социализм», а в последнее время, особенно после мирового финансового кризиса 2008 г. – «только Китай может спасти капитализм» [10, с. 2].

Феноменальный рост ВВП отразился в феноменальном же наращивании экономической мощи государства. Резко сокращавшиеся с демонтажем командно-административной экономики бюджетные поступления стали столь же стремительно расти по мере того, как рыночная экономическая система утвердилась в Китае. За 1995–2012 гг. эти поступления выросли в 15 раз, от 113 млрд до 1,86 трлн долл., составив 22,6% ВВП (вместо 10,8% в 1995 г.). Государство, которое еще недавно не справлялось с самыми насущными потребностями, буквально «купается в деньгах». Такой бюджет позволял наращивать инвестиции, справляться с социальным протестом, а на международной арене вынашивать амбициозные планы.

За прошедшие три с лишним года пребывания у власти во внутриполитической ситуации Си Цзиньпин проявил себя в полной мере лишь на фронте борьбы с коррупцией. Сотни тысяч чиновников разного уровня, включая несколько знаковых фигур из высших сфер, были затронуты партийными расследованиями и уголовными преследованиями. Несомненно, это способствовало росту авторитета нового лидера в обществе, однако вряд ли подобные действия могли получить безоговорочное одобрение партийных и государственных кадров. К тому же Си Цзиньпин своей харизмой явно подрывал

сложившийся в ходе реформ принцип коллективного руководства. Отвечая общественной потребности в сильном решительном лидере страны, он обрел политический и моральный статус, которого не было ни у одного из предшественников после Дэн Сяопина.

Новый лидер Китая должен был оправдывать эти ожидания. Огромные финансовые ресурсы, в том числе выраженные в иностранной валюте, с одной стороны, настроение общественного мнения в пользу обретения Китаем статуса мировой державы – с другой, подсказали китайскому руководству перенос центра активности в сферу международной деятельности. Си решительно отошел от установки родоначальника китайских реформ «держаться в тени» на международной арене.

«Китай – это "пробуждающийся лев" при руководителе, который сосредоточил власть в своих руках и верит в возрождение национального величия Китая». Он «гордится своей твердой позицией в отношении соперников Китая» и предпочитает линию «идти до края, не переходя его», – говорил директор Центра американских исследований Народного университета Китая (Пекин) Ши Иньхун на заседании Европейского центра международных исследований в Берлине 24 марта 2015 г. [21].

В ноябре 2014 г. состоялась конференция ЦК КПК по вопросам внешней политики, в которой участвовали члены правительства, ответственные сотрудники министерств, центрального и регионального партаппарата, работники МИДа и других учреждений, ведающих международными связями Китая. Это была четвертая конференция подобного уровня и масштаба за всю историю КНР (предыдущие состоялись в 1971, 1991, 2006 гг.). Ее проведением руководство КПК указывало кадрам на растущее значение внешней политики для достижения важнейших целей партии и государства.

На конференции с программной речью выступил Си Цзиньпин. Он потребовал добиваться международной поддержки для реализации «китайской мечты», «решительно отстаивать территориальный суверенитет и морские права и интересы, обеспечить возможности и пространство для развития, стремиться к осуществлению глубокой конвергенции и взаимовыгодного сотрудничества» [22, с. 8–9].

По замыслу Си, внешней политике Китая следует стать более искусной и динамичной в достижении стратегических целей, «минимизировать риски и максимизировать выгоды», которые представляет «более сложная и более требовательная среда». Хотя Китай еще остается развивающейся страной, сила и влияние в мировой системе позволяют ему вести внешнюю политику

великой державы. Но это должна быть особая политика – «великодержавная дипломатия с китайскими чертами»[3].

Поскольку руководство КНР традиционно выступало против великодержавности, делается упор именно на «китайские черты», противоположные тому содержанию, которое вкладывалось в это понятие в его привычно негативном значении. Подчеркивается, что Китай стремится к отличной от традиционных военно-политических союзов структуре отношений, на основе взаимной заинтересованности и всесторонности, не допускающей сосредоточения на военных аспектах и охватывающей все страны региона. Предложенная Си новая архитектура региональной безопасности и сотрудничества была расценена за границей как прямой вызов американской системе союзов в Азии.

США – главный соперник Китая в Азии, они препятствуют гегемонистским устремлениям Пекина в этом огромном регионе. Однако при этом Пекин стремится избежать прямой конфронтации с США как на региональном, так и особенно на глобальном уровне. В руководстве КНР представляют, что соперничество между Китаем и США неминуемо. Но оно не должно в обозримой перспективе привести к борьбе за лидерство, которое обернется прямой конфронтацией.

Официальную позицию КНР изложил вице-премьер Госсовета Ван Ян на экономической конференции в Чикаго в январе 2015 г.: «США – мировой лидер… Китай не имеет ни намерений, ни возможностей оспаривать ведущую роль США». Как разъясняют ученые-международники КНР, необходимо избежать «ловушки Фукидида»[4]. Современные исследователи и теоретики международных отношений используют эту мифологему для описания взаимоотношений между США как гегемоном и Китаем, потенциально претендующим на эту роль.

Си Цзиньпин высказал свое отношение, выступая в Сиэттле в рамках визита в США (сентябрь 2015 г.): «Такой вещи, как “ловушка Фукидида”, не существует, но когда большие государства снова и снова допускают страте-

3. Многозначительный термин появился в прессе КНР еще в первой половине 2013 г. [22, с. 12].

4. Описанная Фукидидом в «Истории Пелопоннесской войны» ситуация, когда Делосский союз (Афины) и Пелопонесский союз (Спарта) оказались заложниками «ловушки», вызванной ростом Афинского могущества и страхом Спарты перед усилением Афин. По подсчету директора Белферовского центра международных отношений Гарвардского университета Грехэма Аллисона, с 1500 г. война между восходящей державой и гегемоном случалась в 11 случаях из 15 (Allison G. T. Obama and Xi must think broadly to avoid a Classic Trap // New York Times. 2013. June 6 (http://www.nytimes.com/2013/06/07/opinion/obama-and-xi-must-think-broadly-toavoid-a-classic-trap.html).

гические просчеты, они могут создавать такие ловушки для себя сами». Барак Обама со своей стороны заявил, что не верит в неизбежность войны между Пекином и Вашингтоном: «Соединенные Штаты приветствуют восхождение Китая, являющегося мирным, стабильным, процветающим и ответственным игроком на международной арене»[5].

По мнению китайских международников, Китаю еще далеко, чтобы оспаривать лидерство США. Хотя Китай уже обладает «глобальной экономической мощью», в других компонентах глобального влияния он еще слишком слаб, уточняет Ян Сюэтун, руководитель Института современных международных отношений в Университете Цинхуа. США остаются «единственным центром стратегической, военной и политической силы». Помимо того что это самая мощная держава в военном отношении, «вне конкуренции остается американская мягкая сила». США – единственная держава, которая «может предложить модель, влиятельную для других стран» [13, с. 3–4].

Китай «не станет подражать американской стратегии “насильственной экспансии”, которую США применяли в XIX в. в западном полушарии», и потому его возвышение не будет сопряжено с применением силы. Отвергая «теорию системной войны», вытекающую из «ловушки Фукидида», Ян Сюэтун поддерживает мнение ветерана китайских международников Чжэн Бицзяня о возможности «мирного возвышения» Китая[6].

Избегая глобальной конфронтации, Пекин сосредоточивается на борьбе за Азию. В октябре 2013 г. на заседании постоянного комитета Политбюро (высший орган КПК) была провозглашена «политика доброго соседа». По выражению Ян Сюэтуна, лозунгом китайской дипломатии становится: «Великие державы – это ключевой вопрос, а периферии – приоритет».

Глава Школы международных исследований Пекинского университета Ван Цзиси еще в 2012 г. отметил парадоксальное и тревожное явление: «Становясь все более могущественным, Китай чувствует себя все в меньшей безопасности». Китай нуждается в обретении стратегического тыла для своего дальнейшего восхождения как великой державы. А этот тыл могут обеспечить только хорошие отношения с соседями и их благополучие [13, с. 2, 4].

5. «США и Китай идут к войне, но ее еще можно избежать» (РИА Новости). – http://ria.ru/world/20151018/1304095531.html

6. Чжэн Бицзянь впервые изложил свою концепцию в Центре стратегических и международных исследований США в декабре 2002 г. (The 16th National Congress of the Communist Party of China and China's peaceful rise – a new path. Speech by Zheng Bijian at the Center for Strategic and International Studies, Washington DC, 9 December 2002, mode of access: http://www.brookings.edu/fp/events/20050616bijianlunch.pdf).

Однако в этой области у Пекина из-за тяжелого наследия прошлого (Антияпонская война, вооруженные конфликты с Индией и Вьетнамом) остается немало «скелетов в шкафу». Кроме неутихающих многие десятилетия пограничных споров с Индией и ставшего уже традиционным при предшественниках Си противостояния с Японией из-за архипелага Сенкаку, разгораются споры из-за притязаний Китая на освоение акватории Южно-Китайского моря, в которых задетыми выступают Вьетнам, Филиппины, а также Малайзия.

В этих условиях нужен сильный противовес, и он есть в распоряжении руководства КНР в виде огромной экономической мощи, валютных резервов более 3,5 трлн долл. и зависимости стран региона от экономических связей с Китаем. Как отметил заместитель министра иностранных дел КНР Лю Чжэньминь в статье в «Жэньминь жибао» под звучным названием «Мощь Китая способствует стабильности и процветанию в Азии» (28 апреля 2014 г.), торговля Китая со странами Азии превосходит торговый оборот с США и ЕЭС, половина основных торговых партнеров Китая и 70% инвестиций приходятся на Азию. Таким образом, «развитие Азии неотделимо от развития Китая, и развитие Китая неотделимо от развития Азии» [13, с. 5].

Соседние страны, по убеждению китайского руководства, должны быть уверены, что выиграют от бурного экономического роста Китая: они должны получать от этого «экономические дивиденды» благодаря в том числе прямой помощи КНР, независимо от своей идеологии и союзнических отношений. Это «стратегия взаимовыгодного партнерства», а в перспективе – создание вокруг Китая «ассоциации стран общей судьбы», по замыслу и терминологии Си Цзиньпина [13, с. 2, 4].

Провозглашенные Си Цзиньпином проекты Шёлкового пути и аналогичных каналов широких международных связей Китая являются развитием курса добрососедских отношений. Сразу после прихода Си к руководству им были выдвинуты проекты «Шёлкового пути – экономического пояса с Центральной Азией» и «Морского шёлкового пути» в Юго-Восточную Азию. Проекты «шёлковых путей» (определения которых менялись), объединяемые ныне в китайской прессе общим термином «единый пояс, один путь», безусловно, важнейшая инициатива внешнеполитического курса Си Цзиньпина.

Концепция совокупного Проекта, как его понимают в стране, соответствует изменению в самоидентификации Китая от «просто восточноазиатской страны» к «важнейшей державе на Евразийском континенте» [26]. Это именно панконтинентальный проект. По подсчетам китайских экспертов, проект должен охватить страны с населением более 4 млрд и ВВП около 21 трлн долл., т.е. 65% населения и 30% мировой экономики [23, с. 3].

Соединяя Китай с Центральной Азией, Россией и Европой (через Балтику), «Экономический пояс Шёлкового пути», как гласит одобренный Госсоветом КНР документ, связывает «динамичный Восточно-Азиатский регион с развитой экономикой Европы и включает страны с огромным потенциалом экономического развития». А через Центральную и Западную Азию Китай «соединяется с Персидским заливом и Средиземным морем».

«Морской Шёлковый путь 21 века» должен вести из Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан, а также через Южно-Китайское море – в южную часть Тихого океана. К этому двуединому проекту в качестве дополнения предполагалось создание нескольких сухопутных «экономических коридоров» в сторону Пакистана и Индии [24].

Проект Шёлкового пути рассматривается в этом и других официальных документах в контексте интеграции мировой экономики, равно как развития межкультурных связей и человеческого общения на благо всей цивилизации. Более того, Пекин крайне озабочен, чтобы проект не выглядел выражением исключительно китайской заинтересованности. Это «не зона исключительных интересов Китая», уточняла «Жэньминь жибао», а «совместное предприятие всех заинтересованных стран», «зона общих интересов» [23, с. 7].

Как заверял Си Цзиньпин, «Китай будет следовать принципу широких консультаций, совместного вклада и общей выгоды. Программы развития будут открытыми и инклюзивными, а не эксклюзивными. Это будет настоящим хором с участием всех стран, расположенных на данных путях, а не соло Китая». Существующие механизмы или проекты регионального сотрудничества не будут упразднены, а, напротив, будут поддерживаться Китаем [25].

Директор Центра Азиатско-Тихоокеанских и глобальных стратегических исследований Китайской академии общественных наук Ли Сян'юан отметил военно-стратегические аспекты Проекта. Обеспечить безопасность транспортных путей, особенно морских: борьба с пиратством, спасательные операции, применение международного права. Усилить региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Создать механизм для разрешения территориальных споров и совместной эксплуатации морских ресурсов при их неразрешенности [23, с. 8–9].

Однако упор делается именно на экономические вопросы, на сотрудничество в целях общего развития, на массивные инвестиции Китая в инфраструктуру присоединившихся стран. По выражению посла КНР в Лондоне, Проект – это предложение использовать «китайский экономический экспресс» на «благо всего мира» [17]. И оно видится энтузиастам в КНР распространением модели развития Китая по всему миру: «Железные и автомобильные дороги, порты и аэропорты имели решающее значение в экономическом успехе Китая. Китай теперь хочет, чтобы и его соседи применили эту стратегию роста» [23, с. 8].

Для амбициозных геополитических целей Пекин намерен широко задействовать «геоэкономические инструменты» в виде создания международных финансовых институтов под эгидой Китая, займов и инвестиций. Центральное место в этой политике занимает учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций с заявленным уставным капиталом в 100 млрд долл. Пекину удалось привлечь к участию более полусотни стран Азии и Европы, включая непосредственных союзников США. А в число стран-учредителей, наряду с Китаем и Россией, вошла Индия (с распределением голосов соответственно вложенным средствам – 26,06, 5,92 и 7,5). Уже одобрен первый пакт инвестиций на сумму 509 млн долл.[7]

Это «не инструмент геополитики», нельзя рассматривать его с точки зрения «устаревшей ментальности холодной войны», – заявил министр иностранных дел КНР Ван И, противопоставив проект, узловым моментом которого стало создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, плану Маршалла. В прессе КНР подчеркивается, что план Маршалла был политически обусловленным и исключал социалистические страны, тогда как проект приветствует присоединение всех стран, «не спрашивая, чьи они союзники, какова их религия, каких политических доктрин они придерживаются и каковы были в прошлом их отношения с Китаем». К тому же проект носит долгосрочный характер, тогда как план Маршалла действовал только четыре года. Проектом Китай «решил создать прецедент мирного возвышения великой державы» [23, с. 11–12].

Проект сулит полное изменение глобального геополитического ландшафта. Он не только ослабляет значение военно-морского превосходства США, но и знаменует переход гегемонии в мире от морских держав к континентальным силам. Таким образом, его реализация может стать актом всемирно-исторического значения, поворотным пунктом в развитии мировой цивилизации со времени Великих географических открытий.

Перспективным видится и обратное воздействие реализации внешнеполитических инициатив китайского руководства на экономику и внутриполитическую ситуацию в стране. Несомненно, активная внешняя политика, преследующая цель выдвижения Китая в ранг мировых держав, импонирует значительной части китайского общества, укрепляя позиции Си Цзиньпина.

Для экономики эти инициативы означают дальнейшее открытие миру с вовлечением в экономические связи континентальных регионов Китая. Планируемое привлечение к инфраструктурным проектам частного капитала открывает широкую дорогу для его экспансии и смягчит остроту проблемы внутренних инвестиций. В целом есть вероятность, что активная внешняя

7. Объем вклада стран-учредителей: Китай – 29,78 млрд долл., Индия – 8,37, Россия – 6,54 (http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/16/624237-v-pekine).

политика при унаследованном от Дэн Сяопина политическом прагматизме может стать инструментом углубления экономических реформ, как и было определено пленумом ЦК КПК в ноябре 2013 г.

Литература

1. Вопросы и ответы о 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва. – http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqh/t11.112348.htm. Date 2013/12/27

2. Гордон А.В. Деревня и город Китая в условиях дезинтегрированного роста // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 10. – М., 2015. – С. 36–56.

3. Гордон А.В. Китай: Растущие проблемы. Обзор специального выпуска журнала Американской академии «Дедал». – М.: ИНИОН, 2015. – 39 с. (Специализированная информация).

4. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. – 240 с.

5. Тавровский Ю.В. «Один пояс, один путь»: Как его защитить? // НГ. – 2015. – 16 окт. – http://www.izborsk-club.ru/content/articles/8974/

6. Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. – М.: Эксмо, 2015. – 272 с.

7. Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. – М.: Весь мир, 2016. – 304 с.

8. Blackwill R.D., CampbelL K.D. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. – N.Y.: Council on foreign relations inc., 2016. – XI, 67 p. (Council special report. N 74). – http://www.cfr.org/publication/allreports.html

9. Davis D.S. Demographic challenges for a rising China // Daedalus. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 26–38.

10. Deep China: The moral life of the person – Beverley Hills: Univ. of California press, 2011. – 322 p.

11. Economy E. Environmental governance in China: State control to crisis management // Daedalus. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 184–197.

12. Eggleston K., Oi J., Rozelle S., Sun Ang, Walder A., Zhou Xueguang. Will demographic change slow China's rise? // J. of Asian studies. – Ann Arbor, 2013. – Vol. 73, N 3. – P. 505–518.

13. Explaining China's foreign policy reset // China analysis (special issue). S. l, 2015. – 7 p. – www.ecfr.eu/.../-/chinaanalysiseng_special_issue_1

14. Gallagher M.E. China's Workers movement and the end of the rapid-growth era // Daedalus. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 81–95.

15. Increasingly difficult for rural men find woman // Chinasmack. 2015. March 15. – http:// www.chinasmack.com/2015/stories/increasingly-difficult-for-rural-chinese-men-to-find-wives.html

16. Kirby W.C. The Chinese Century? The challenges of higher education // Daedalus. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 145–156.

17. Liu Xiaoming. New Silk Road is an opportunity not a threat // Financial times. – 2015. May 24. – http://www.ft.com/intl/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axzz3bH6GePCA

18. Lora-Weinright A. An anthropology of «cancer villages» // J. of contemporary China. – Abingdon, 2010. – Vol. 19, N 63. – P. 79–99.

19. Naughton B. China's economy: Complacency, crisis a. the challenge of reform // Daedalus. – Cambridge, Mass. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 14–25.

20. Pan Jiahua. China's environmental governing and ecological civilization. – Beijing: China social sciences press/Springer, 2016. – XIII, 228 p.

21. Shi Yinhong. China's complicated foreign policy. – Berlin, 2015. – n. p. (European council on foreign relations). – http://www.ecfr.eu/article/commentary_chinas_complicated_foreign_policy 311562

22. Swaine M. Xi Jinping's address to the Central conference on work relating to foreign affairs: Assessing and advancing major power diplomacy with Chinese characteristics // P. l: Hoover institution, 2015. – 19 p. (China leadership monitor. N 46). – http://www.carnegieen-dowment. org/files/Michael_Swaine_CLM_46.pdf

23. Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative. – P. 2: Hoover institution, 2015. – 24 p. (China leadership monitor. N. 47). – www.hoover.org/ sites/default/files/.../clm47ms.pdf

24. Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Commerce of the People's Republic of China. – Beijing. March 2015. – http://en.ndrc.gov.cn/ news-release/201503/t20150330_669367.html

25. Xi Jinping. Towards a Community of Common Destiny and a new future for Asia (speech Boao forum for Asia annual conference, March 28, 2015). – http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm

26. Xue Li, Xu Yanzhuo, China needs great power diplomacy in Asia // Financial times. – 2015. Feb. 9. – http://www.ftchinese.com/story/001060539

Л.С. Дегтярь, Е.Е. Шестакова

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ КНР НА ЭТАПЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Дегтярь Людмила Серафимовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭ РАН.

Шестакова Елена Евгеньевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН.

Страны с переходной экономикой сталкиваются с серьезными проблемами, вызванными высокими темпами демографических изменений и необходимостью обеспечивать население комплексом медицинских услуг на основе социального страхования.

Показателен в этом отношении опыт Китая. Изменение модели экономического развития, стимулирование личного потребления предполагает развитие системы социального страхования, вовлечение в нее огромной массы работников, в том числе самозанятых, и работников неформального сектора, особенно на фоне ускоряющегося старения населения.

В регионе Восточной Азии проживают около 1/3 всех лиц в возрасте 65 лет и старше, в том числе в Китае – 114 млн. Страна достигла стандартов стареющего общества: уже в 2000 г. доля лиц в возрасте 60 лет и старше составила более 10%, доли 65-летних в общей численности населения – более 7% [1, с. 13]. Общий коэффициент рождаемости на одну женщину (1,6) опустился ниже уровня стран ОЭСР (1,7) [5, с. 111]. Специалисты отмечают значительный процент лиц старших возрастных групп на рынке труда, прежде всего это касается городского населения. Среди мужчин-горожан в возрасте 60–64 лет работают 45%, среди женщин-горожан – только 16% [3, с. 5]. Китайские женщины после выхода на пенсию в среднем живут 30 лет. Этот показатель один из самых высоких в мире.

Для решения задач социального страхования и социального обеспечения граждане традиционно распределяются по следующим категориям: 1) гос-

служащие; 2) наемные работники государственных предприятий и организаций; 3) наемные работники частных предприятий и организаций; 4) самозанятые; 5) неформально занятые; 6) сельские мигранты; 7) неработающие граждане. Первые три категории либо полностью, либо в значительном объеме охвачены системой обязательного страхования от основных социальных рисков. Госслужащие и работники государственных предприятий включены в традиционные страховые схемы или бюджетное финансирование, по пенсионному страхованию – в систему с установленными выплатами. Но в ряде провинций Китая в последние годы действовала программа включения отдельных категорий госслужащих в общие страховые схемы для городских работников. В 2015 г. Госсовет провозгласил курс на внедрение этой программы в общенациональном масштабе. Социальное страхование для городских наемных работников частных предприятий Китая, включая пенсионное, медицинское, по безработице, комбинирует солидарную систему с индивидуальными счетами.

На цели обязательного социального страхования городских наемных работников по пяти программам направляется высокий по международным меркам объем страховых взносов (работодатели должны отчислять на обязательное страхование 29–31%, работники – 11% заработной платы) [4, с. 7]. Действуют максимальный (300% средней заработной платы в регионе) и минимальный (60% средней заработной платы в регионе) уровни дохода, с которого начисляются взносы. Если работник получает меньше 60% от средней региональной заработной платы, он должен вносить минимальную сумму, что дестимулирует его участие в программе страхования для лиц с низкими доходами. Для самозанятых сельских жителей, работников неформального сектора, как правило, действуют отдельные добровольные страховые схемы. Страховые системы страны разделены не только в соответствии с социальным статусом застрахованных, но и по географическому признаку. Это вызвано возложением на местные власти ответственности за проведение реформ в соответствии с их финансовыми возможностями, при относительно небольшой финансовой поддержке центральных властей.

Впервые задача создания к 2020 г. всеобщей системы социального страхования была поставлена в 2006 г. на 16 Пленуме ЦК КПК. Пятилетний план экономического и социального развития страны на 2006–2010 гг. ввел обязательную квоту по охвату пенсионным обеспечением в городе и по введению новой кооперативной схемы медицинского страхования на селе. На основе этих национальных нормативов были разработаны годовые и региональные контрольные нормы. В 2009 г. правительство приступило к осуществлению медицинских реформ. Их целью было обеспечение 90% населения базовыми медицинскими услугами, улучшение инфраструктуры медицинского обслуживания, реформирование государственных стационаров, повышение уровня

компенсации медицинских расходов за счет страховой системы. В том же году положено начало новой общенациональной схемы пенсионного страхования сельских жителей и двух пилотных проектов пенсионного и медицинского страхования сельских мигрантов. Эта категория занятого населения получила возможность полностью переводить свой индивидуальный пенсионный счет и 12% солидарного счета на новое место работы. Аналогичные правила предусмотрены и для медицинского страхования [4, с. 14]. В 2011 г. принят важный закон «О социальном обеспечении», предусматривающий унификацию сбора страховых взносов и формирование общей системы пенсионного обеспечения.

В современной системе медицинского страхования КНР действуют четыре основные схемы: 1) базовая схема медицинского страхования наемных работников государственных и частных предприятий и организаций городов; 2) базовая схема медицинского страхования для городских резидентов (неработающих граждан, пожилых, детей, получателей государственных пособий); 3) так называемая новая кооперативная схема медицинского страхования для сельских жителей; 4) программа бюджетного финансирования медицинской помощи для наиболее уязвимых групп населения.

Базовая схема медицинского страхования для наемных работников в масштабе всей страны начала реализовываться с 1998 г.[1] На эти цели работодатели вносят 6% фонда заработной платы (70% поступает в солидарный фонд, 30% на индивидуальные счета работников), работник – 2% заработной платы, поступающие на индивидуальный счет. Верхний лимит компенсаций медицинских расходов составляет в настоящее время шесть среднегодовых региональных заработных плат. Для работников с нерегулярной занятостью и сельских мигрантов, включенных в эту схему, размеры обязательных взносов составляют 2–4% от средней региональной заработной платы и направляются только в солидарный фонд. Индивидуальные счета для данных категорий не формируются.

Индивидуальные медицинские счета используются в основном для покрытия относительно небольших медицинских расходов (до 10% от среднегодовой заработной платы в регионе), а солидарный фонд – для финансирования расходов в пределах от 10 до 600% средней годовой зарплаты в регионе. Конкретный размер компенсации зависит не только от объема медицинских расходов, но и от категории лечебного заведения, в котором проводится лечение: услуги стационаров более высокой категории компенси-

1. До ее введения действовала система производственного медицинского страхования: каждое предприятие или организация страховались самостоятельно и обеспечивали разный объем и набор медицинских услуг для работников.

руются в меньшей степени, чем лечение в местных поликлиниках и небольших стационарах [8, с. 115].

Вторая базовая схема – добровольное медицинское страхование городских резидентов – начала внедряться с 2007 г. Она финансируется на основе добровольных взносов застрахованных и субсидий государства. На начальном этапе схема внедрялась в одном-двух городах каждой провинции, но в течение пяти-шести лет солидарные фонды медицинского страхования были созданы более чем в 80% городских зон. Основной задачей этой схемы была помощь в финансировании расходов на госпитализацию и серьезные заболевания для 240 млн городских жителей, не включенных в программу медицинского страхования для наемных работников. Средний размер страховых взносов (годовой) колебался в пределах 150–300 юаней для взрослых, 50–100 юаней – для детей. Величина среднедушевой годовой субсидии постепенно повышалась с 40 юаней (2007) до 240 юаней (2012) [7, с. 118]. Индивидуальные страховые взносы пожилых, инвалидов, лиц, отнесенных к категории наиболее уязвимых, полностью субсидируются местными органами власти. Это создает значительную дополнительную нагрузку на бюджеты, особенно в наименее экономически развитых провинциях. В Пекине, например, по данным на 2011 г., местные органы исполнительной власти субсидировали страховые медицинские взносы на каждого безработного и тяжелобольного в размере 600 юаней, на каждого инвалида и пожилого, живущего ниже уровня бедности, в размере 300 юаней в год [там же].

Третья схема медицинского страхования была введена в 2003 г. Она управлялась местными органами здравоохранения, и к ней могли присоединиться все сельские жители. Схема пользуется относительно высоким уровнем государственной финансовой поддержки. Центральное правительство и местные органы власти субсидируют до 80% страховой премии (в 2012 г. 240 юаней в год), оставшиеся 20% составляют добровольные страховые взносы домашних хозяйств. Единицей учета в данной программе выступает семья. В 2012 г., по официальным данным, уровень охвата сельского населения медицинским страхованием составлял более 97%. Лимит покрытия расходов на госпитализацию в разных регионах различается. В среднем он составляет около 50 тыс. юаней и обеспечивает 70% общих расходов на стационарное лечение.

В Китае более половины всех обращений к медикам осуществляется через стационары, даже относительно простые случаи повышенного артериального давления или диабета лечатся в стационарах. Поэтому перспективной задачей становится формирование единой схемы обеспечения всего населения базовым набором медицинских услуг и отход от модели, в которой основной упор делался на предоставление стационарных услуг [5, с. 186].

Расходы на медицинское обслуживание в КНР в среднем составляют более 10% от семейных расходов, для семей с лицами 70 лет и старше – 16, а сельских жителей – более 18%. Доля семей с очень высоким уровнем расходов на медицинские услуги (более 25% от семейных доходов) здесь существенно превышает уровень других стран Восточной Азии и составляет 32% (30% – среди городских семей и 34% – для жителей села) [5, с. 193]. Каждая из программ охватывает определенные группы населения и все вместе они формируют базу для универсальной системы. Первыми шагами по объединению всех систем стали уменьшение разницы в величине сопла-тежей для городских резидентов и сельских жителей, унификация базовых услуг для всех граждан, объединение региональных страховых фондов на провинциальном уровне.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов в сфере пенсионного страхования КНР также происходят принципиальные изменения. Они направлены на распространение страхования на всех граждан и переход к смешанному финансированию, включающему распределительные и накопительные компоненты. На современном этапе в стране действует несколько схем: 1) финансируемая из госбюджета схема пенсионного обеспечения госслужащих и работников государственных образовательных, научных учреждений и учреждений культуры; 2) базовая пенсионная схема для городских рабочих; 3) добровольная схема пенсионного страхования для сельских жителей; 4) добровольная пенсионная схема для горожан.

Первая схема охватывает более 40 млн человек. Размер пенсии рассчитывается в зависимости от стажа службы и составляет 70–90% заработной платы, которую получал сотрудник или чиновник непосредственно перед выходом на пенсию. Но в последние годы идет процесс постепенного сокращения бюджетного финансирования пенсий работников образования, культуры и искусства и перевод их в базовую пенсионную схему (с выплатой государством взносов в качестве работодателя). Обсуждается вопрос перевода в общую базовую схему и госслужащих.

Базовая пенсионная схема – это схема обязательного страхования различных категорий наемных городских работников. Размер взносов установлен на уровне 28%. Одну пятую (20%) от фонда оплаты труда вносит работодатель в общий коллективный фонд, 8% заработка вносит работник, эти средства поступают на его индивидуальный счет. При наличии не менее 15 лет страхового стажа и достижении установленного пенсионного возраста (60/55 лет) работнику назначается пенсия, состоящая из двух элементов: общей (базовой) части и индивидуального счета. Базовая пенсия по данной программе составляет 20% от местной средней заработной платы городского рабочего, накопительная часть равна частному от деления средств на индивидуальном счете на 139. Реальная средняя доходность инвестирования

индивидуальных пенсионных накоплений за период 1998–2013 гг. в Китае составила 3%, существенно отставая от темпов роста заработной платы [5, с. 155]. Если взносы выплачивались менее 15 лет, то застрахованный получает сумму своих накоплений единым платежом. Процент замещения заработка пенсионера с 35-летним стажем составляет в среднем 59%, включая 35% за счет базовой части и 24% за счет индивидуальных накоплений.

Для расширения охвата страхованием самозанятого населения и лиц с неполной и непостоянной занятостью установлены фиксированные взносы в размере не менее 20% от средней местной зарплаты в предыдущем году. Из них 12% должно поступать в общий фонд и 6% – на индивидуальный счет плательщика [7, с. 112].

Серьезной проблемой, возникшей в начале 2000-х годов в сфере пенсионного обеспечения, стала проблема «пустых индивидуальных счетов». Ряд провинций, столкнувшихся с необходимостью финансирования быстро растущих расходов на выплату базовых пенсий, переориентировали финансовые потоки со второго накопительного на первый солидарный уровень. Особенно остро эта проблема проявилась в северо-восточных провинциях, где сотни тысяч рабочих были уволены при закрытии неэффективных государственных предприятий и многим из них были назначены пенсии в полном объеме по достижении 40 лет. Это решение способствовало снижению безработицы, но оказало огромное давление на региональные пенсионные финансы.

Начало развития сельского пенсионного страхования было положено в 1986–1998 гг. серией пилотных проектов. Основными характерными чертами этих проектов были: добровольный характер участия, коллективное софинансирование взносов (индивидуальные взносы колебались в пределах 2–20 юаней в месяц, коллективная поддержка – 2 юаня в месяц), накопительный характер страхования (средства на индивидуальных счетах размещались в депозиты и государственные ценные бумаги). К началу 1998 г. в систему сельского страхования было включено 3/4 сельских поселений из 31 провинции страны. Азиатский экономический кризис негативно повлиял на процесс расширения социального страхования. Было объявлено, что Китай не готов к введению всеобщего пенсионного страхования сельского населения, что привело к свертыванию операций по действующим схемам. Если в 1998 г. в сельском пенсионном страховании принимали участие 80 млн человек, то в 2007 г. – 50 млн. Тем не менее общий объем накоплений продолжал увеличиваться: в 1998 г. он составлял 16,6 млрд юаней, в 2007 г. – 41 млрд юаней [1, с. 84]. Проблемы возникли не только из-за снижения численности участников, но и из-за серьезной географической несбалансированности: на четыре приморские провинции (Шаньдун, Дзянсу, Чжэцзян и Цзянси) приходилось 45% участников и 64% аккумулированных средств.

В 2003–2009 гг. начался новый этап реформирования пенсионной системы на селе. К 2009 г. в стране действовало несколько вариантов пенсионного накопления: 1) единая базовая пенсия и индивидуальные накопительные счета с государственным софинансированием на стадии выплаты пенсий. Индивидуальные взносы поступали на счет застрахованного, а единая базовая пенсия финансировалась при выходе работника на пенсию из госбюджета за счет общего налогообложения; 2) единая базовая пенсия и средства индивидуальных накоплений с государственным финансированием и на стадии выплаты пенсии (финансирование базовой части), и на стадии уплаты взносов (софинансирование взносов на индивидуальных счетах); 3) формирование в структуре пенсии страховой и накопительной частей с использованием государственного софинансирования на стадии накопления средств (данная модель аналогична той, что применяется в системе городского пенсионного страхования, но с меньшими взносами и меньшими размерами пенсий. Как правило, этот вариант используется в регионах с высокой урбанизацией и хорошими финансовыми возможностям); 4) наиболее простая модификация – индивидуальные накопительные счета с государственным софинансированием взносов, в которых полностью исключено какое-либо перераспределение.

Кроме этих вариантов действуют и такие, как «земля за пенсию»: сельскохозяйственному работнику предоставляется право присоединиться к городской пенсионной системе, если он дает разрешение на использование земли, которой владеет. (В основном фермеры, земля которых была реквизирована в связи с промышленным строительством, получают базовое пособие, а число их составляет несколько десятков миллионов человек.) Участие во всех схемах носит добровольный характер, но действует и такая опция как «семейные обязательства». Речь идет о возможности получения пенсии лицами старших возрастных групп, которые не участвовали в страховании, но на момент назначения пенсии в страховании участвуют их дети. С 2004 г. в сельской местности действует пилотный проект поддержки крестьян, участвовавших в программе планирования семьи. По этому проекту семейные пары в сельской местности с одним ребенком (или двумя девочками) могут с 60 лет получать не менее 600 юаней в год. Стоимость программы покрывается совместно центральным и местным правительствами.

Пенсионный возраст в различных вариантах пенсионного страхования на селе варьировал в незначительных масштабах, в основном – 60 лет для мужчин, 55 лет – для женщин, но в ряде регионов он составлял 59 лет для обоих полов.

Общая черта всех пилотных схем в данный период – государственное субсидирование на стадии накопления или на стадии выплат, или в оба периода. Основная часть государственного субсидирования программ пенсионного страхования на селе осуществляется из бюджета за счет общего налого-

обложения, но с 2006 г. на эти цели стали использоваться и специальные налоговые поступления, например от купли-продажи земли (эти средства используются для выплаты пенсий лицам, которые исчерпали свои накопления).

Для сокращения разницы в доходах между населением города и села и стимулирования внутреннего потребления правительство Китая в 2009 г. решило использовать новую схему страхования для сельского населения. Она состоит из финансируемой государством базовой пенсии и индивидуального пенсионного счета. Система сохранила добровольный характер, участники могут самостоятельно выбирать размер взносов из предложенной шкалы (как правило, используется пять уровней: от 100 до 500 юаней в год, но местные власти могут расширить диапазон взносов). На этот счет государство будет начислять субсидию в размере не менее 30 юаней. Кроме того, местные власти должны субсидировать в минимальном размере индивидуальные взносы наиболее уязвимых групп, например инвалидов. Планируется и государственное финансирование базовой пенсии, при этом центральное правительство предоставляет 100%-ную субсидию в менее развитые центральные и западные регионы и 50%-ную – в восточные регионы (оставшаяся часть финансируется местным правительством).

При достижении 60 лет и 15-летнем страховом стаже застрахованные должны получить финансируемую из бюджетных средств базовую пенсию не менее 55 юаней и месячную выплату из своего накопительного счета. Величина базовой пенсии устанавливается Госсоветом с учетом минимальных гарантий, официального уровня бедности и среднего душевого дохода сельского населения. В настоящее время ее размер составляет около 14% среднедушевых доходов сельской семьи, но поставлена цель в перспективе довести ее величину до 30%. Уровень накопительной части по новой схеме определяется путем деления накопленных средств на 139 (аналогично определению накопительной части пенсии в городе). Новая схема включает и действующие программы «земля за пенсию» и «семейная ответственность».

Индивидуальные пенсионные счета управляются местными страховыми агентствами, контроль за которыми осуществляют местные власти. Гарантированная доходность при размещении пенсионных средств определяется исходя из годовой ставки по депозитам Народного банка Китая. Учитывая опыт пилотных проектов, было принято решение непосредственно из бюджетных средств финансировать не только базовую пенсию, но и все расходы по управлению новой системой. Корректировка размеров базовой пенсии должна будет осуществляться в соответствии с изменением уровня цен и темпами экономического развития. По данным на 2011 г., в новую страховую схему были включены более 326 млн человек, в том числе 85 млн получателей пенсий. Годовой объем доходов системы составил 107 млрд юаней, включая

42 млрд индивидуальных взносов. А общий объем накопленных средств, по данным на 2011 г., достиг 119,9 млрд юаней [7, с. 114].

Поскольку эта схема является пилотной, целый ряд ее параметров продолжает обсуждаться. Среди основных дискуссионных вопросов уровень взносов, размер субсидий, стимулы для участия. Например, размер субсидий в 30 юаней как стимул для участия при 100 юанях в качестве минимального индивидуального взноса не соответствует практике других стран с переходной экономикой, где в основном используется схема 1:1 (равные по размерам взносы и субсидии, до определенного лимита). Дискуссионным остается вопрос относительно баланса субсидий: в каком объеме финансировать поступления на текущий счет и обеспечение базовой пенсией. В настоящее время бóльший акцент делается на втором варианте, но эта схема менее привлекательна для мобильного сельского населения. В то же время существуют опасения, что повышение размеров субсидирования индивидуальных счетов приведет к сокращению размеров базовой пенсии (которая в настоящий момент составляет 55 юаней – ниже уровня бедности – и может снизиться еще более значительно) [6, p. 39]. Потребительская модель китайского населения ориентирована на высокий уровень накопления во всех возрастных группах (накопления домашних хозяйств составляют до 30% ВВП) [5, p. 93]. Сельские жители особенно склонны откладывать значительную часть текущих доходов на медицинское обслуживание, образование детей, на разного рода непредвиденные расходы, но возможность делать накопления напрямую зависит от доходов. Домашние хозяйства, относящиеся к наиболее бедным 20% населения (первому квинтилю) на селе, не имеют возможности ничего накапливать.

В 2011 г. правительство страны объявило о продвижении еще одной национальной пилотной программы пенсионного страхования – для не охваченных базовой программой городских резидентов. Все городские резиденты в возрасте 16 лет и старше (кроме школьников), не включенные в городскую страховую схему, могут присоединиться к данной программе на добровольной основе. Ее целевая группа – сельские мигранты, приезжающие в город и часто не включаемые в базовую систему из-за отсутствия местной регистрации. Если доля городских рабочих, включенных в систему страхования, составляет 56%, то сельских мигрантов, работающих в городе, 21% [4, p. 30]. Застрахованные могут выбирать размер взносов в диапазоне от 100 до 1000 юаней в год, государство субсидирует эти отчисления в размере 30 юаней в год. В ряде провинций местные власти вводят единые интегрированные гарантии пенсионного обеспечения для жителей и города, и села.

В 2012 г., по официальным данным, число лиц, включенных в страховые пенсионные схемы, превысило 700 млн человек, а субсидии пенсионной системе, по оценкам, составили 3,8% ВВП [7, p. 116, 149].

Еще один элемент пенсионной системы КНР, которому сегодня уделяется большое внимание – профессиональные пенсионные планы. В 2011 г. их имели около 45 тыс. предприятий, величина аккумулированных в профессиональных пенсионных фондах средств составила 357 млрд юаней. Взносы работодателей в пенсионные фонды в основном составляют до 5% от фонда оплаты труда и не облагаются налогами (взносы работников и выплачиваемые пенсии подлежат налогообложению). По действующим правилам до 50% средств этих фондов могут быть инвестированы в облигации, до 30% – в акции и не менее 20% должны быть размещены в депозиты и храниться на расчетных счетах. В общем дополнительной системой профессионального страхования охвачено не более 5% городской рабочей силы, в основном занятой на крупных государственных предприятиях.

В 2000 г. был создан стратегический резервный фонд «Национальный фонд социального страхования» для финансовой поддержки системы в период пика роста численности пенсионеров (через 15–20 лет). Основными источниками его средств являются субсидии из госбюджета, поступления от приватизации предприятий, другие источники, определяемые Госсоветом, например доходы от лотерей, а также инвестиционные доходы от размещения средств фонда. За десять лет объем средств фонда вырос с 20 млрд юаней до 800 млрд юаней (120 млрд долл.). Фонд может самостоятельно управлять вложениями в национальные банковские депозиты и государственные ценные бумаги.

Обязательное страхование по безработице изначально существовало только в отношении работников государственных предприятий, в настоящее время оно должно распространяться на всех городских наемных работников, но в реальности включает около 40% занятых в городских регионах. Финансирование пособий осуществляется за счет взносов работодателей (2% от фонда заработной платы) и работников (1% заработка). Пособие назначается в размере 60–70% минимальной заработной платы. Конкретный уровень (ниже минимальной заработной платы, но выше пособия по бедности) устанавливается региональным правительством. Период выплаты пособия зависит от страхового стажа (стаж менее 5 лет – 1 год, 5–10 лет – 1,5 года, при стаже более 10 лет продолжительность получения пособия составляет 2 года).

Страхование от несчастных случаев на производстве охватывает городских наемных работников и самозанятых. В 2011 г. «Новыми правилами страхования от несчастных случаев» было предусмотрено существенное повышение размеров компенсаций пострадавшим (с 5–6 местных годовых средних зарплат до 20 средних годовых доходов на душу населения страны за предыдущий год). Размер взносов, которые делает только работодатель, колеблется в зависимости от степени риска соответствующего вида деятельности, средний размер взноса составляет 1% заработной платы работника [7, p. 122].

В ходе реформирования социального обеспечения в Китае местным властям было предоставлено право проводить реформы в соответствии с их финансовыми возможностями. Такая децентрализация социального страхования привела к несовпадению систем бухгалтерского и финансового учетов, к большим сложностям с учетом накопленных прав работников при смене места жительства, значительной дифференциации уровней пенсионного обеспечения. Система социального страхования КНР прошла путь от схем, включающих только группы госслужащих и работников государственных промышленных предприятий, до формирования широкой общенациональной системы, призванной постепенно охватить все слои населения. Новые схемы социального страхования для сельскохозяйственных работников, самозанятых и лиц, приезжающих на заработки в города из сельской местности, внедрялись, как правило, лишь после серии успешных экспериментов. В настоящее время идет процесс консолидации страховых структур на уровне крупных региональных центров и частично на уровне провинций.

Литература

1. Cai F., Giles J., O' Keefe P., Wang D. The eldery and old age support in rural China. Challenges and prospects // World Bank. – Wash., 2012.

2. China health policy notes. The path to integrated insurance systems in China // World Bank Working papers. – Wash., 2010. – Vol. 2. – N 58412.

3. Giles J., Wang D., Cai F. The labor supply and retirement behavior of china's older workers and elderly in comparative perspective. World Bank. – Wash., 2011.

4. Giles J., Wang D., Park A. Expanding social insurance coverage in urban China. World Bank. – Wash., 2013.

5. Live long and prosper. Aging in East Asia and Pacific. Pacific regional report. World Bank. – Wash., 2016.

6. Pension systems and old-age income support in East and Southeast Asia. Overview and reform directions // Asian Development Bank, 2011.

7. Social security coverage extension in the BRICS. A comparative study on the extension of coverage in Brazil, the Russian Federation, India, China and South Africa. – Geneva, 2013.

8. Society at a glance. Asia / Pacific. – Paris, 2014.

В.М. Головач

ЗАПАДНОРУСИЗМ КАК КОНЦЕПЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Головач Валерий Михайлович – аспирант Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Среди проблем, которыми сопровождается эволюция Союзного государства России и Беларуси, важное место занимает вопрос о корнях этнической природы белорусов – об их идентификации и самоидентификации по отношению к «великорусскому субстрату» исторической России. Понятно, что при полиэтничности Беларуси и особенностях ее исторического развития тема этногенеза белорусов очень скоро оказалась идеологически нагруженной. В общем плане определилось противостояние двух идеологем – «особой близости белорусов и русских», с одной стороны, и «коренных различий в исторических путях двух этносов» – с другой. Элементы первой идеологемы легко обнаруживаются в сегодняшней исторической науке Беларуси и политических воззрениях тех общественных сил, которые выступают за дальнейшее сближение с Россией, элементы второй – у белорусской политической оппозиции, внутренней и зарубежной.

При анализе заявляемых позиций, особенно когда они выражаются в крайних формах, легко заметить один теоретический дефект, равно присущий обоим лагерям: по большей части каждый из них апеллирует к «своему» периоду истории Беларуси, а в рамках этих периодов – к истории разных страт общества. «Националисты» акцентируют историческое значение тех времен, когда белорусские земли находились в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой; в центре их внимания так или иначе оказываются исторические судьбы высших слоев тогдашнего белорусского общества, их оппоненты апеллируют к общим историческим корням «белорусов» и «русских» сначала во времена Киевской Руси, а затем нескольких веков пребывания Белой Руси в Российской империи; фокус внимания при этом перемещается на «белорусский народ» – по существу, на белорусское

крестьянство. При таких различиях исходных установок ясно, что обозначенные идеологемы ни к какому общему знаменателю прийти не могут и «спор славян между собою» оказывается заведомо бесплодным.

Необходимо, однако, отметить, что и для последовательно научного анализа историческая картина развития белорусского национального самосознания крайне сложна. Белорусский этнос исторически весьма поздно пришел к самоназванию «белорусы»: в обществе этот этноним не имел хождения вплоть до первых десятилетий XX в. Как в 1903 г. писал этнограф Евфимий Карский, «в настоящее время простой народ в Белоруссии не знает этого названия. На вопрос, кто ты? простолюдин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он "тутэйшій" (tutejszy) – здешний» [1, с. 116].

В связи с обсуждаемой темой особый интерес приобретает та попытка уяснить характер белорусского этногенеза и особенностей исторического пути народа, которая с конца XIX в. выразилась в особом интеллектуальном движении, называвшем себя западнорусизмом (от *Западная Русь*, как с XIX в. обозначался ареал белорусских и украинских земель у историков того времени).

Центральная идея западнорусизма заключается, собственно, в одном: белорусы есть особая часть единого славянского суперэтноса – часть, связанная с великороссами отношениями крайне тесной межэтнической близости. Сегодня такое представление может показаться вполне самоочевидным, но для полиэтничной и поликонфессиональной среды, характерной для исторической Беларуси, потребовалось два с лишним столетия, чтобы именно такое представление стало доминантой общественного сознания. Исходной точкой в этом длительном историческом процессе стал XVIII век, когда начали складываться первые предпосылки к отделению белорусских земель от Речи Посполитой и к пониманию того, что белорусы есть этнически вполне самобытная народность, отличная от этносов, населявших польское государство.

Современные белорусские историки усматривают наиболее ранние тенденции к формированию западнорусской идеи в деятельности церковных иерархов, служивших делу православия в белорусских землях. Прежде всего это архиепископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий Конисский, сегодня в Белорусском экзархате Русской православной церкви причисленный к лику местночтимых святых.

Деятельность Георгия Конисского (1717–1795) протекала в исторической ситуации, которая была порождена так называемым «диссидентским вопросом» в межконфессиональных отношениях внутри Речи Посполитой последних десятилетий ее существования. Под диссидентами здесь понималось все христианское неримскокатолическое население республики, включая, естест-

венно, и православных. «Диссиденты» в разной степени дискриминировались, православные же, которые не приняли Брестской церковной унии 1596 г., вообще находились вне закона и подвергались прямым гонениям. Против такого положения дел и «восстал» Георгий. В 1762 г., присутствуя на коронации Екатерины II в Москве, он просил императрицу встать на сторону православных в Польше, а через три года выступил в защиту православия перед новым польским королем Станиславом Понятовским. Поскольку Понятовский был, по существу, креатурой Екатерины II, ситуация открывала пути и к разрешению «диссидентского вопроса» в Польше. На Сейме 1767–1768 гг. епископу Георгию удалось добиться принятия решений, уравнивавших положение «диссидентов», включая православных, с правами «римско-католиков», но в стране началась гражданская война, и ему пришлось перебраться на территорию России. В родной Могилев он вернулся лишь в 1772 г. – после первого раздела Речи Посполитой.

Судьба еще раз сведет владыку Георгия с Екатериной II в 1780 г., когда во время ее пребывания в Могилеве он «поверг к стопам императрицы» проект указа, дозволявшего переход униатов в православие. За три последующих года к православию на сегодняшних белорусских землях присоединилось свыше 100 тыс. человек[1].

Другой фигурой, с которой сегодняшняя белорусская историография связывает зарождение ранних предпосылок к становлению западнорусской идеи, был епископ Виленский Иосиф (Семашко) (1799–1863) – с 1840 г. архиепископ и с 1852 г. митрополит Литовский и Виленский. Церковная стезя Иосифа была сложной и противоречивой: начинал он со священства в греко-католической церкви, где в 1829 г. был возведен в сан епископа. При этом двумя годами ранее по предложению российского правительства им была подготовлена записка с проектом постепенного присоединения униатской церкви к православию. Проект был рассмотрен и одобрен Николаем I, затем последовала основательная реформа органов управления греко-католической церкви на белорусских землях. При деятельном участии владыки Иосифа среди униатского священства началось широкое движение за переход в православие, высшей точкой которого стал Полоцкий собор 1839 г., когда свыше тысячи духовных лиц обратились к российскому императору с прошением о присоединении униатской церкви к православию. Прошение было одобрено, далее последовал специальный Акт и отчеканена памятная медаль с надписью «Отторгнутые насилием (1596) воссоединены любовию (1839)». В ближайшие же годы в православие перешло свыше 1600 бывших униатских приходов и более чем полтора миллиона верующих. Владыка Иосиф позднее

1. Георгий (Конисский), архиепископ Могилевский. – Православие.Ru [Электронный ресурс] / Режим доступа – www.pravoslavie.ru/archiv/archiereology05.htm

так описывал свои мотивы и чувства этого времени: «Я с детства имел… душевное влечение к России и всему русскому… Неизмеримая Россия, связанная одною верою, одним языком, направляемая к благой цели одной волею, стала для меня лестным, великим отечеством, которому служить, благу которого споспешествовать считал я для себя священным долгом – вот сила, которая подвигла меня на воссоединение униатов, отверженных в смутные времена от величественного русского православного древа… Пламенное усердие к этому делу в течение 12 лет (1827–1839) постигло все мое существование»[2].

Параллельно церковному течению, в лоне которого формировались предпосылки западнорусизма, связываемые здесь с православием, со временем получило развитие движение, которое можно определить как научно-публицистическое. Собственно, именно в этом движении и были сформулированы основные постулаты западнорусизма и возник сам термин «Западная Русь». Основоположником и «классиком западнорусизма» считается историк, публицист и издатель Михаил Осипович Коялович (1828–1891).

Уроженец Гродненщины М. Коялович в зрелые годы долгое время занимал кафедру русской истории Санкт-Петербургской Духовной академии, где и получил возможность на основе обширнейших архивных и библиотечных материалов изучать историю Беларуси. Итогом стало несколько основательных исследований и бесчисленное множество статей в журналах. В «Лекциях по истории Западной России» и предисловии к «Документам, объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России и Польше» автор проводил три главные мысли, а именно: 1) земли белорусов есть «Западная Русь» – органическая часть «русской цивилизации», 2) соединение этих земель с Речью Посполитой повлекло за собой глубочайшее социальное и культурное расслоение западнорусского общества и 3) крестьянское население Западной Руси всегда испытывало тяготение не к Польше, а к Великороссии. Пребывание западнорусского общества в Польше «привело к разделению его национальных, религиозных и культурно-бытовых начал жизни»[3], когда оно раскололось на «знатнейших» (шляхту), почти исключительно католиков, и простой народ, упорно державшихся православия и «русскости».

Во всем этом М. Коялович опирался на строгий анализ исторических документов, прежде всего местных летописей, часто помещавших «Повесть временных лет» Нестора как отправную точку собственного летописания. Позже на белорусских землях, отмечает М. Коялович, уголовные, наследственные и иные дела часто разрешались на основе «Русской правды» Ярослава

2. Цит. по: Иосиф (Семашко) – Древо. [Электронный ресурс] Режим доступа – https://drevo-info.ru/articles/6368.html

3. Цит. по: М.О. Коялович и И.С. Аксаков о проблеме Западной России. [Электронный ресурс] Режим доступа – www.aksakov.info/index.php?id=237

Мудрого [4, с. XXVIII). В летописном «Похвальном слове Витовту» общеславянское единство подчеркнуто во фразе о том, что он держал великое княжение «Литовьское и Руское и иные многие земли, спросту реку уся Руская земля» (т.е. «попросту сказать, владел всей русской землей») [6, с. 108]. Находится множество исторических свидетельств о том, что жители белорусских земель резко отличали себя от поляков и литовцев, но не от «великороссов». Более того, «русскими» подчас называли себя все жители «белорусского племени» даже без различия вероисповедания, что отразилось во многих челобитных. В Статуте Великого княжества Литовского обнаруживается запись о том, что земский писарь «мает по-руску литерами и словы рускими» писать все документы, в то время как судей следует выбирать из шляхтичей «умеетных в праве и писме русском». «Русский язык», таким образом, предстает равноправным языком делопроизводства вплоть до 1696 г., когда он был официально лишен этого статуса.

Итак, резюмирует М. Коялович, «простая мова» на белорусских землях повсеместно понималась как «руская» и этот язык всем своим грамматическим строем – склонениями и спряжениями – был близок к «великорусскому наречию». Конечно, и в лексике, и в фонетике он нес на себе следы, подчас сильные, польского влияния и потому его точнее всего называть западнорусским языком. И все же «в древней западнорусской литературе везде и во всем – одно великое, объединяющее всех русских слово – Русь. Эти памятники, эта литература, почти вся на таком языке – западнорусском, который был общим для всей западной России и слился потом с общерусским литературным языком» [3, с. 24].

Белорусские земли, подчеркивает М. Коялович, тяготели к Московии и экономически. «К цельному русскому народу тянет население Западной России русская торговля, более насущная для всей этой страны, чем торговля ее с западными соседями» [3, с. 11].

Наконец, не подлежит сомнению близость, хотя и не полная тождественность, народных традиций и обычаев. «Этнографические изыскания вполне подтверждают народное единство русского населения Западной и Восточной России. Народные песни западнорусского народа, например, о Владимире, народные мифические обряды, как празднование Святок, Юрьева дня, Купалы, обряды свадебные и похоронные поражают своим сходством с восточнорусскими» [4, с. XX].

Прочную основу систематического этнографического анализа западнорусская идея получила в трудах Евфимия Федоровича Карского (1861–1931). Выходец из Гродненского уезда, он, как и многие другие белорусы, работал в разных местах «Южного края», пока, наконец, в 1901 г. не был избран членом-корреспондентом Императорской Российской академии наук. В 1903 г. он предпринимает основательную этнографическую экспедицию по

белорусским землям, после чего издает первый том своего главного труда – «Белорусы» (всего вышло три тома, или семь выпусков), сегодня считающегося «энциклопедией белорусоведения». Отталкиваясь от того факта, что белорусский говор достаточно определенно отличается от литовского на севере края, польского – на западе, от украинского – на юге и от великорусского на востоке, филолог систематизировал эти различия и составил своего рода языково-этнографическую карту фактического проживания белорусов к началу XX в., основываясь также на таких критериях, как типы одежды, фольклор, традиции и обычаи. Еще раз было подчеркнуто, что на границе с поляками белорусы называли себя исключительно «русью», хотя на других языковых границах могли употребляться и употреблялись другие самоназвания или названия (характерно при этом то, и на это Е. Карский обратил особое внимание, что в ряду этих самоназваний не было самоидентификации «белорус»). На начало XX в. исследователь насчитал 8,5 млн белорусов, в большинстве своем исповедовавших православие. Общий вывод Е. Карского заключался в том, что белорусы есть «разновидность русского племени» [2, с. 396], хотя и с ярко выраженными национальными особенностями.

На момент выхода исследований Е. Карского западнорусизм уже безоговорочно господствовал в среде белорусских публицистов и литераторов, группировавшихся вокруг целого ряда периодических изданий, таких как «Вестник Западной России», «Крестьянин», «Окраины России», «Северо-западная жизнь», «Минское слово», «Минское русское слово» и «Белорусский вестник». После 1917 г., однако, ситуация резко изменилась. В советской пропаганде, а потом и историографии, укрепился тот взгляд, что западнорусская идея была недостаточно «национальна», а в рамках политики «коренизации управления на местах», проводившейся на всех национальных окраинах бывшей Российской империи, это становилось серьезным обвинением. С 1920-х годов в крае был взят курс на «белорусизацию». Лозунги этого курса звучали вполне привлекательно: «продвижение белорусского языка в общественной и государственной жизни», «развитие культуры на всех языках народов Белоруссии», «преподавание на языке преобладающего большинства населения Беларуси – белорусском языке» и т.п. При этом, однако, совершенно игнорировалось то, что «белорусский язык» был фактически представлен различными говорами, а единого, должным образом унифицированного, литературного языка в республике не существовало. Не было и кадров, которые могли бы обеспечить преподавание на белорусском в школах республики. На громадные сложности натолкнулось делопроизводство на «национальном языке». В белорусских городах основным, почти безраздельно доминирующим, языком оставался русский.

Среди прочего, новая политика отразилась и на судьбах тех, кто придерживался традиционных позиций западнорусизма. Так, Е. Карского «по поли-

тической неблагонадежности» уже в 1919 г. уволили из Минского педагогического института, где он тогда работал, а затем подвергли травле как «черносотенца» и «шовиниста». В 1927 г. ЦК ВК(б)Б поставил вопрос об исключении ученого из Академии наук и в 1929 г. он лишился своей последней научной должности. В белорусской советской историографии на десятилетия вперед установилась оценка западнорусизма как «буржуазно-клерикальной» теории.

Научная ситуация вновь изменилась в 1990-х годах, когда историки современной Беларуси один за другим стали обращаться к наследию своих дореволюционных предшественников и вокруг западнорусской идеи сформировалась целая плеяда исследователей. Речь, конечно, не идет о простом воспроизведении постулатов прошлого, – сегодня это новая научная концепция, обозначаемая как «неозападнорусизм». Но своих предтеч и предшественников эта новая волна видит именно в таких фигурах, как М. Коялович, Е. Карский и многие иные их единомышленники XIX–XX вв. В духе западнорусской идеи выдержана основательная «История Беларуси. Досоветский период», автор которой – Я.И. Трещенок – по праву считается наиболее крупной фигурой новейшей белорусской историографии. Многие белорусские историки даже усматривают в западнорусизме своего рода национальную идею белорусов[4]. Западнорусская идея широко обсуждается в СМИ. Так, например, белорусский писатель Андрей Геращенко, говоря об «эндогенности» западнорусизма для белорусского общества, специально заостряет связь этой темы с языковой проблемой: «Западнорусизм и сегодня, и всегда был актуален для подавляющего большинства православного населения Белоруссии… Причем в подавляющем большинстве случаев воплощение идейных установок западнорусизма происходит тогда, когда люди, интуитивно придерживаясь западнорусской точки зрения, не имеют о ней ни малейшего представления как о научно-теоретической концепции, идеологии… Несколько волн белорусизации оказались провальными – и предвоенная, и послевоенная, и третья – уже в девяностых годах прошлого века, потому что белорусы и ментально, и на бытовом уровне чувствовали себя частью русского народа. Красноречивы итоги переписи населения Белоруссии 2009 г.: из чуть более 9,5 млн человек населения (на то время) на русском дома разговаривают 70,2%, на белорусском – 23,4% жителей… В городе, кстати, на русском обучается уже 98% первоклашек»[5].

4. См., напр.: Еловик А. В поисках духовных скреп. Западнорусизм как белорусская национальная идея. – Беларуская думка. – № 3. – 2014. – С. 48–51.

5. Андрей Геращенко: Белорусы продолжают свою вековую борьбу за воссоединение с русским народом. [Электронный ресурс] Режим доступа – egnum.ru/news/polit/1491109.html

Сегодня вопросы этнической самоидентификации в белорусском обществе широко изучаются в республиканской социологии. Интересные данные на этот счет находим в исследовании Л.И. Науменко «Белорусская идентичность». По опросам общественного мнения, автором выявлено, в частности, что наиболее значимым критерием идентификации для белорусов выступает «территория проживания» (30,7% опрошенных отмечали этот фактор как то, что в «большой степени», и еще 47,6% как то, что в «максимальной степени» объединяет их с соотечественниками). В графе «максимальная степень» далее следуют «привязанность к родной земле» (42,8%), «общее государство» (38,3), «общее этническое происхождение» (32,1), «общие национальные интересы» (28,7), «родной язык» (27,9), «национальная культура» (27,7), «уважение исторических традиций» (24,7), «чувство национального единства» (23,7), «психология, черты характера» (21,5) и «религия» (19,8%) [5, с. 51]. Объединение двух близких по сути критериев – «территория проживания» и «привязанность к родной земле» – еще более выпукло показывает, что при несомненной важности иных критериев наиболее важным этноопределяющим признаком для белорусов является территориальный фактор. Как это интерпретируется в духе западнорусизма, вопрос открытый, но во всяком случае ясно одно: идее «Западной Руси» как специфического территориально-политического образования такие данные ни в малейшей степени не противоречат.

Литература

1. Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. – Варшава, 1903. – 581 с.

2. Карский Е.Ф. Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. – М., 1916. – 571 с.

3. Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. – СПб., 1884. – 349 с.

4. Коялович М.О. Предисловие // Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше. – СПб., 1865. – 272 с.

5. Науменко Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 51.

6. Полное собрание русских летописей: В 39 т. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. – М.: Наука, 1980. – 306 с.

С.Я. Левит

ТВОРЧЕСТВО М.О. ГЕРШЕНЗОНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ

Левит Светлана Яковлевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Наследие М.О. Гершензона (1869–1925) – русского литературоведа, культурфилософа, «историка духовной жизни России» [12, с. 473], того сравнительно небольшого ее отрезка, «который начинается с “грибоедовской Москвы” и заканчивается Чаадаевым, западниками и славянофилами» [2, с. 473] обширно и представляет огромный интерес для современных исследователей и читателей. Он, как отмечали исследователи его творчества, обладал замечательным даром делать идеи волнующими, драматизировать абстракции, опрыскивать «мертвые музейные данные, им собираемые, живой водой» [1, с. 384].

В своих историко-литературных и культурфилософских трудах М.О. Гершензон ставил перед собой многообразные задачи: «воскресить полузабытый образ», «раскрыть душевное ядро в человеке» на основе его жизненного опыта, «изобразить историю общественной мысли в ее живой конкретности», развернуть «картину эпохи» в смене личных переживаний, странствований и блужданий в душевной сфере человека [6, с. 566].

При всем разнообразии интересов, М.О. Гершензон «был проникнут темами русской культуры, ее считал своей духовной родиной, постоянно жил ее преданиями, проблемами и устремлениями», неумирающими «образами прошлого». Его занимали вопросы словесной культуры, «филология у него… соприкасалась с философией и этикой» [6, с. 567].

В.Г. Лидин вспоминает М.О. Гершензона как исследователя русской литературы, прекрасного стилиста, постигшего тайну слова, разгадавшего лучше многих музыку скрябинского духа. «Он верил в человеческую душу – не метафизически, а как в настоящую категорию личности. Душой определяется человек, духом – его звучание во времени. *Дух* и *душа* для Михаила

Осиповича – эти два слова определялись так же, как *культура* и *цивилизация*, пожалуй, Дух – неповторяемая музыка, симфония личности; душа – категория личности… Богатство своего собственного духа раздавал щедро он многим вспышками необычайных прозрений, почти талмудической мудрости» [8, с. 544]. Его исследования по русской литературе оказались философски осмысленными, а сама философия – «литературно препарированной, пропущенной сквозь призму “философий” любимых писателей – Чаадаева, Киреевского, Толстого» [9, с. 322].

В.В. Розанов говорит о Гершензоне как об изящнейшем писателе, идущем впереди многих исследователей художественной, поэтической и умственной жизни. Его книги, изящные и спокойные, «точно продушены запахом тех липовых садов и парков, где когда-то спорили герои и героини Тургенева» [10, с. 277]. Он сравнивает Гершензона с Левитаном, называет Гершензона Левитаном *истории русской литературы*. Он полагает, что Левитан и Гершензон поймали самую «психею» русской сути, которая заключается в «ровностях», в «обыкновенностях», а не в горних кручах, не в вершинах; они сумели схватить самый воздух России, этот «обыкновенный ландшафт», «обыкновенную жизнь», которые помнятся дольше разных необыкновенностей: «как Левитан нигде не берет “особенно красивого русского пейзажа”… так точно Гершензон как-то обходит или касается лишь изредка “стремнин” русской литературы, Пушкина, Гоголя, Лермонтова… Его любимое место – тени, тенистые аллеи русской литературы, именно – “Пропилеи”, что-то “предварительное”, вводящее в храм, а не самый храм» [10, с. 278].

Отдавая должное Гершензону, В.В. Розанов вместе с тем отмечает стилизацию им русской литературы: нельзя не сказать, что «Пропилеи» Гершензона, коронующие его писательскую, издательскую и редакционную деятельность, «будучи точны и верны с подлинной действительностью, тем не менее через устранение “дурных слов русской действительности” (Глеб Успенский, Некрасов, Лесков) как-то очень уж “обафинены” и ближе к Акрополю и Марафону, чем собственно к Москве или Орловской губернии» [10, с. 279]. Поэтому именно «Пропилеи», а не «храм».

Написав чарующие и изящнейшие книги, Гершензон, по мысли В.В. Розанова, что-то сделал такое, отчего русским читателям стало казаться, что все еще «стоит Греция», с ее великолепными «Пропилеями» и «Парфеноном», «и в них как-то заворачивают и даже с ними сливаются и в них переходят наши “проселочные дороги” и довольно обыкновенные “домишки”» [10, с. 281].

Гершензон полагал, что история литературы взяла на себя слишком много функций, «в результате чего произошло “позитивистское” смешение истории общественной, духовной жизни и собственно литературы» [9, с. 325]. Он

осознавал необходимость выделения той области культуры, которую он изучал, в особый предмет, т.е. разделения истории литературы (эволюции литературных форм) и истории *духовной жизни* (умонастроения эпохи).

Именно история духовной жизни нашего общества, по мысли М.О. Гершензона, находится на низком уровне: «Все свалено в кучу – поэзия и политика, творческие умы и масса, мысль и чувство, дело и слово» [3, с. 7].

Объяснение этому он находит в том, что историки изучают общество как некую абстракцию, тогда как «общество не ищет, не мыслит, не страдает; страдают и мыслят только отдельные люди» [3, с. 8]. В основе *философии истории* М.О. Гершензона, испытавшей влияние Л.Н. Толстого, лежат отдельные личности, индивидуальность с определенными духовными устремлениями, таинственно влекомые к одной цели.

Гершензоновский стиль исследования российского общества XIX в. Г.В. Флоровский характеризует следующим образом: Гершензон – типичный эссеист, мастер *индивидуального анализа*. «Он обладает проницательностью и художественным чутьем по отношению к прошлому, но – возможно, именно по этой причине – не испытывал потребности расширять свой исторический горизонт. Он продвигался не вширь, но вглубь, и целью его было не охватить насколько возможно много, но извлечь все содержимое из конкретного случая, обнажить его символический скелет, дойти до психологического ядра, отделить “сущностное” от внешнего» [14, с. 282]. Он был не просто рассказчиком, но и истолкователем жизни, ставил себе целью найти общую формулу, описывающую развитие русского общества. «Его вдохновляла идея дать психологическое и философское истолкование человеческой цивилизации» [14, с. 281], следы прошлого привлекали его не как свидетельства быстротечной и уникальной индивидуальности иной эпохи, а «как модели и образцы неизменной и типической структуры человеческого бытия» [14, с. 282].

М.О. Гершензон ставил перед собой задачи не только исторические, но и психологические, культурологические. Он был не только историком «духа» русского общества, но и историком быта, бытового поведения человека XIX столетия. Его герои укоренены в быте, понятом не как безликая общественная среда, а «как определенный *уклад*, способный порождать тот или иной *тип жизни* и мышления» [9, с. 328]. Он исследует повседневное бытие людей, материальное и духовное во всей его полноте, старается «воспроизвести каждую жизнь или каждый эпизод жизни по возможности вполне, не срезая с корней, напротив, и с теми комьями земли, которые пристали к корневым нитям» [3, с. 11]. Он отвергал рационалистическое представление об истории, способное свести ее к последовательной смене идей, к череде «школ» и «тенденций». Носителями идей для него являются личности, и изучать идеи возможно только «в их индивидуальной углубленности, в лице их типичнейших представителей» [3, с. 8].

Его интересует стихия человеческого духа: переписка, дневники, черновые тетради – свидетельства человеческого бытия, еще не отлитые в определенную форму. Кристаллизация духа, воплощение его в формах цивилизации, по мысли Флоровского, кажется Гершензону иллюзией, «ибо самая сердцевина его – это ураган», клубящееся вихрями *подполье человеческого бытия*, из которого рождаются все мысли, идеи, желания людей.

Монографии и статьи Гершензона, отмечает В. Проскурина, строятся как *романы воспитания*: тщательно описываются семейный клан, дом, «родовые», наследственные черты, характер домашних интересов, первые учителя, студенческие годы. Круг чтения героев на протяжении всего их жизненного пути – всегда в центре внимания Гершензона. Все это создает атмосферу эпохи [9, с. 328].

Ему чужда история в гонкуровском смысле, «духовная культура всегда доминирует у него под этими осязаемыми явлениями быта» [6, с. 565]. Мода, костюмы, обстановка, украшения – все вещественные следы былого – никогда не были предметом и целью книг Гершензона. Он исследовал *стиль* быта, стиль жизни, стиль мышления, стиль эпохи, давая объективную картину мировоззрения и мироощущения.

Суть гершензоновского метода художественного психологизма заключается в том, что в каждой системе идей выделяется чувственно-волевая сердцевина – особое сочетание страстей и влечений, привычек и желаний. Жизнь для Гершензона шире и глубже, чем логические или метафизические формулировки: «Ключ к истории идей всегда лежит в истории чувства… и всякое умственное течение имеет своим источником темную и сложную *чувственную* сферу человеческого духа» [3, с. 249]. Философия, в понимании Гершензона, перестает быть плодом творческой работы и становится естественным выражением природного темперамента. Но, как отмечает Флоровский, Гершензон не проводит последовательно свой психогенетический анализ, не верит в творческое воздействие человеческого опыта; реальное богатство истории остается незамеченным, история становится психологической драмой, а диалектика идей превращается в диалектику психических типов – гармоничного (корнями связанного с землей) и дисгармоничного (оторванного от нее). Исходя из такой предпосылки, Гершензон, по мнению Г.В. Флоровского, становится не *историком идей*, а историком *эмоциональных* типов [14, с. 284–285].

С воодушевлением он очерчивает силуэты героев «Молодой России», как он, по аналогии с «Молодой Италией» и «Молодой Германией», называл этот период русского движения 30–40-х годов, по духу близкого одновременному движению на Западе. Краткий экскурс в предшествующую эпоху (статья о декабристе М.Ф. Орлове) был необходим, чтобы изобразить «ледоход умственной жизни» 30–40-х годов.

Картина перехода от александровского к николаевскому времени предстала в книге как смена двух психологических типов.

Тип декабриста породила первая эпоха: «Это, прежде всего, тип человека внутренне совершенно цельного, с ясным, законченным, определенным психическим складом» [3, с. 10]. Такому человеку «внутри себя нечего делать», поэтому он «весь обращен наружу» – к общественности, далекой от его идеала. Эти люди закономерно, по мысли Гершензона, становятся политиками; их внутренняя цельность является продуктом господства законченных, сложившихся мировоззрений и предполагает лишь усвоение готовых навыков мышления.

Следующие очерки (о В.С. Печерине, Н.В. Станкевиче, Т.Н. Грановском) – о людях, чья молодость протекала под знаком *поиска* идеала и гармонии. Значение этого периода Гершензон видит в воспитании людей *нового типа*, в том, что они первые в России «искали свою правду жизненно, не в спокойной работе умозрения, а в трагическом опыте личных падений и побед, и самое знание, до которого они были так жадны, воспринималось ими нравственно, со всей болью и радостью личных переживаний» [3, с. 12]. В этом Гершензон видел их главное отличие от предшествовавших им поколений. Им свойственно новое отношение к действительности: «Там, где первые только холодно и высокомерно презирали окружающую среду за ее пошлость и умственное ничтожество, там Станкевич и Белинский *болеют сердцем* или страстно ненавидят» [3, с. 12].

Другая особенность этого движения заключалась, по мысли Гершензона, в объеме выставленного идеала: они мечтали не о частичных усовершенствованиях человека и общества, а о полном преобразовании всей жизни. Вопрос о совершенствовании личности, о восстановлении в человеке его божественной природы «звучал для них почти с религиозной силой» [14, с. 287]. «Этими двумя чертами умственное движение 30–40-х годов предопределило дальнейший ход развития русской мысли. Те люди не жили вовне – они только думали и чувствовали. Оранжерейное развитие их мысли не могло не отразиться на их конкретных построениях, и русское общество, впитавшее их идеологию в плоть и кровь, еще и теперь не освободилось от ее крайностей и ошибок» [14, с. 12].

Гершензон отмечает, что *пробуждение* 30-х годов было прогрессивной стадией общественной эволюции, коренным переломом в эволюции общества. Но вместе с тем это пробуждение, по мысли Флоровского, знаменует собой момент, когда начинает увеличиваться разрыв между волей и сознанием. Именно в 30–40-е годы XIX в. это стало явным. Самоопределение далось людям ценою *внутреннего раскола*, ослабляющего волю, порождающего раздвоенность души. «Изнуренные этой внутренней мукой, люди того времени оказываются бессильными превозмочь ее в жизни и могут только мечтать

о цельности духа. Они сентиментально оживляют *героическое прошлое*, мечту о гармонии в природе, о цельности самозабвенной любви… Внутреннее беспокойство, неприютное ощущение разлада с собственной личностью и окружающим миром отныне непрестанно довлеет над отношением отдельной личности к целому» [14, с. 288].

Г.В. Флоровский не соглашается с гершензоновской трактовкой 20-х годов как наделенных «органической целостностью», так как и в те годы существовали различные *типы человека*: не только обыкновенные люди из «Грибоедовской Москвы», но и такие, как декабрист Кривцов и его братья, т.е. другой тип человека этого поколения. И, как полагает Флоровский, Гершензон подчеркивает патриархальность 20-х годов для контраста – с тем, чтобы впечатлить нас значительностью «ледоходных» процессов 30-х и тем он лишь усложняет задачу, ограничивая себя *«схематически-психологическим методом»* [14, с. 288–289].

Г.В. Флоровский отмечает, что реальная история с трудом проступает в гершензоновском *нравственно-психологическом анализе* раскола русского общества на славянофилов и западников. Истоки этого явления, возникшего в 30-е годы и окончательно оформившегося в 40-е, М. Гершензон искал не только в политических разногласиях, но и главным образом в принципиальных несовпадениях культурных и философских точек зрения, по-разному интерпретирующих суть цивилизации. Славянофилы, отмечает Г.В. Флоровский, были для Гершензона философами Бессознательного, в противоположность западникам, философам сознания; если первые подходят к нравственным вопросам исходя из понимания *религиозной* сущности человека как неотделимой части Вселенной, то вторые – исходя из понимания человека как автономной личности и члена общества [14, с. 289–290].

Учение славянофилов, по мысли Г.В. Флоровского, представляется Гершензону с приложением к нравственно-психологическому «открытию», сделанному И. Киреевским и развитому Ю. Самариным.

Суть этого открытия Гершензон подытоживает в трех утверждениях, составляющих формулировку *«научного закона духа»*.

1. Центр личности и принцип ее целостности: чувственно-волевое ядро, сфера сверхсознательного, «бессознательная воля». Этот центр личности есть проявление «некой космической воли».

2. Наше сознание, полностью погруженное корнями в нашу *подсознательную волю*, является космическим по сути; все его предпосылки выводятся из самого факта существования универсальной воли. Духовное здоровье обеспечивается верностью этим предпосылкам.

3. Воспитывая в себе личность, человек должен стремиться к организации этой волевой сущности, или *внутренней личности*, с тем, чтобы космическую (религиозную) идею сделать постоянным критерием работы духа.

«Это – цельность души, или – что то же самое – религиозное самоопределение Личности» [14, с. 290]. Г.В. Флоровский отмечает, что в этой картине славянофильства трудно узнать действительную историю.

Произвольное отождествление религиозного и космического инстинктов, отмечает Г.В. Флоровский, скрывает от Гершензона самую сердцевину славянофильской доктрины, славянофильство для него было лишь *символом*, вместилищем «космического сознания», нечто вроде «Антея» почвы; им он противопоставил узких рационалистов-западников.

Гершензон охвачен тревогой при виде *духовной пустыни*, распространяемой рационализмом в российских умах. О русской интеллигенции своего времени он говорит с иронией и сожалением как о «сонмище больных, изолированном в родной стране, и призывает их к воскрешению "творческого сознания", космического чувства и воссоединению сознания с волей» [14, с. 291].

В «веховской» статье «Творческое самосознание», позднее включенной в книгу «Исторические записки», М. Гершензон формулирует центральную *историософскую* мысль: «Наша интеллигенция, – писал он, – справедливо ведет свою родословную от Петровской реформы. Как и народ, интеллигенция не может помянуть ее добром. Она, навязав верхнему слою общества огромное количество драгоценных, но чувственно еще слишком далеких идей, первая почти механически расколола в нем личность» [4, с. 80]. Последствия этого «раскола» были двояки.

Внутренне – интеллигенция стала духовным калекой, живущим «вне себя»: ее сознание утратило «чутье органических потребностей воли», произошел раскол между *логическим сознанием* и чувственно-волевым ядром человека.

Внешне – интеллигенция оторвалась от народа, с качественно иным «строем души», с цельным религиозно-метафизическим мировоззрением, противостоящим расколотому и безрелигиозному миру интеллигенции. Залог возрождения интеллигенции Гершензон видит в громадном интересе ее к философии, религии, поэзии, в плюрализме и отказе от готовых идей, в интересе к новым явлениям духовной жизни. Только эта обновленная интеллигенция, по его мнению, может успешно преобразовывать общественную действительность.

К проблеме личности и «строя» ее души Гершензон обращается во многих работах. В «Образах прошлого» он пишет о том, что корень недуга юного Тургенева, его внутренний раскол заключается «в мысли». Его душевная жизнь расколота на две составные – «природный разум», вложенный Богом в человека, и «рассудок», названный «беззаконным». Рассудочное мышление, рефлексия – причина страданий Тургенева. «Если бы спросить теперь Тургенева, кем он хотел бы быть, он не колеблясь, ответил бы: непосредственным

человеком, не раздвоенным, с единым центром душевной жизни» [5, с. 218]. И когда Природа будет законом человеческого существования, а разум – подпорой сего закона, люди будут счастливы.

Дневник Н.И. Тургенева, открывающий внутреннюю жизнь этого исключительного человека, кажется Гершензону «драгоценным документом» по коренному вопросу мировой цивилизации – «по вопросу о расколе между *органическим разумом* и дискурсивным, логическим мышлением в человеке» [5, с. 219]. Именно здесь, в поисках *душевной цельности*, по мысли В.Ю. Проскуриной, зарождалась философия будущего движения декабристов. «Если Природа – мерило, если люди будут счастливы, только согласуясь в своих действиях с Природой, то первым деянием будет, по Н. Тургеневу, уничтожение рабства – главного для России нарушения закона Природы. Отсюда – выход в сферу политики, в сферу "внешней" борьбы. Так поколение Тургенева искало и находило выход из душевных смятений» [9, с. 334].

Как отмечает Флоровский, Гершензон свое внимание сосредоточивает главным образом на тех периодах и уровнях духовной жизни, «когда мысль и рефлексия еще не были оторваны от цельной душевной ткани, когда они еще были пропитаны и ограничены временными мотивами, социальными обычаями, насущными интересами, общественными или личными» [4, с. 283].

В «Грибоедовской Москве» Гершензон изображал прошлый век как «потерянный рай», как общество людей с «насыщенным», а потому и цельным мировоззрением. В 1907 г. в «Письмах к брату» он писал о своем восприятии той эпохи: «Как я завидовал людям 20-х и 30-х гг., с каким ненасытным упоением рассматривал картины, в которых изображался их уютный и неторопливый быт! Читая их воспоминания, их книги, я как бы приобщался к миру их *существования*, – и, право, не знаю, не отсюда ли и это магическое обаяние Пушкина для меня, как вечно живого отзвука того потерянного рая» [11, с. 88]. Тот мир для него – мир органической целостности, полноты мыслей, мир света, а мир современный – мир теней, дисгармонии, «измученной цивилизации».

В «Переписке из двух углов» – важнейшем документе человеческого духа, свидетельства о настроениях отечественной интеллигенции в годы духовной кризиса – М. Гершензон анализирует катастрофическую эпоху ломки духовной связи современности с культурным наследием прошлого. Диалог М. Гершензона и В. Иванова получил отклик у видных мыслителей XX в. – М. Бубера, Г. Марселя, Х. Ортеги-и-Гассета, Т.С. Элиота. В переписке обсуждаются общие вопросы, но ощущается охваченность авторов интересами переживаемой ими эпохи великих потрясений, не только политических и экономических, но и духовных, отмеченных кризисом цивилизации и культуры: «Мощные связи рассыпались, обнажились новые пласты, из которых

можно вылепить новые формы. Все смешалось и ползет, течет, смутное, хаотичное» [16, с. 197].

Ощущение «неподлинности» европейской культуры с ее мертвящей отвлеченностью и системностью породили у Гершензона мечтания потопить в реке забвения «как досадное бремя» груз умственных достояний человечества.

В «Переписке из двух углов» есть такое признание: «Мне кажется: какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, как первый человек… Почему это чувство окрепло во мне, я не знаю. Может быть, мы не тяготились пышными ризами до тех пор, пока они были целы и красивы на нас и удобно облегали тело; когда же, в эти годы, они изорвались и повисли клочьями, хочется вовсе сорвать их и отбросить прочь» [7, с. 23].

Гершензон не вполне последовательно отвергает цивилизацию во имя природы, как работу отвлеченного разума, истощающего богатство естественной жизни и превращающего человека в объект цивилизации. «Внешний обязательный закон замещает внутреннюю энергию роста» [14, с. 292]. Как отмечает Иванов, для Гершензона цивилизация не сокровищница даров, а «система тончайших принуждений» [7, с. 24] и от этого бремени, от умственного достояния человечества [7, с. 23] Гершензон стремится освободиться. Этот протест и порыв освободиться от цивилизации, по мысли Вячеслава Иванова, вызван усталостью и бессилием; цивилизация угнетает лишь того, кто не признает в ее достижениях творческого огня и проявления воли человеческого духа.

Позицию В. Иванова Ю. Синеокая обозначает как «оптимистическое принятие культуры, опирающееся на веру *в смысл жизни*, в силу человеческого творчества» [13, с. 606], в религиозный смысл культуры. Позицию М. Гершензона она определяет как *нигилистическое отношение* к культуре, разочарование в спасительности европейской формы культуры, не нашедшей в себе силы обновиться, породившей разрыв между культурным сознанием и личной волей. Как отмечает Ю. Синеокая, вслед за Руссо Гершензон грезил о полной свободе духа; об освобождении от знания, добытого не в живом опыте, которое «соблазном доказательности» проникло в ум, своей «бесспорностью и безликостью леденя душу» [13, с. 606].

Л. Шестов полагал, что в «руссоизме» М. Гершензон неповинен: он не только не стремился к опрощению, но являлся перед нами во всеоружии, современной учености и с истинной любовью к своим и чужим «идеям», а его произведения «Ключ веры» и «Гольфстрем», находящиеся в «вопиющем противоречии» с теми мыслями, которые Гершензон высказал в «Переписке», позволяют В. Иванову сказать Гершензону: «Ты, который мечтал

освободиться от философских систем, знаний, искусства, ты вернулся ко всему этому и так же прочно держишься этого, как и я, которого ты не хотел слушать» [15, с. 298]. Эти произведения Гершензона лишены пафоса единоборства с культурой как роковым препятствием на пути к истинным проявлениям человеческого духа. «Ключ веры» – попытка открыть доступ современному человеку к Библии, а «Гольфстрем» – попытка связать современную мысль с одной из древнейших философских систем – с системой Гераклита. В заключение первой главы «Ключа веры» Гершензон заявляет: «Я хочу рассказать, как, в образе ветхозаветного Бога, жил, страдал и совершал свое мировое дело всеобщий Бог человечества» [15, с. 298].

Самое поразительное, – говорит Шестов, – что Гершензон, превосходный знаток истории, как бы не замечает, что, задаваясь целью превратить библейского Бога в «общечеловеческого», он продолжает давно начатое дело. «Еще с первых веков нашей веры, т.е. с того момента, когда Библия стала достоянием греко-римского культурного мира, образованные люди стремились превратить библейского Бога в Бога *общечеловеческого*, т.е. вытравить в его образе все те черты, которые не мирились с представлениями культурных людей о всесовершенном существе» [15, с. 299]. Это вело к отрицанию истинности ветхозаветного Бога, что было для Гершензона неприемлемо. В его критике Ветхого Завета нет тех нот раздражения, в которых выражался пафос гностика Маркиона, стремившегося убедить молодую христианскую церковь отречься от Ветхого Завета и «облагообразить» библейского Бога, а также знатока истории христианства А. Гарнака, заявлявшего, что Бог Авраама, Исаака и Иакова – не есть Бог, и что «Бога нужно искать там, где… можно найти истину – у ученых, философов, моралистов, а не в старой книге» [15, с. 300].

В лице Гершензона, всем сердцем любящего Яхве, Л. Шестов приветствует бунтовщика культуры, «возжелавшего вырваться из-под власти “вечных истин” и посвятившего свой талант “поиску Бога” не там, где принято искать истину – у ученых, философов и моралистов, а в библейском иррационализме» [13, с. 609]. Желание М. Гершензона «броситься в Лету» – попытка вернуться к религии, не отягощенной эллинством. В Библии сказано: «От всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» (Бытие 2:16–17).

В этих словах Шестов видел ключ к разгадке культурфилософии Гершензона, которую Шестов интерпретировал как откровение о своем символе веры, личном опыте постижения Божественной истины. Спор о культуре обернулся спором о Боге, откровением собеседников о своем религиозном опыте.

Человек культуры у М. Гершензона не способен к абсолютному: его вера «поражена рефлексией, искажена, бессильна» [7, с. 29]. Но, как отмечает Ю.В. Синеокая, антиномичность и трагизм культуры не означают отрицания им *смысла творчества*. Он верит, что возможны иное творчество и другая культура, «не замуравливающие каждое познание в догмат, не высушивающие всякое благо в мумию и всякую ценность в фетиш» [7, с. 27]. И все это возможно с возвращением к исходной точке – личности, преображенному человеку. Личность вместит в себя всю нажитую полноту. «Пройдут столетия – вера снова сделается простой и личной, труд – веселым личным творчеством, собственность – интимным общением с вещью; но и вера, и труд, и собственность будут в личности непреложны и святы, а вовне безмерно обогащены, как из зерна проросший колос. Задача состоит в том, чтобы личное стало опять *совершенно личным* и, однако, переживалось как *всеобщее*; чтобы человек знал во всяком своем проявлении, как Мария, заодно и свое дитя, и Бога» [7, с. 36].

Литература

1. Белый А. Между двух революций. – Л., 1934.
2. Гершензон М.О. «Узнать и полюбить». Из переписки 1893–1925 годов / Сост. Е.Ю. Литвин. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 512 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).
3. Гершензон М. Избранное. Молодая Россия / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
4. Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909.
5. Гершензон М. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
6. Гроссман Л. Гершензон – писатель // М. Гершензон. Избранное. Мудрость Пушкина / Сост. С.Я. Левит. – 3-е изд. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
7. Иванов В.И., Гершензон М.О. Переписка из двух углов // М. Гершензон. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
8. Лидин В.Г. Гершензон // М. Гершензон. Избранное. Молодая Россия / Сост. С.Я. Левит. – 2-е изд. доп. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
9. Проскурина В.Ю. М.О. Гершензон – историк культуры // М.О. Гершензон. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
10. Розанов В.В. Левитан и Гершензон // М. Гершензон. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
11. Русская мысль. 1907. № 2; за подп. Junior.
12. Сапов В.В. «Узнать и полюбить» (О письмах М.О. Гершензона) // М. Гершензон. «Узнать и полюбить». Из переписки 1893–1925 годов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

13. Синеокая Ю.В. Знаменитый спор о культуре // М. Гершензон. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. – 2-е изд. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

14. Флоровский Г.В. Михаил Гершензон // М. Гершензон. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

15. Шестов Л. О вечной книге (памяти Гершензона) // М. Гершензон. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

16. Шлецер Б. Русский спор о культуре // Современные записки. – Париж, 1922. – № 11.

В.М. Кулькина

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТА У В. ПЕЛЕВИНА И П. ОСТЕРА

Кулькина Варвара Михайловна – аспирантка ИНИОН РАН.

Возникновение постмодернизма в культуре и литературе на рубеже XX–XXI вв. многие литературоведы объясняют влиянием политико-экономических факторов последних десятилетий: переходом от индустриального общества к постиндустриальному в 1960-е годы, всеохватывающей информатизацией, разочарованием в возможности насильственного переустройства мира, согласно «проектам» Маркса, Маркузе и Че Гевары, волнениями во Франции в 1968 г. и др. [6]. Определяющим фактором постмодерна американский исследователь Р. Маклафлин считает глобализацию, которая экономически воздействует на международные и межкультурные связи [17, с. 285–286].

На протяжении 1970-х годов активно переосмысливались идеи французского постструктурализма и формировался североамериканский деконструктивизм как одно из направлений постмодернизма. Французский вариант деконструктивизма оформлялся в рамках концепции философа и семиотика Р. Барта о «культурологических феноменах, закрепленных в знаках» [4, с. 125]. В его работах акцент переносится со структуры произведения на структурирование, побуждая литературоведов обращаться к анализу манипулятивных приемов авторов постмодернистского романа.

Деконструктивизм подразумевает, в частности, установку на восприятие мира как хаоса, она представляет оппозицию действительности и одновременно ее рефлексию. «Деконструкция рассматривает совокупность текстов культуры в качестве сплошного поля переноса значения, не останавливающегося в виде застывшей структуры, она подрывает изнутри фундаментальные понятия западной культуры и демонстрирует сопротивление языка любому философскому проекту» [1, с. 292–293].

Если в основу деконструктивного анализа французских постструктуралистов было положено широкое поле «всеобщего текста», т.е. весь «культурный интертекст», то американские деконструктивисты сконцентрировали внимание на практических вопросах анализа художественного произведения. Они использовали набор аналитических приемов, которые призваны показать, что любой текст всегда отличается от самого себя в ходе его критического прочтения. «В отечественной критике деконструкция понимается не только и не столько как метод чтения, сколько как своеобразный художественный прием, суть которого в разрушении мифологического контекста когда-то сакральных образов и помещении этих образов в другой контекст» [3].

На первый план у критиков-деконструктивистов выходит не понимание человеком текстов, а восприятие им тех усложненных приемов («китайской шкатулки», «лабиринта», палимпсеста[1] и др.), которые использовали авторы художественных произведений. «Сверхзадача деконструктивистского анализа состоит в демонстрации неизбежности “ошибки” любого понимания, в том числе и того, которое предлагает сам критик-деконструктивист. При этом сами деконструктивисты, в том числе и русские, возражают против понимания деконструкции как простой деструкции, как чисто негативного акта теоретического “разрушения” анализируемого текста» [6].

Некоторые, в том числе американские, исследователи трактуют сегодня русский постмодернизм как «постмодернизм историчности, исследующий постмодернистское пространство в поисках потерянного времени» [9, с. 311]. Их интерес вызывает творчество Виктора Пелевина – писателя, который, по словам американской исследовательницы Е. Гомель, представляет «общество, одержимое восстановлением времени и истории» [15, с. 311]. Обращаясь к истории Гражданской войны в России, В. Пелевин вовлекает в свою художественную «деконструкцию» (роман «Чапаев и Пустота») не только и не столько исторические документы, сколько предшествующую художественную литературу и знаменитый фильм о Чапаеве [4]. Основой авторской позиции писателя становится обостренное взаимодействие времени и истории, в которой для читателя время движется вспять [15, с. 311]. Пелевин представляет героя романа Петра Пустоту как «конструктора» мира Чапаева, того мира, который доступен читателю по все тем же историческим документам, книгам и фильмам. Мировоззрение Пустоты становится читательским взглядом сквозь время.

1. Палимпсест означает способ взаимодействия текстов современной прозы с текстами, написанными в классических традициях.

Одновременно с формированием писательской позиции В. Пелевина в США начинает свою карьеру писателя поэт и критик Пол Остер, выбравший для своего дебюта детективный жанр. Впоследствии отобранная Остером жанровая форма видоизменяется, соединяя историю полупрофессионального сыщика или писателя-путешественника с автобиографическим жанром и формой эссе. Постмодернистская проза Пола Остера определяется критиками как пример «гибкой» литературы, включающей в себя популярную литературу (детектив, политический триллер и др.) и постмодернистский текст.

Постмодернистский текст – подвижная структура, внутренняя логика которой исключает возможность появления какого-либо дополнительного смысла в произведении и возвращает в структуру текста традиционные трактовки и интерпретации [16, с. 20]. Остер прибегает к популярным в массовой литературе «формулам успеха», активно нарушая их: игра с жанрами позволяет ему дистанцироваться от штампов массовой культуры. Так, используя детективный сюжет, автор выбрасывает из повествования и преступление, и тайну, и разгадку; в политическом триллере нарушает развитие политической интриги.

Стиль Остера, отмеченный элементами саспенса, экзистенциального романа и автобиографии, повышает увлекательность его произведений за счет игрового элемента. В более поздних романах писателя поочередно нарушаются формулы жанров: в политическом триллере «Левиафан» (1992) нет последовательности в развитии политической интриги, история не окончена; в семейной саге «Храм луны» (1989) – слишком много отцовских линий в сюжете; в плутовском путевом романе «Музыка случая» (1990) – переизбыток нецелесообразных, подчас рискованных и глупых, решений героев. А магический реализм «Мистера Вертиго» (1994) сочетается с жанрами детской литературы.

Литературоведы обнаруживают в жанровых формах у Остера кинематографический метод монтажа, т.е. способ построения текста, при котором изображение постоянно фрагментируется. Функция литературного монтажа сводится к констатации случайных связей между фактами, разрушению естественных связей между предметами [11]. Тот же метод очевиден и в сочинениях В. Пелевина. Однако если у Остера восприятие событий складывается, исходя из истории героя, то у Пелевина читатель волен воспринимать текст соответственно своим представлениям о действительности.

В фокусе внимания Виктора Пелевина всегда находится герой, вписанный в определенные исторические рамки. Развитие истории в тексте у Остера противостоит раскрытию образа человека у Пелевина. Остер пишет, что «история без конца обречена на то, чтобы длиться вечно, и тот, кто в нее вовлечен, должен умереть, не доиграв свою роль» [П. Остер «Запертая комната»].

У Пелевина внимание сосредоточено на герое «в истории», у Остера главное действующее лицо может спокойно покинуть страницы романа и исчезнуть, в то время как сама история будет продолжать развиваться. Пелевин же стремится выстроить не саму историю, а отразить в ней ожидания, распространенные в обществе: «И все же тот человек, которого я с полной уверенностью мог бы назвать собой, сложился позже и постепенно. Первым проблеском своей настоящей личности я считаю ту секунду, когда я понял, что кроме тонкой голубой пленки неба можно стремиться еще и в бездонную черноту космоса» [В. Пелевин «Омон Ра»].

В поэтике Пелевина символическое единство семантики, стилистических приемов и сюжетообразующей структуры можно определить как «деконструкцию культурного мифотворчества» [7], писатель прибегает к палимпсесту, внедряя в свой фрагмент чужой текст или, например, в «Числах», устойчивое выражение. Сравним обыгрывание словосочетание «геенна огненная»: «Степа знал, что древним богам приносили в жертву быков, сжигая их на кострах. Несколько недель он обдумывал ритуальный поджог одного из коровников в совхозе. В последний момент Степа передумал. …стянул из дома семь банок говяжьей тушенки… вонь горелого мяса напоминала о чем-то забытом (даже пришло в голову странное словосочетание “геенна огненная”)». Исследователи подчеркивают, что «цель Пелевина – деконструкция внешнего мира, всех социальных норм и предрассудков, всех конкурирующих идеологий и религиозных догматов» [9].

Палимпсеест (сродни наложению текстов друг на друга) у В. Пелевина выражен и в смене эпох, метаморфозах времени: не в историческом, глобальном, а в обыденном, не до конца принятом героями его романов, понимании. Так, например: «с вечностью, которой Татарский решил посвятить свои труды и дни, тоже стало что-то происходить. Этого Татарский не мог понять совершенно. Ведь вечность – так, во всяком случае, он всегда думал – была чем-то неизменным, неразрушимым и никак не зависящим от скоротечных земных раскладов. Если, например, маленький томик Пастернака, который изменил его жизнь, уже попал в эту вечность, то не было никакой силы, способной его оттуда выкинуть. … Оказалось, что вечность существовала только до тех пор, пока Татарский искренне в нее верил, и нигде за пределами этой веры ее, в сущности, не было» [В. Пелевин «Generation “П”»]. Описание жизни сознания в текстах Пелевина – это освобождение от груза памяти и стереотипов мышления, что соотносимо с интерпретацией собственного внутреннего мира героями Остера: их сложно-причудливый ход мыслей является эстетическим выражением человеческой потребности в общении, одновременно становясь способом «изучения своего одиночества на примерах других людей» [13, с. 300].

С помощью палимпсеста американский писатель придает новое значение традиционной жанровой форме детектива. Его герой Квинн – автор детективов, изображающий сыщика, ищет индивидуальность в мире, где «люди меняются»: «Пытаясь за словами разглядеть реальный мир, мы ставим себя на место героя, и делаем вид, будто способны его понять, – себя же мы понимаем!.. чем дольше мы живем, тем менее прозрачными для себя самих становимся. Где уж нам пересечь границу чужого Я, если мы не способны добраться до собственного нутра?» [П. Остер «Запертая комната»].

Объясняя наблюдаемый рассказчиком мир, писатели сменяют внутренние монологи героев их игровыми действиями. Используется стандартный для буриме прием соединения нескольких повествовательных модусов. Так, в повести «Принц Госплана» Пелевина жизнь советского инженера переплетается со сценарием компьютерной игры, у Остера же главный герой примеряет на себя роль сыщика-детектива. Бесперспективность судьбы персонажа в обществе схожа с бессмысленностью самой игры, занятие которой ничего не дает играющему [7].

Игра с текстом у Остера в то же время переходит на новый уровень в его романе «Храм луны». Написанный в 1989 г. текст представляет собой трехчастную историю главного героя, которая сочетается с последовательным пересказом как выдуманных, так и реальных фактов из семейной саги.

Остер, прибегая к деконструктивистскому анализу, стирает грани между реальным миром и миром, отраженным в сознании людей [20]. С. Элфорд характеризует постмодернизм Пола Остера как поп-культурную форму отображения более сложных тем, чем те, что свойственны детективному жанру. К. Тиш отмечает склонность Остера к использованию текстуальных стратегий (интертекстуальность, принцип матрешки и др.), по ее мнению, «Трилогия» существует на грани кризиса постмодернизма и распада модернизма. Однако рассматривая писателя в рамках постмодернизма, большинство исследователей не принимает универсальность его творчества [14, с. 17–33; 18, с. 71–84; 20, с. 46–52]. Литературоведы находят в прозе Пола Остера и черты постмодернизма, и элементы реализма [20, с. 149–168].

В «Трилогии» писатель реконструирует «диалог» модернизма с постмодернизмом, не отдавая предпочтения ни одному из методов. Главный герой «Стеклянного города» Д. Квинн представлен автором как модернист в культурном пространстве постмодерна.

Стоит отметить, что в последних работах, посвященных развитию форм современного романа, литературоведы указывают на «интеллектуализм как новый уровень взаимосвязи формы и синтеза». В статье «Динамика формы в романе Пола Остера “Невидимый”» профессор В.А. Пестерев раскрывает «диапазон форм художественного синтезирования» (от повторяющихся (изобразительные сцены, аналитические рефлексии) до единичных форм

(письма, дневники)) [7, с. 155.] Смешение массового и элитарного, реконструкция форм, а также следующее из этого нарушение жанровых канонов позволяет исследователям изучить трансформацию жанровой, языковой и сюжетообразующей структуры текстов писателей. Не пересекаясь между собой, но развиваясь параллельно современные классики постмодерна – Остер и Пелевин – приходят к игровой литературе, отображающей смешение реальности и ее рефлексии, что служит главным принципом деконструкции.

Литература

1. Алексеева Е.А., Тузова Т.М. Деконструкция // История философии. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис, 2002. – 1376 с.

2. Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с франц. А.Т. Бикбова, Т.В. Анисимовой. – М.: «Праксис», 2003. – 256 с.

3. Деконструкция // Вестник современного искусства «Цирк “Олимп”». Словарь. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cirkolimp-tv.ru/vocabulary/81/dekonstruktsiya (Дата обращения: 14.01.2016.)

4. Демин В.И. Исторический миф и миф об истории в современном постмодернистском романе: дис. …канд. филол. наук. – М., 2012. – 267 с.

5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – М.: Интрада. 1998. – 255 с.

6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/iliin/?curPos=10 (Дата обращения: 15.01.2016.)

7. Искусство романа на рубеже XX–XXI столетий: 1990–2015: коллектив. моногр. / [Авт. коллектив: В.А. Пестерев [и др.]]; под ред. проф. В.А. Пестерева; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 254 с.

8. Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму. – М.: Рудомино, 1998. – 192 с.

9. Макхейл Б. Послесловие: Перестраивающийся постмодернизм // Кулькина В.М. / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения. – М., 2016. – № 1. – С. 175–178.

10. Некрасов С. Субъективные заметки о прозе Виктора Пелевина. [Электронный ресурс]. URL: http://pelevin.nov.ru/stati/o-nekr/1.html (Дата обращения: 14.01.2016.)

11. Раппопорт А.Г. К пониманию поэтического и культурно-исторического смысла монтажа // Монтаж: Литература, искусство, театр, кино. – М., 1988. – С. 14–22.

12. Репина М.В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма: дис … канд. филол. наук. – М., 2004. – 199 с.

13. Auster P. The art of hunger: Essays, prefaces, interviews and the red notebook. – London: Faber, 1997. – 368 p.

14. Alford S.E. Mirrors of Madness: Paul Auster’s The New York Trilogy // Critique. – L.: Routledge, 1995. – Vol. 37, N 1. – P. 17–33.

15. Gomel E. Viktor Pelevin and Literary Postmodernism in Post-Soviet Russia // Narrative. – Columbus: The Ohio state univ., 2013. – Vol. 21, N 3. – P. 309–321.

16. Jameson F. Postmodernism and Consumer Society // The cultural turn: Selected writings on the Postmodern, 1983–1998. – L.: Verso, 1998. – 206 p.

17. McLaughlin R.L. After the Revolution: US Postmodernism in the Twenty-First Century // Narrative. – Columbus: The Ohio state univ. press, 2013. – Vol. 21, N 3. – P. 285–295.

18. Russell A. Deconstructing The New York Trilogy: Paul Auster's Anti-detective Fiction // Critique. – L.: Routledge, 1990. – Vol. 31, N 2. – P. 71–84.

19. Shostak D. Under the sign of Moon Palace: Paul Auster and the body of the text // Critique. – L.: Routledge, 2008. – Vol. 49, N 2. – P. 149–168.

20. Tysh C. From One Mirror to Another: The Rhetoric of Disaffiliation in City of Glass // Review of Contemporary Fiction. – Champaign: Dalkey Archive Press, 1994. – Vol. 14, N 1. – P. 46–52.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Н.А. Комочев

К ЮБИЛЕЮ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Комочев Никита Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, доцент РГГУ.

«История нашего отечества сделается тем более привлекательной, чем более она будет известна»
(А.А. Половцов)

В 2016 г. исполняется 150 лет с момента учреждения Русского исторического общества (РИО), внесшего неоценимый вклад в развитие отечественной науки и культуры. Датой основания Общества считается 23 мая (по ст. стилю) 1866 г., в этот день императором был утвержден устав РИО.

Первый параграф устава гласит: «Русское историческое общество имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России, с соблюдением существующих в сем отношении правил, материалы и документы, до отечественной истории относящиеся, как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно и находящиеся у частных людей» [5, с. 3; Устав Общества в редакции 1910 г. помещен в 3-м Полном собрании законов под № 33315].

Обществу, образованному в рамках частной инициативы, удалось стать одним из самых влиятельных в стране и подключить к своей деятельности лучших историков своего времени. В состав императорского РИО за дореволюционный период его существования в качестве почетных председателей входили императоры Александр III и Николай II, а почетными членами были великие князья Николай Михайлович (с 1909 по 1917 г. – председатель Общества), Владимир Александрович, Константин Николаевич, Константин Константинович, Сергей Александрович. Такого средоточия представителей русского императорского дома не знало ни одно другое историческое общество.

Первыми председателями РИО были сенатор, академик и поэт П.А. Вяземский (1792–1878) и А.А. Половцов (1832–1909) – сенатор, член Государственного Совета и многих обществ. Среди почетных членов были государственный канцлер, многолетний министр иностранных дел и лицейский товарищ А.С. Пушкина А.М. Горчаков (1798–1883), учредитель первой в России бесплатной рисовальной школы (ныне академия, носящая его имя) С.Г. Строганов (1794–1882). В число помощников председателя входили директор императорской Публичной библиотеки, председатель Археографической комиссии А.Ф. Бычков (1818–1899) и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев (1827–1907).

Не менее «звездным» был состав действительных членов Общества, многие из которых не нуждаются в представлении. Назовем лишь некоторых: академик, многолетний профессор Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897), обер-прокурор Святейшего Синода, министр внутренних дел, президент Академии наук Д.А. Толстой (1823–1889), министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский (1824–1896), один из основателей Русского Археологического общества и Русского исторического музея А.С. Уваров (1824–1884), основатель исторического журнала «Русский архив» П.И. Бартенев (1829–1912), председатель Археографической комиссии, член Государственного совета П.А. Муханов (1797–1871), директор Московского архива Министерства иностранных дел М.А. Оболенский (1806–1873), автор 29-томной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьёв (1820–1879), вице-президент Академии наук Я.К. Грот (1812–1893), управляющий Московским архивом Министерства юстиции, директор Петербургского Археологического института Н.В. Калачов (1819–1885), председатель Общества любителей древней письменности и ревнителей русского исторического просвещения, член Государственного совета С.Д. Шереметев (1844–1918), директор архивов Министерства иностранных дел Н.В. Голицын (1874–1942), директор Публичной библиотеки Н.К. Шильдер (1842–1902), председатель Общества истории и древностей российских, один из основателей Исторического музея И.Е. Забелин (1820–1908), академик В.С. Иконников (1841–1923), член Совета министров народного просвещения Н.П. Лихачёв (1862–1936), а также профессора Петербургского университета Н.И. Костомаров (1817–1885), В.И. Сергеевич (1832–1910), Ф.Ф. Мартенс (1845–1909), С.Ф. Платонов (1860–1933), С.В. Рождественский (1868–1934), А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) и профессора Московского университета В.О. Ключевский (1841–1911), В.И. Герье (1837–1919), М.М. Богословский (1867–1929), М.К. Любавский (1860–1936).

Очевидно, что такой состав РИО – государственные деятели, директора архивов и председатели научных обществ, а также многие самые крупные

историки своего времени, позволил Обществу с успехом выполнять поставленные перед ним задачи.

Отметим, что задачи РИО хотя и пересекались с деятельностью других учреждений и обществ, занимающихся публикацией исторических документов, но не дублировали их. Это связано в первую очередь с тем, что РИО занималось преимущественно периодом послепетровским, т.е. событиями относительно недавнего прошлого (XVIII–XIX вв.). В то же время, скажем, Археографическая комиссия или Общество истории и древностей российских почти не переходили в своих публикациях рубеж начала XVIII в. События Нового времени на момент образования РИО были очень мало отражены в документальных публикациях и вклад Общества в этом отношении трудно переоценить. Многие публикации несли на себе печать политической злободневности или даже, говоря современным языком, содержали элементы государственной тайны. Здесь-то и сыграли свою роль высокие покровители Общества – император и великие князья, без имени которых доступ ко многим источникам был бы закрыт. При этом сама деятельность Общества рассматривалась как решение государственных задач по обнародованию важнейших документов русской истории.

Согласно Уставу, делами Общества управлял совет, состоящий из председателя, его помощника, трех членов, секретаря и казначея. Должностные лица избирались на три года. Совет управлял всеми делами Общества и принимал решение об издании тех или иных материалов, ежегодно составлял смету доходов и расходов на будущий год, смета обсуждалась на годовом собрании. Совет обязан был отчитываться на годовом собрании о своих действиях и расходах. Дела в совете решались большинством голосов, в случае равенства голос председателя давал перевес.

Бюджет Общества формировался за счет взносов членов, пожертвований частных лиц, сумм, вырученных от продажи «Сборника императорского РИО».

Для вступления в РИО необходима была рекомендация двух и более действительных членов при условии, что кандидат «принимает участие в успехах отечественной истории» или может оказать Обществу полезное содействие. Выборы считались действительными, если кандидат получал 2/3 голосов на общем собрании. Размер ежегодного взноса действительных членов составлял 10 руб. (или 100 руб. единовременно).

Отчеты совета, избрание новых членов и чтение исторических материалов проходили на собраниях (с сентября по май, не реже одного раза в два месяца). Годовые собрания с общим отчетом могли сопровождаться научными чтениями и проходить публично.

Основным археографическим вкладом РИО в науку стало издание «Сборника императорского РИО», которых за период с 1867 по 1916 г., т.е. за

50 лет, вышло 148 (!) томов. Документы для издания черпались как из государственных архивов (в том числе иностранных), так и из архивов частных лиц. По своему содержанию часть томов имеет смешанный характер и включает материалы разного рода и даже исследовательские статьи (это скорее исключение, характерное для первого тома), но значительная часть томов имеют тематический характер. Особенно много опубликовано материалов по истории эпохи Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II.

Обращают на себя внимание несколько крупных документальных серий, изданных в рамках «Сборника» – это «Материалы Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения», «Бумаги императрицы Екатерины II», «Дипломатическая переписка иностранных послов и посланников при русском дворе», включающая и документы из архивов иностранных государств, «Материалы для истории высших государственных учреждений России в XVIII веке», «Материалы для политической и бытовой истории 1812 года», «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» [2, с. 165–186; 3, с. I–X].

Еще одним крупным вкладом в науку стало издание силами РИО «Русского биографического словаря» в 25 томах. Составленный к 1887 г. «Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря» включал в себя около 60 тыс. имен [1]. В дальнейшем этот список корректировался, и издание словаря затянулось на много лет – он выходил с 1896 по 1913 г. Словарь стал первым изданием такого рода в России и сохраняет свое справочное значение до сих пор.

Кроме издательских проектов, РИО занималось проблемами организации архивного дела в России. Для решения такой задачи 19 февраля 1912 г. в рамках Общества была учреждена «Особая комиссия для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов». Деятельность Комиссии началась с запросов в губернские ученые архивные комиссии и ученые общества о состоянии местных архивов (число их в каждой губернии доходило до 1000–1500). При этом выяснилось, что местные архивы испытывали острый недостаток средств и более половины из них находились в неудовлетворительных по своему состоянию помещениях, что приводило к безвозвратной утрате целых архивных фондов.

Обществом был организован Съезд представителей губернских ученых архивных комиссий с целью выработки мер по охране архивного наследия страны. Съезд прошел 6–8 мая 1914 г. во дворце Великого князя Николая Михайловича и его труды были опубликованы [4]. Николай II поддержал решения съезда и выразил свои пожелания к министрам внутренних дел и народного просвещения об открытии губернских ученых комиссий во всех губерниях и ассигновании каждой из них по 3 тыс. руб. ежегодного пособия

на наем помещений, приглашение сотрудников и издание наиболее ценных документов.

Такая деятельность способствовала работе местных архивов, улучшению условий хранения архивных документов – некоторые фонды были спасены от уничтожения, ускорился процесс подготовки губернскими учеными архивными комиссиями обзоров, описаний и изданий документов местных архивов.

Первая мировая война прервала многие из начинаний, а последующие за ней революционные события привели к резким поворотам в истории Общества. После 1916 г. оно не занималось изданием «Сборника», хотя многие материалы были к этому времени уже собраны. РИО было закрыто 4 сентября 1920 г. по решению общего собрания Российской академии наук с полной передачей ей всего имущества Общества.

Новая жизнь РИО началась в Праге 7 апреля 1925 г., когда группа русских историков-эмигрантов образовала Общество под таким же названием. Председателем его стал известный историк Е.Ф. Шмурло (1853–1934), после которого председателями были А.А. Кизеветтер (1866–1933), А.Н. Фатеев (1872–1952), А.В. Флоровский (1884–1968). Среди членов Общества были крупные историки и общественные деятели П.Б. Струве (1870–1944), П.Н. Савицкий (1895–1968), Г.В. Флоровский (1893–1979) и др.

Несмотря на то что организационно-финансовых возможностей у Общества стало значительно меньше, не говоря об отрыве от русских архивов, РИО и в этот период издавало свои труды под названием «Записки Русского Исторического общества в Праге». Но продолжалась работа недолго, после занятия Праги немецкими войсками деятельность Общества сначала приостановилась, а потом замерла совсем. Инициатива в организации Общества перешла к Соединенным Штатам Америки, где РИО было создано группой русских ученых в Сан-Франциско, впоследствии переименованное в Музей русской культуры.

Но как показала история, на российской почве РИО не кануло в безвременье, а возродилось, как феникс из пепла. Все началось с интереса к деятельности и изданиям дореволюционного РИО. В 1990-е годы был переиздан «Русский биографический словарь» (с дополнительными томами) и алфавитный указатель к нему, с 1999 г. было возобновлено издание «Сборника РИО». В 2000-е годы переиздавались дореволюционные «Сборники РИО». 20 июня 2012 г. Российское историческое общество было воссоздано, при этом декларировалась его преемственность с императорским РИО. Перед Обществом ставятся новые задачи, такие как выработка единого учебника истории.

В настоящее время в Российском историческом обществе состоят более 60 организаций, открыто более 20 региональных отделений. Но это уже, как говорится, другая история, которая творится на наших глазах. Несмотря на

заявления о преемственности современного Российского исторического общества с РИО императорской России, это все же очень разные организации, главным образом потому, что сильно изменились исторические обстоятельства и общекультурный контекст. Современное РИО пока в большей степени ориентировано на решение общественно-политических задач, а дело подготовки научных изданий источников еще ждет своего часа.

Эпоха изменилась, изменилось и РИО – это закономерно. Но сам факт возрождения Общества свидетельствует о том, что его деятельность не забыта и воспринимается общественным сознанием как образец общественной инициативы, получившей щедрую поддержку на государственном уровне. Деятельность РИО до революции – хороший пример для подражания и в наши дни, когда остро необходима система новых научных изданий исторических источников, органично сочетающих научное значение, государственные задачи и общественный интерес. Будем надеяться, что в недалеком будущем возникнут необходимые для этого условия и появятся люди, которые вновь вспомнят лучшие дореволюционные традиции, и русская историческая наука вновь займет предназначенную для нее высоту.

Литература

1. Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. – СПб., 1887–1888. – Ч. I–II.

2. Императорское Русское историческое общество 1866–1916 / Сост. П.Н. Жукович, А.С. Лаппо-Данилевский. – Пг., 1916.

3. Содержание вышедших томов Сборника императорского Русского исторического общества. – Б. м. [1916].

4. Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 г. – СПб., 1914.

5. Устав Русского исторического общества. – СПб., 1866.

В.В. Леонидов

«ПОСОЛЬСТВО НА ТАГАНСКОМ ХОЛМЕ». К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ им. А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Леонидов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, главный библиотекарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

Таганка. Исторический центр столицы. Здесь расположился крупный современный центр Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.

Со всего мира потомки русских эмигрантов передают сюда архивные материалы – письма, рукописи, фотографии, произведения искусства, семейные реликвии. То, что десятилетиями сберегалось в их семьях, хранилось в созданных ими музеях и при церквях. Фонды Дома уже превышают четверть миллиона единиц хранения, поступивших более чем от 2 тыс. дарителей.

Однако Дом – это не только отвечающие самым современным требованиям хранилища нашего наследия, читальные залы, которые посещают сотни исследователей. Здесь проходят конференции, семинары и выставки, каждый год проводится кинофестиваль. Дом русского зарубежья стал настоящим мостом между сегодняшней Россией и огромным русским миром, существовавшим ныне вне Родины.

«Русская эмиграция, рассеянная жесточе колен Израилевых, в нашем советском сознании если и тянула где свой век, то таперами, в погане́ньких ресторанах, лакеями, прачками, нищими, морфинистами, кокаинистами, домирающими трупами. До войны 1941 ни по каким признакам из наших газет, из высокой беллетристики, из художественной критики нельзя было и представить, (и наши сытые мастера не помогали нам узнать), что русское зарубежье – это большой духовный мир, что там развивается русская философия, там Булгаков, Бердяев, Лосский, что русское искусство полонит мир, там Рахманинов, Шаляпин, Дягилев, Павлова, казачий хор Жарова, там ведутся глубокие исследования Достоевского (в ту пору у нас просто проклятого), что существует небывалый писатель Набоков – Сирин, что еще жив

Бунин и что-то пишет эти двадцать лет, издаются художественные журналы, ставятся спектакли, собираются съезды землячеств, где звучит русская речь…» Это строки Солженицына, открывающие одну из глав его знаменитого труда «Архипелаг ГУЛАГ».

Оказавшись не по своей воле за границей, Солженицын продолжил работу по собиранию правды об истории России. «Русский общественный фонд, созданный мною три года назад, одной из целей своих ставит собирание всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, и как только наступит благоприятное для того время – перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они и будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую мемуарную библиотеку, сгусток народной памяти и опыта», – обращался Александр Исаевич из Вермонта к русским эмигрантам в 1977 г.

И он оказался прав. Отношение к эмиграции стало резко меняться с началом перестройки. И первый шаг к созданию в Москве Центра по изучению зарубежья был сделан в сентябре 1990 г., когда в Государственной библиотеке Иностранной литературы открылась выставка знаменитого парижского издательства «YMCA-PRESS». Посетителям предоставилась возможность познакомиться с книгами Бердяева, о. Сергия Булгакова, А. Деникина и многих других. Организаторы выставки рисковали: все-таки время свободы только еще наступало. Главными вдохновителями этой акции стали заместитель директора ГБИЛ Виктор Александрович Москвин и директор «YMCA-PRESS», первый издатель многих произведений А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, А.И. Солженицына, М.А. Булгакова, выдающийся исследователь русской литературы и Православной церкви Никита Алексеевич Струве, недавно ушедший из жизни.

После грандиозного успеха выставки Струве поддержал предложение Москвина учредить в России «имковский» филиал – издательство «Русский Путь» (в нем сегодня вышло уже более 500 книг) и приступить к открытию его читальных залов в городах Российской Федерации и Восточной Европы. Проект проложил себе дорогу за несколько лет более чем в 40 городах – столь велика была тяга российской интеллигенции и читателей других стран к настоящей литературе. Деятельность эту Дом зарубежья продолжает до сих пор. Большие собрания книг по истории философии, искусствознанию подарены почти в 100 городов России и других стран.

От последних представителей эмиграции, от их детей и внуков поступали рукописи, архивы, аудио- и видеокассеты, картины, ордена, знамена, медали, декоративно-прикладные изделия. Все более очевидной становилась необхо-

димость создания специального Центра по изучению и хранению наследия русского зарубежья.

Идея осуществилась, когда в Россию вернулись Александр Исаевич и Наталия Дмитриевна Солженицыны. Александр Исаевич слов на ветер не бросал. Он приложил все силы для выполнения обещания, данного эмигрантам в 1977 г.

В июле 1995 г. постановлением Московского правительства библиотека № 17 была преобразована в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье». Его учредителями выступили «YMCA-PRESS», Русский общественный фонд Александра Солженицына и Правительство Москвы. Директором был назначен Виктор Александрович Москвин.

Увеличивающаяся коллекция, возрастающий интерес российской и международной общественности способствовали принятию решения о реконструкции здания. 2 сентября 2005 г. состоялось открытие нового, современного Центра, с прекрасными фондохранилищами, кино- и медиазалами, со своей киностудией, экспозиционной площадью и большим помещением для читателей.

С экрана к гостям обратился Александр Исаевич Солженицын (по состоянию здоровья ему было уже трудно присутствовать лично). Он назвал Дом «светящимся мостом, соединяющим память эмиграции и нашей Родины…»

После кончины Александра Исаевича распоряжением Правительства Москвы от 11 февраля 2009 г. Библиотека-фонд «Русское зарубежье» была переименована в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Через несколько месяцев Виктор Москвин был удостоен премии Правительства Российской Федерации в области культуры за создание Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Никита Струве в 2008 г. получил Государственную премию Российской Федерации.

Дом русского зарубежья – уникальный комплекс, сочетающий функции музея, архива, библиотеки, научно-исследовательского, информационного, культурно-просветительского и издательского центра.

Сегодня здесь хранятся рукописи Всероссийской мемуарной библиотеки, собранные А.И. Солженицыным, автографы И.А. Бунина, А.И. Куприна, М.И. Цветаевой, А.М. Ремизова, А.Н. Бенуа, А.И. Деникина, С.М. Лифаря, В.П. Аксенова и многих других выдающихся деятелей эмиграции, в том числе Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, П.Н. Милюкова, И.И. Сикорского, полные комплекты всех ведущих периодических изданий российских изгнанников. Конечно, надо упомянуть и архивные собрания великого князя Андрея Владимировича, князя Н.Л. Оболенского – начальника Общей канцелярии Великого князя Николая Николаевича. Музейный фонд включает произведения А.Н. Бенуа, Ф.А. Малявина, С.Л. Голлербаха, сотни рисунков, акварелей,

эстампов, медалей и значков как Императорской, так и Белой армий… Все перечислить невозможно. На сайте http://www.domrz.ru представлена электронная информация о собраниях Дома русского зарубежья, многочисленных научных и культурных мероприятиях, которые регулярно проводятся здесь.

При Доме действует киностудия, на которой снято уже более 50 документальных фильмов, посвященных трагедии и триумфу российских изгнанников. Один из них, созданный руководителем студии Сергеем Зайцевым, назван «Посольство на Таганском холме». Зинаида Гиппиус говорила: «Мы не в изгнании, мы – в послании». Эту миссию сегодня продолжает Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

1. ALLARD P. Les sanctions européennes à l'encontre de la Russie. Maintenir la paix par d'autres moyens // Conférence du Club du CEPII. – P., 2016. – 20.01.– Mode of access: http://www.cepii.fr/BLOG/bi/post.asp?IDcommunique=455

2. CROZET M., HINZ J. Sanctions et embargos: Quels impacts sur le commerce de la France vers la Russie ? // La Lettre du CEPII. – P., 2016. – N 360. – 4 p. – Mode of access: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/lettre/2016/let360.pdf

3. Impact mondial des restrictions aux importations de produits agricoles et alimentaires en Russie // Perspectives agricoles de l'OCDE et de la FAO 2015–2024 / OCDE/FAO. – 2015. – P. 51–52. – Mode of access: http://www.fao.org/3/a-i4738f.pdf

В статьях рассматриваются особенности экономических санкций, принципы и цели их введения, а также влияние санкций западных стран в отношении России и российских контрсанкций на мировую и французско-российскую торговлю.

Консультант Центра анализа, прогнозов и стратегии (Centre d'analyse, de prévision et de stratégie, CAPS) министерства иностранных дел Франции П. Аллар (1) отмечает, что экономические санкции в международных отношениях имеют очень давнюю историю. Первое упоминание о них относится к 432 г. до н.э. (введение Афинами торговых санкций против Мегары). В настоящее время ограничительные меры в международных отношениях являются обычной практикой. В распоряжении ООН имеется 16 режимов санкций, ЕС – 34, США – около 30, Канады – более 20. К подобным мерам прибегают и такие страны, как Швейцария, Норвегия, Австралия и Новая Зеландия. Многие страны используют односторонние экономические санкции против государств, физических и юридических лиц. Россия применяла и применяет классические ограничительные торговые меры (эмбарго на импорт или экспорт) по отношению в основном к странам СНГ и другим соседним странам. Многие санкционные меры носят символический характер (снижение уровня представительности, запрет въезда), другие (эмбарго на торговлю вооружениями и товарами и услугами двойного назначения) не так безобидны (1).

Особенность экономических и финансовых санкций состоит в том, что они затрагивают экономические интересы как стран, против которых они направлены, так и инициаторов санкций, поскольку влекут за собой дополнительные издержки для их экономики.

Санкции часто подвергаются жесткой критике со стороны предприятий. Последствия санкций болезненно отражаются на наиболее уязвимых слоях населения. Кроме того, экономические санкции вызывают страх, поскольку нередко предваряют вооруженные конфликты. Эффективность санкций иногда ничтожно мала по сравнению со связанными с ними издержками и страданиями. Так, санкции против Ирака в значительной мере дискредитировали экономические санкции в глазах общественного мнения, экспертов и политиков.

Хотя государства продолжают пользоваться санкциями как инструментом дипломатического принуждения, иракский опыт показал необходимость поиска новых направлений экономического давления одних государств на другие. К ним относится запрет доступа к отдельным странам, секторам экономики, организациям и физическим лицам, к институтам или ресурсам, в частности к валютным и финансовым ресурсам западных государств. Аллар считает такого рода санкции против России весьма эффективными (1).

В свою очередь сотрудники Французского центра экономической конъюнктуры (Observatoire français des conjonctures économiques, OFCE) М. Крозе и Ж. Хинц отмечают, что торговыми санкциями трудно управлять: при запрете на экспорт или импорт некоторых продуктов страна, вводящая санкции, может наказать сама себя. Чтобы обеспечить эффективность санкций, необходимо четко определить их цели [2, с. 1].

Торговое эмбарго – это оружие сильных стран. Чем больше по размеру вводящая его страна, тем больший рынок теряет страна, против которой оно направлено. Чем меньше целевая страна, тем меньше издержки, связанные с исчезновением поставщиков, несет инициатор санкций. Иллюстрациями подобных ситуаций являются американское эмбарго на кубинские продукты (1962), торговые санкции против Ирана (1988) и Бирмы (1990–2013).

Иная ситуация складывается в случае с Россией. С одной стороны, обширный российский рынок очень привлекателен для западных стран, с другой – российская экономика довольно сильно зависит от западных рынков (на ЕС приходится более 30% российской внешней торговли) [2, с. 2]. В этой ситуации наилучшей стратегией для инициатора санкции, ограничивающей ущерб собственной экономике, является четкое определение их целей, сосредоточение санкций на некоторых секторах. Санкции должны как можно меньше влиять на экономику их инициатора и наносить максимальный экономический и политический ущерб стране, против которой они направлены.

Европейские санкции против России затрагивали, прежде всего, финансовые интересы некоторых российских олигархов и такие стратегические сектора, как производство вооружений, энергетика, добыча полезных ископаемых и

финансовые транзакции. Вводя запрет на ввоз продовольственной продукции (говядины, свинины, птицы, рыбы и морепродуктов, молока и молочных продуктов, овощей и фруктов) из стран ЕС, Норвегии, США и Канады, Россия также руководствовалась подобными соображениями. Доля указанных стран в российском импорте перечисленных продуктов составляла 32% в стоимостном выражении [3, с. 51].

Что касается Франции, российское эмбарго затрагивает исключительно сельскохозяйственные и пищевые продукты, доля которых во французском экспорте в Россию в 2013 г. составляла менее 4% [2, с. 2]. Но политическое влияние этого решения выходит далеко за экономические рамки. Российское эмбарго на импорт сельскохозяйственной продукции «наказывает» сектор, в котором действует мощное лобби, способное довести до властей свое недовольство. Кроме того, предприятия, первоначально не затронутые санкциями, могут опасаться расширения эмбарго или финансовых санкций, затрудняющих международные расчеты.

Использованный сотрудниками OFCE метод предварительной оценки влияния экономических санкций и контрсанкций на франц-зско-российскую торговлю состоит в выявлении возможных отклонений в общей тенденции французского экспорта в Россию (и в численности предприятий-экспортеров), совпадающих с введением санкций, а также возможных шоков, сопровождающих санкции, которые могут затронуть весь французский экспорт.

Чрезвычайно искаженный политико-экономический контекст затруднял анализ, поскольку речь шла не об изолированном случае, а о серии накладывающихся друг на друга событий (украинский конфликт, европейские санкции и российское эмбарго). Все они происходили на фоне сложной для России макроэкономической ситуации. В момент введения санкций (и, возможно, именно из-за них) российская экономика вошла в период сильных потрясений: в течение 2014 г. быстро падал рост ВВП, резко обесценивался рубль.

При проведении анализа авторы разделили все экспортные товары на две группы: товары, попавшие под российское эмбарго, и прочие. В выборке авторов на первую группу товаров в 2013 г. приходилось 3,9% французского экспорта в Россию [2, с. 3]. Анализ показал, что французский экспорт товаров, на которые распространяется российское эмбарго, резко сократился с июля 2014 г. и упал практически до нуля в августе того же года. В то же время показатели экспорта в целом отклонялись от прогнозных в сторону уменьшения с начала украинского конфликта. При этом сокращение торговли усилилось после введения европейских санкций. Таким образом, падение экспорта сельскохозяйственной продукции обусловлено не только российским эмбарго, но и быстрым ростом странового риска и стоимости финансирования тор-

говли из-за политической нестабильности и европейских санкций. Это подтверждается спадом экспорта в Россию, наметившемся в начале 2014 г. и усилившимся с введением западных санкций. Тем не менее экспорт товаров, не входящих в российский санкционный список, возвратился к своему нормальному уровню осенью 2014 г., когда украинский конфликт вошел в определенные рамки, а европейские санкции перестали оказывать влияние на торговлю.

В целом с декабря 2013 по декабрь 2014 г. французский экспорт в Россию сократился примерно на 1,031 млрд евро (не считая продукцию авиационной, атомной промышленности и производства вооружений), что, по оценке авторов, составляет около 14% торгового потенциала. Одна треть этих потерь связана с неопределенностью перспектив вооруженного конфликта на Украине, две трети – с санкциями, навязанными России западными странами [2, с. 4].

Российское эмбарго на сельскохозяйственную продукцию не оказало существенного влияния на французский экспорт в целом, что объясняется как незначительной долей этой продукции в общем французском экспорте, так и уже происшедшим значительным снижением торговли сельскохозяйственной продукцией под воздействием войны на Украине и особенно западных санкций. При этом авторы подчеркивают, что чистые потери от закрытия российского рынка оценить трудно, поскольку затронутые эмбарго продукты могли найти другие национальные и международные рынки. При этом французские экспортеры (за исключением экспортеров сельскохозяйственной продукции) не ушли с российского рынка, и, по мнению авторов, по мере нормализации политической ситуации быстро восстановят свои позиции.

В то же время аналитики ОЭСР и ФАО отмечают, что Россия, во-первых, несомненно, продолжит наращивать собственное производство продуктов питания при государственной поддержке крупных сельскохозяйственных предприятий. Во-вторых, Россия уже переориентировалась на другие источники импорта продовольствия. Например, место ЕС как основного экспортера свинины в Россию заняла Бразилия. Доля бразильского экспорта птицы выросла с 9,8% в 2013 г. до 25,4% в 2014 г. Импорт молочных продуктов из ЕС сократился, тогда как Аргентина, Уругвай и особенно Белоруссия значительно его увеличили. Доля Белоруссии в общем российском импорте молочных продуктов выросла с 40% в начале 2014 г. до 72% после введения санкций [3, с. 51].

Латинская Америка, которая и до западных санкций была основным экспортером говядины в Россию, после их введения завоевывает доли рынка других продуктов. Более географически близкие к России страны (Азербайджан, Белоруссия, Китай, Израиль, Сербия) также расширяют

поставки различных продуктов в РФ. Такие новые экспортеры, как Сербия, достаточно конкурентоспособны, чтобы сохранить российский рынок даже после отмены эмбарго, закрепившись на нем в период слабой конкуренции со стороны основных производителей. Таким образом, изменение структуры торговли продуктами питания может оказать долгосрочное влияние не только на торговлю, производство и потребление в России, но и на мировой рынок [3, с. 52].

И.Ю. Жилина

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

Э.Н. Соболев. Россия: Заработная плата и динамика забастовочной активности
E.N. Sobolev. Russia: Wages and the Dynamics of Strike Activity

Ключевые слова: этапы забастовочного движения, виды забастовок, реальная заработная плата, факторы забастовочной активности, профсоюзы.

Keywords: strike activity stages, real wages, strike types, strike activity factors, trade-unions.

В статье исследуется уровень забастовочной активности на различных этапах современной истории России и его связь с динамикой оплаты труда. Раскрываются экономические, институциональные и ценностные факторы низкой забастовочной активности. В заключение делается прогноз развития забастовочного движения на ближайшую и среднесрочную перспективу.

The paper analyzes the strike activity levels at the different stages of contemporary Russia history in their relation to wage dynamics. Considered are the economic, institutional and value factors of low strike activity. In conclusion, the author gives his short- and medium-term forecast for the strike activity in the country.

О.А. Александрова. Борьба с бедностью и неравенством: Мифы и аксиомы
O.A. Aleksandrova. Overcoming poverty and inequality: Myths and axioms

Ключевые слова: бедность, неравенство, бюджетный дефицит, социальные расходы, перераспределение доходов.

Keywords: poverty, inequality, budget deficit, social spending, redistribution of income.

Экономический кризис усиливает избыточное неравенство и относительную бедность, оказывающие негативное влияние на макроэкономические и демографические показатели. Но вместо перехода к эффективному перераспределению доходов упор делается на сокращение социальных расходов. В статье показано, что ряд лежащих в основе подобной политики постулатов – не более чем давно опровергнутые теорией и практикой мифы. Подвергнут критике и сам исходный постулат о нехватке бюджетных средств. Приведен целый перечень мер, способствующих пополнению бюджета либо пресекающих отток ресурсов за рубеж, но не используемых в современной России.

The current economic crisis has produced a great deal of disproportionate inequality and relative poverty in the country, exerting a highly negative impact on its macroeconomic and demographic indicators. However, instead of effective income redistribution, there is a tendency to cut social spending. The article shows that some key postulates of this policy are nothing more than myths, long ago debunked by theory and practice. In addition, what is doubtful is the initial postulate about budget shortages in the country. Suggested is a list of measures that could contribute to the replenishment of budget or prevention of outflow of financial resources abroad.

Д.В. Мельник. Модернизация экономики России: В поисках субъекта
D.V. Melnik. Modernizing the economy of Russia: In search of subject

Ключевые слова: модернизация экономики, экономическая политика России, субъект модернизации, периферийный капитализм.

Keywords: modernization, Russian economy, peripheral capitalism.

Модернизация экономики России – ускоренное преодоление технико-экономического отставания, отход от модели экономического роста, основанной на извлечении и перераспределении сырьевой ренты и обеспечение соответствующих структурных сдвигов, – сегодня практически выпала из общественных дискуссий. Российская экономическая система рассматривается в статье с точки зрения концепции периферийного капитализма аргентинского экономиста Р. Пребиша. Особенности политико-экономической системы периферийного капитализма, даже при устойчиво высоком спросе на модернизацию со стороны общества, порождают ловушки на этом пути,

создают угрозу запуска порочного политического цикла, препятствующего подлинной демократизации и преодолению экономического отставания.

The idea of modernization of the Russian economy, once so popular in the Russian political discourse, has now almost come into oblivion. The current economic crises has greatly changed the Russian political and economic agenda, despite the fact that there is still no lack of political will to modernize the country. Drawing on the concept of peripheral capitalism suggested by Raúl Prebisch, the article argues that any attempt to overcome the economic backwardness of Russia will face serious obstacles. The quality of political elite in a peripheral economy is the crucial factor for a successful implementation of development strategy.

А.А. Горелов. Мегатенденция современного мирового развития
A.A. Gorelov. The megatrend of the present-day global development

Ключевые слова: мегатенденция, глобальный неоколониализм, Запад, Россия, финансократия, сверхвласть, сверхгосударство, сверхобщество, глобальная гибридная война.

Keywords: megatrend, global neo-colonialism, the West, Russia, finansocratia, super-authority, super-state, super-society, global hybrid war.

Мегатенденция мирового развития анализируется как становление системы глобального неоколониализма, где метрополией выступают страны Запада во главе с США, которые рассматриваются как финансовократия с господствующим финансово-военно-промышленным комплексом. Отмечается, что задачей русской цивилизации становится организация борьбы большинства незападных народов против глобального неоколониализма.

Comceptualizing the of the present-day world as a development of a system of global neo-colonialism in which the Western countries, with the USA at the head, constitute an imperial metropolis, the author describes this system in terms of «finance-cratia», dominated by a financial-military-industrial complex, and sees the mission of the Russian civilization in organizing the majority of non-Western countries against the global neo-colonialism.

В.Н. Чернега. «Брексит» и европейские перспективы России
V.N. Chernega. «Brexit» and the European perspectives of Russia

Ключевые слова: «брексит», изменение геостратегической ситуации в Европе, противоречия в ЕС, «евробюрократия», значение России как фактора «баланса сил», «поворот на Восток».

Keywords: «brexit», changes in the European geostrategic situation, contradictions within EU, Russia as a factor of «balance of forces», «the turn towards the East».

Так называемый «брексит» Великобритании меняет ситуацию в Европе. Ослабляется влияние США на решения ЕС, у него появляется возможность бóльшей самостоятельности, повышается роль России как фактора «баланса сил» на континенте, особенно в сфере безопасности. В то же время попытка «поворота на Восток» для России малоперспективна.

The so-called «brexit» is changing the geopolitical situation in Europe. The influence of the USA on the decisions within the EU is diminishing, the Union becomes more independent, the role of Russia in the balance of forces is strengthening, especially in the security field. At the same time, any attempt of Russia to turn to the East would hardly be effective.

В.А. Ковалёв. «Лишние» люди – новые «расколы»: Основа конфликтов в современном мире
V.A. Kovalev. «Unwanted» people – new «schisms»: The foundation of conflicts in today's world

Ключевые слова: роботизация, компьютеры, безработица, демография, социально-политические размежевания, политика, демократия, кризис, война.

Keywords: politics, democracy, robotics, computers, unemployment, demography, socio-political disengagement, crisis, war.

Рассматриваются вопросы о социально-политических последствиях демографических и технологических изменений в современном мире и России. Предлагается прогноз о возможных новых социально-политических размежеваниях («расколах»).

The paper looks at the social and political consequences of technological and demographic transformations both in the world as a whole and in Russia. Suggested is a forecast of new socio-political divisions («schisms») resulting from these transformations.

И.С. Синицина. Некоторые итоги социального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы за годы системной трансформации

I.S. Sinitsina. Some outcomes of the social development in the Central and South-Eastern countries during the years of systemic transformation

Ключевые слова: страны Центральной и Юго-Восточной Европы, социальная политика, социальное развитие, бедность, социальная маргинализация.

Keywords: countries of Central and South-Eastern Europe, social policies, social development, poverty, social marginalization.

При рассмотрении итогов социального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы особое внимание уделяется процессам сокращения зоны бедности и социальной маргинализации. На основе европейской статистики дается оценка распространения глубоких зон бедности и рисков попадания в них отдельных типов домохозяйств и населения, относящегося к различным возрастным когортам в отдельных странах региона.

Analyzing the trends of social development in the countries of Central and South-Eastern Europe, the article pays special attention to the reduction of poverty and social exclusion zones. Based on Eurostat data, the paper attempts to assess the proportion of population living in the conditions of severe poverty and social exclusions as well as identify the most vulnerable households and population groups in the individual countries of the region.

Т.Э. Валева. Российско-болгарские отношения сегодня

T.E. Valeva. The present-day Russia-Bulgaria relations

Ключевые слова: российско-болгарские отношения, возможности сотрудничества, перспективы экономических и политических связей.

Keywords: Russia-Bulgaria relations, opportunities for co-operation, perspectives for strengthening economic and political ties.

В статье отражены особенности взаимоотношений России и Болгарии в новых геополитических условиях: украинского и сирийского кризисов, осложнения российско-турецких отношений. В создавшейся ситуации осложняются и экономические отношения обеих стран.

Examining the Russia-Bulgaria relations in the new geopolitical conditions that arose following the developments in Ukraine and Syria, the author argues that the economic relations between the two countries are becoming more complicated than ever before.

В.Н. Бабенко. «Майданная» Украина (2005–2014): Между Россией и Евросоюзом
V.N. Babenko. The «Maidan» Ukraine (2005–2014): Between Russia and the European Union

Ключевые слова: Украина, Россия, Евросоюз, внешняя политика, В. Ющенко, В. Янукович, политический кризис 2014 г.

Keywords: Ukraine, Russia, European Union, foreign policy, V. Yushenko, V. Yanukovich, the political crisis of 2014.

В статье рассматриваются вопросы формирования внешнеполитической стратегии Украины в период президентства В. Ющенко и В. Януковича, а также их роль в развитии отношений Украины с Россией и Евросоюзом в 2005–2014 гг. Анализируются причины, приведшие Украину к глубокому политическому кризису и государственному перевороту в феврале 2014 г.

The paper looks at the foreign policy strategies pursued during the presidencies of V. Yushenko and V. Yanukovich as well as their roles in the evolution of Russia–Ukraine relations and the relations between Ukraine and the European Union in 2005–2014. Analyzed are the causes that produced a deep political crisis in Ukraine and led to the Ukrainian coup d'etat in February 2014.

В.Ю. Даренский. Массовый национализм в современной Украине: Необходимость осмысления

V.Yu. Darenskiy. Mass Nationalism in the present-day Ukraine: The need of understanding

Ключевые слова: Украина, национализм, массы, социальный стресс, национальная идентичность.

Keywords: Ukraine, nationalism, masses, social stress.

В статье рассматривается массовый радикальный национализм на Украине как мировоззренческий феномен. Показано, что в его основе лежит невротический коллективный нарциссизм как следствие исторической «травмы модернизации» и социального стресса, который является иллюзорным «компенсатором» коллективного чувства неполноценности, порожденного упадком и маргинализацией этнокультурной общности украинцев. Отдельное внимание уделяется постулатам «интегрального национализма» Д. Донцова как самой популярной ныне версии идеологии украинского радикального национализма.

The article looks at the mass radical nationalism in today's Ukraine. Arguing that this mentality stems from the neurotic collective narcissism, the author traces its roots to the historic «trauma of modernization» and social stress, i.e. social conditions in which nationalistic attitudes become an illusory compensation for the feelings of «historic inferiority». Special attention is paid to the postulation of «integral nationalism» by D. Dontsov as the most popular present-day version of Ukrainian radical nationalism.

В.А. Радзиевский. О современных украинских мифах

V.A. Radziyevsky. About the current Ukrainian myths

Ключевые слова: миф, культура, Украина, нацизм, истина, история.

Keywords: myth, culture, Ukraine, nazism, history.

В статье дан очерк наиболее распространенных националистических и антироссийских мифов, которые активно внедряются сегодня в общественное сознание украинского населения.

Analyzed are the most widespread nationalistic and anti-Russian myths that are aggressively promoted in today's Ukrainian society.

А.Г. Донгаров. Пакт Молотова–Риббентропа: Запланированный экспромт

A.G. Dongarov. Molotov–Ribbentrop Pact: A planned impromptu

Ключевые слова: Советско-германский договор о ненападении, система коллективной безопасности, трехсторонние англо-франко-советские переговоры, военное сотрудничество между СССР и Германией, советско-германские переговоры, польский вопрос, реальные подоплёки пакта Молотова–Риббентропа.

Keywords: Soviet-German non-aggression pact, the system of collective security, the tripartite negotiations between Britain, France and the Soviet Union, military co-operation of the USSR and Germany, Soviet-German talks, the Poland problem, the underlying cause of the Molotov–Ribbentrop pact.

Обращаясь к истории советско-германских отношений начиная с Рапалло, а также к предыстории заключения пакта Молотова–Риббентропа, автор обосновывает свою точку зрения, что СССР руководствовался стремлением выбрать выгодный для себя момент вступления в европейскую войну, причем в превентивном порядке, с целью добиться доминирования в Европе.

Looking at the history of Soviet-German relations from Rapallo on and the prehistory of the Molotov–Ribbentrop pact, the author argues that the USSR strove to find the most convenient moment for entering into European war in order to achieve dominance in Europe.

А.А. Мигранян, М.Ф. Ткаченко. Правовые аспекты гармонизации трудового миграционного законодательства

A.A. Migranyan, M.F. Tkachenko. Legal aspects of harmonization of migration legislation

Ключевые слова: Евразийский союз, общий рынок труда, СНГ, национальное законодательство, соглашения стран ЕАЭС по регулированию миграции.

Keywords: Eurasian Union, a common labor market, national legislation, agreements of EEU member countries to regulate migration.

В статье проведен сравнительный анализ законодательных норм, положений и межгосударственных соглашений в области регулирования миграции. Исследованы противоречия и несоответствия национального законодательства положениям Соглашения о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов СНГ и Договора о ЕАЭС в контексте создания общего рынка труда.

The article contains a comparative analysis of legislative norms, regulations and international agreements in the field of migration management. Analyzed are inconsistencies and discrepancies of national legislation with the provisions of the Agreement on cooperation in labor migration and social protection of migrant workers of the CIS countries and the Eurasian economic Union in the context of creating a common labor market.

А.В. Гордон. Китай при Си Цзиньпине: Проблемы и перспективы
A.V. Gordon. Xi Jinping' China: Problems and Perspectives

Ключевые слова: Китай, реформы, внешняя политика, Си Цзиньпин.

Keywords: China, reforms, foreign politics, Xi Jinping.

В начале 2010-х годов Китай столкнулся с серьезными трудностями. Замедлились темпы экономического роста и обнаружились его социальные издержки. Были исчерпаны в значительной степени предпосылки быстрого роста. Новое руководство КПК во главе с Си Цзиньпином наметило курс углубления реформ. В силу различных причин, как показано в статье, упор был перенесен на внешнеполитическую и внешнеэкономическую активность, преследующую цель продвижения Китая в ранг мировых держав.

At the beginning of the 2010s, China encountered some very serious challenges. Its economic development slowed down, while the social costs of the «Chinese miracle» came to the surface. The potential for fast growth of the country dried up. The new leadership of the CCP, with Xi at the helm, designed a new reform course. As the article describes, the main stress was laid on foreign political and economic activities that could strengthen China’s position as a world power.

Л.С. Дегтярь, Е.Е. Шестакова. Социальное страхование КНР на этапе преобразований

L.S. Degtyar', E.E. Shestakova. Social insurance in China during the times of transformation

Ключевые слова: пенсионное, медицинское, социальное страхование в Китае, пилотные программы, добровольное и обязательное страхование.

Keywords: retirement, medical and social insurance system in China, pilot programs, voluntary and obligatory insurance.

Формирование основных элементов национальной страховой системы КНР отражает особенности политики страны в сфере социального обеспечения: выделение отдельных сегментов страхования по географическому признаку и соответствие социальному статусу застрахованных. Показаны источники финансирования каждой из действующих страховых схем: набор услуг, соотношение добровольной и обязательной форм, критерии включения граждан в страховые схемы.

The evolution of the main elements of the national insurance system in China reflects the peculiarities of the country's policies in the social security field: designation of individual segments of insurance according to geographical criteria and conformity of the system with the social status of the insured. Analyzed are the sources of financing for each of the practiced insurance schemes.

В.М. Головач. Западнорусизм как концепция белорусского этногенеза

V.M. Golovach. Zapadnorusizm as a theory of Byelorus' ethnic development

Ключевые слова: Беларусь, западнорусизм, Речь Посполитая, св. Георгий Конисский, митрополит Иосиф (Семашко), М.О. Коялович, Е.Ф. Карский, «неозападнорусизм».

Keywords: Byelarus', zapadnorusizm, Rzecz Pospolita, St. George Konissky, archbishop Iosif (Semashko), M.O. Koyalovich, Ye.F. Karsky, «neo-zapadnorusizm».

В статье рассматриваются основные черты интеллектуально-духовного и этнографического движений, которые в Белоруссии XIX в. сложились под

названием «западнорусизм». Прослеживаются связи этого течения с деятельностью церковных иерархов, в XVIII в. последовательно отстаивавших права православных верующих в белорусском крае. Проанализированы взгляды наиболее видных представителей западнорусизма – М.О. Кояловича и Е.Ф. Карского. Показана актуальность западнорусской идеи для сегодняшней научной и общественной мысли Беларуси.

Looking at the main features of the intellectual and ethnographic movement of zapadnorusizm, which emerged in Byelorus' in the XIX century, the author traces its roots to the efforts of the prominent church figures who promoted the rights of Orthodox believers in Rzecz Pospolita. Analyzed are the works of the most prominent representatives of zapadnorusizm – M.O. Koyalovich and Ye.F. Karsky. Arguing that the ideas of this movement are quite relevant for today's intellectual scene of Byelarus', the paper shows how they manifest themselves in historical works, mass media and psychological attitudes of the Byelarus' society.

С.Я. Левит. Творчество М.О. Гершензона в восприятии современников

S.Ya. Levit. M.O. Gershenzon in the perception of contemporaries

Ключевые слова: духовная жизнь, умонастроение, внутренняя личность, дух, душа, человек культуры, уклад, смысл творчества, творческое самосознание, стиль жизни, культура, цивилизация, кризис культуры, философия истории.

Keywords: spiritual life, mentality, inner personality, spirit, soul, man of culture, life mode, sense of creativity, creative identity, lifestyle, culture, civilization, crisis of culture, philosophy of history.

Наследие русского историка, литературоведа, культурфилософа М.О. Гершензона оставило след в российском самосознании. Его психологические и философские исследования духовной жизни России, повседневного бытия людей, стиля жизни, умонастроений, кризиса культуры и цивилизации, представленные в данной статье, пронизаны вековечной тоской по трансцендентным векторам истории культуры.

The heritage of the Russian historian, philologist and philosopher M.O. Gershenzon, has had a great impact on Russian mentality. His psychological and philosophical studies of the Russian spiritual life, of everyday life of people, of lifestyle and mentalities, of cultural and civilizational crisis, analyzed in the

article, are full of eternal longing for the transcendent vectors of the cultural history.

В.М. Кулькина. Особенности современной прозы: Деконструкция текста у В. Пелевина и П. Остера

V.M. Kulkina. The peculiarities of modern prose: Deconstruction of texts in V. Pelevin's and P. Auster's

Ключевые слова: деконструкция, постмодернизм, В. Пелевин, П. Остер.

Keywords: deconstruction, postmodernism, V. Pelevin, P. Auster.

В статье проведен сравнительный анализ творчества двух заметных фигур американского и русского постмодернизма – В. Пелевина и П. Остера. Сделана попытка уточнить, опираясь на труды отечественных и зарубежных литературоведов, своеобразие трактовки понятия «деконструкция» в разных национальных литературах, прослежены формы практического использования приемов деконструкции в романах этих писателей.

The article contains a comparative analysis of the texts of the two outstanding figures of the American and Russian postmodernism – V. Pelevin and P. Auster. Drawing on the works of Russian and foreign literary critics, the author attempts to trace through the forms of practical usage of deconstruction methods in the novels of these writers.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 3 – 2016 (92)

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 05.09.2016 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 21,4 Уч.-изд. л. 15,7
Тираж 870 экз. Заказ № 111

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9